Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение
высшего образования
«Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации»

На правах рукописи

Белитченко Павел Денисович

СТРУКТУРНЫЕ ТРАНСФОРМАЦИИ МИРОХОЗЯЙСТВЕННЫХ СВЯЗЕЙ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОСТИ

5.2.5. Мировая экономика

ДИССЕРТАЦИЯ
на соискание ученой степени
кандидата экономических наук

Научный руководитель — Кузнецов Алексей Владимирович, доктор экономических наук, с.н.с.

Москва – 2026

Оглавление

Введение ... 3
Глава 1 Трансформация среды международных экономических отношений в условиях многополярности ... 14
1.1 Структура, динамика и тенденции развития мирохозяйственных связей ... 14
1.2 Многополярность как современный этап институциональной трансформации международных экономических отношений ... 31
1.3 Структурная адаптация российской экономики к реалиям геоэкономической фрагментации ... 43
Глава 2 Геоэкономические аспекты изменения структуры мирохозяйственных связей ... 55
2.1 Адаптация систем международных расчетов к условиям многополярности ... 55
2.2 Позиции стран в глобальной сети односторонних мер регулирования внешней торговли ... 66
2.3 Устойчивость полюсов информационно-технологической глобализации к рискам декаплинга ... 89
Глава 3 Ориентиры суверенной политики в многополярном мире ... 103
3.1 Формирование принципов противодействия фрагментации мировой валютно-финансовой системы ... 103
3.2 Развитие зарубежных подходов к обеспечению экономической безопасности в условиях многополярности ... 112
3.3 Механизмы развития и повышения устойчивости российской экономики на современном этапе ... 122
Заключение ... 131
Список литературы ... 135
Приложение А Предварительная выборка инициаторов и целей дискриминирующих и либерализующих внешнеторговых интервенций на уровне стран ... 161

Введение

Актуальность темы исследования. Современная глобальная экономика характеризуется усложнением сети связей между ее субъектами ввиду многочисленных экзогенных факторов. Из-за активного вмешательства правительств в международные экономические отношения по геополитическим соображениям происходит отход от принципов глобализации, обеспечивших стремительное развитие мировой экономики в конце XX – начале XXI веков. Вместо этого государства фокусируются на повышении экономического суверенитета и препятствовании развитию стратегических конкурентов. В совокупности это приводит к рекурсивному увеличению значимости экономической безопасности каждого государства и все более активному росту ограничительных и протекционистских мер, затрагивающих одновременно институциональную, торговую, финансовую и технологическую сферы мирохозяйственной системы.

Однако поляризация международных отношений является признаком наличия как фрагментационных тенденций в мировой экономике, так и интеграционных, поскольку она вынуждает отдельных акторов кооперироваться для защиты совпадающих интересов и извлечения общей выгоды. Это приближает современное мироустройство к представлениям о многополярности XIX века, где равновесность крупнейших стран в сферах их могущества и влияния играла роль сдержек и противовесов в обеспечении глобальной стабильности и конкурентного развития.

В то же время все эти тенденции, видимые во внешнеэкономической политике государств, могут не находить отражения в деловых практиках. Более того, поведение предпринимателей может противоречить геоэкономическим устремлениям их правительств. Подобные разрывы, видимые лишь при комплексном анализе, могут таить в себе не только риски для продолжения существования устоявшихся торговых и производственных

связей, но и указывать на неиспользованные возможности для преодоления барьеров, препятствующих устойчивому развитию мировой экономики.

Понимание сущности происходящих трансформаций мирохозяйственных связей имеет критическое значение для принятия обоснованных решений во внешнеэкономическом регулировании, международной торговле и инвестициях.

Степень разработанности темы исследования. Работы ученых Финансового университета сформировали фундаментальные представления о развитии мировой экономики и мировой валютно-финансовой системы (далее – МВФС). Теоретическое описание доминировавшей до недавнего времени парадигмы экономической глобализации приводится в статьях В.Л. Абрамова [106; 107]. Происходящие же сегодня трансформации в пространстве международных экономических отношений изложены в коллективной монографии В.В. Перской под редакцией В.Я. Пищика и О.И. Солдатенковой [6].

Исследованию проявлений фрагментации и многополярности в экономической сфере посвящены научные труды А.В. Кузнецова [130], В.В. Перской [136], Ю.Б. Кравченко [128], А.Ю. Дробинина [122], Б.А. Хейфеца [143]. Направления трансформации МВФС в условиях многополярности изложены в коллективной монографии ученых Финансового университета под редакцией Е.С. Соколовой и А.В. Кузнецова [7].

Фундаментальные проблемы международной кооперации и ее влияния на национальный экономический суверенитет описываются в статьях Р.В. Кашбразиева [125; 126]. Проблемы организации и реформирования мирового финансового рынка обозреваются в коллективной монографии Е.А. Звоновой, А.В. Кузнецова, В.Я. Пищика и др. [3]. Механизмы, обеспечивающие устойчивость российской экономики в условиях глобальной нестабильности, описываются в монографии под редакцией М.А. Эскиндарова и С.Н. Сильвестрова [11], а также в статье И.А. Балюк и М.А. Балюк [111].

Статьи Г.А. Щербакова [145; 146], А.А. Мальцева [132], В. Тока [157], Л. Сиравеньи [152], А.Х. Тарека [94] выявляют драйверы трансформации мировой экономики после шока, вызванного пандемией COVID-19. Различия в концептуальных подходах к пониманию и обеспечению экономической безопасности в разных странах подробно исследуются в статье Н.В. Цейковеца [144]. Описанию развития российской стратегии экономической безопасности посвящена работа Б.А. Быкова [119].

Оценке влияния санкций на национальные экономики посвящены статьи Е.С. Соколовой и А.Д. Протосени [139], Г.И. Табачинского и А.Г. Глебовой [121]. В статьях Ф.И. Аржаева [110] и П.И. Толмачева [140] показано, какие структурные изменения произошли во внешнеторговых связях России после введения санкций. Перспективы трансформации МВФС в современных условиях изложены в коллективной монографии под редакцией Е.С. Соколовой и И.А. Балюка [8].

Большую значимость в исследовании процессов фрагментации мировой экономики за последние годы приобрели рабочие документы ведущих исследовательских центров. К ним можно отнести исследование Б.С. Яворика для Европейского банка реконструкции и развития [82], а также работы П.Д. Файгельбаума [73], П.К. Голдберга и Т. Рида [78] для Национального бюро экономических исследований США (далее – НБЭИ США).

Сам термин «геоэкономическая фрагментация» наиболее полно раскрывается в фундаментальном исследовании, проведенном специалистами Международного валютного фонда (далее – МВФ) под руководством А. Шекхар [18]. Изучению фрагментации на макроуровне посвящена статья С. Чейз-Данн [150]. Количественное исследование влияния геополитики на структуру мирохозяйственных связей проводил коллектив авторов МВФ под руководством Г. Гопинат [15]. Исследованию промышленной политики как реакции государств на изменения в структуре мирохозяйственных связей посвящена монография Д. Родрика [89].

Оригинальный взгляд на дисбалансы в МВФС с американской точки зрения представлен в работе С.А. Мирана [85], являющегося экономическим советником Д. Трампа. Более системный подход к оценке влияния геополитики на глобальную финансовую стабильность был изложен экспертами МВФ М. Каталан [13], а под руководством Е. Боз [12] и А. Ианку [16] проводились исследования трансформации валютной структуры внешнеторговых расчетов и суверенных резервов.

Исследованию цифровых валют в российском академическом дискурсе посвящены научные труды Г.А. Бунич [118] и Л.В. Крыловой [129]. Среди зарубежных авторов теоретические основы цифровизации денег были сформулированы М.К. Брюннермейром для НБЭИ США [61]. Регуляторные аспекты разработки цифровых валют центральных банков освящены в докладе Банка международных расчетов (далее – БМР) [64].

Последствия торгово-технологического противостояния США и Китая оцениваются в научных работах, выполненных под руководством Д.А. Цердерио для МВФ [14], И. Эбехи для Гарвардской школы бизнеса [69], Кавалло для НБЭИ США [63], а также в статье М. Амити [148]. Подробно описание особенностей внутренней и внешней экономической политики Китая содержится в научных трудах Е.Ф. Авдокушина [108; 124]. Для Европейского центрального банка подобный анализ был проведен А. Аль-Хашими и Т. Спирит [58].

Целью исследования является решение научной задачи определения основных направлений структурных трансформаций в институциональной, торгово-производственной, платежно-инвестиционной и информационно-технологической сферах мирохозяйственной системы в условиях многополярности.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие **задачи**:

– охарактеризовать многополярность как современный этап институциональной трансформации международных экономических отношений;

– выявить и типологизировать страны, находящиеся в центральных узлах глобальной сети односторонних мер регулирования международной торговли;

– оценить устойчивость программ информационно-технологической глобализации США и КНР к рискам геоэкономической фрагментации;

– определить перспективы использования цифровых финансов в процессе адаптации международных расчетов к условиям многополярности.

Объектом исследования являются процессы структурной трансформации мирохозяйственных связей.

Предметом исследования является совокупность международных экономических отношений, складывающихся в результате структурных трансформаций мирохозяйственных связей в условиях многополярности.

Область исследования диссертации соответствует п. 1. «Мировое хозяйство, его структура, динамика и тенденции развития» и п. 22. «Соотношение национальных и международных механизмов регулирования экономических процессов. Международная координация экономической политики» Паспорта научной специальности 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки).

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования является акторно-сетевой подход, в рамках которого акторы международных экономических отношений рассматриваются с точки зрения их способности влиять на других участников сети и подвергаться чужому воздействию, а сеть понимается как совокупность мирохозяйственных связей, локальные изменения в которых оказывают влияние на всю среду международных экономических отношений. При проведении исследования использовались методы научного познания, системного анализа, дедукции, индукции, синтеза и другие; методы статистического анализа и эконометрического моделирования; методы обработки больших данных, снижения их размерности; методы кластеризации и классификации.

Информационная база исследования включает научные статьи и монографии ведущих российских и зарубежных ученых, доклады, аналитические материалы и рабочие документы международных организаций, записи исследовательских конференций, данные информационно-аналитических агентств и деловых СМИ, нормативно-правовые документы в области экономической безопасности и внешнеэкономических отношений и пр. Материалами для практической части исследования служат данные из статистических баз МВФ, UNCTAD, Trade Alert, Международного энергетического агентства, Швейцарского экономического института, TradingView, Google Search и др.

Научная новизна исследования состоит в развитии акторно-сетевого подхода к анализу процессов структурной трансформации в институциональной, торгово-производственной, платежно-инвестиционной и информационно-технологической сферах мирохозяйственной системы.

Положения, выносимые на защиту:

1) Обосновано, что многополярная конфигурация международных экономических отношений характеризуется укреплением экономического суверенитета и влиятельности стран Глобального Юга и Востока, которые стремятся повысить инклюзивность институтов мирохозяйственной системы через интеграционные объединения и механизмы политической координации. Выявлено, что этап многополярности задает вектор институциональной децентрализации мирохозяйственной системы, где развитие внешнеэкономического регулирования следует принципам глокализации. Показано, что с точки зрения бенефициаров однополярности этот процесс сопровождается распространением ревизионистских взглядов на современное состояние международных институтов и создает риски дестабилизации функционирующей системы экономических отношений. Установлено, что такие противоречия в целеполагании акторов формируют свойственные современному этапу многополярности условия повышенной

геоэкономической напряженности, предопределяющие направления структурной трансформации мирохозяйственных связей (С. 30-42; 50-53).

2) Выявлено, что рост случаев вмешательства государств в международные торгово-производственные отношения ведет к формированию глобальной сети из неупорядоченных односторонних мер регулирования международной торговли. В ходе анализа статистики внешнеторговых интервенций в период геоэкономической напряженности 2017-2024 гг. были определены страны, находящиеся в центральных узлах глобальной сети односторонних мер регулирования исходя из доли инициированных и перенесенных ими интервенций. Сопоставление этих данных с динамикой взаимных экспортных потоков позволило определить кластеры стран с общими паттернами как в регулировании, так и в торговле. На основе характерных различий между кластерами была сформирована типология торгово-регуляторного профиля, систематизирующая взаимоположение и роль стран в сети международных торгово-производственных отношений (С. 66-88).

3) Разработана эконометрическая модель оценки рисков информационно-технологической фрагментации. Выявлено, что намного большая автономность программы информационно-технологической глобализации США позволяет им проводить более агрессивный декаплинг в отношении Китая, создавая риск «вторичной изоляции» партнеров последнего. Сформирован вывод о рациональности возобновления делового сотрудничества России с ИТ-компаниями из недружественных стран при условии, если такое сотрудничество не будет препятствовать достижению технологического суверенитета и обеспечению информационной безопасности (С. 89-101).

4) Выявлено, что использование цифровых финансов в международных расчетах повышает их эффективность за счет снижения инфраструктурных издержек. Однако проблемы фрагментации ликвидности и риски для финансовой стабильности будут вести к увеличению числа посредников в

системе цифровых финансов, делая ее все более централизованной. Это, в свою очередь, будет облегчать работу органов финансового мониторинга по контролю за соблюдением санкций, результатом чего уже стали блокировки активов пользователей на счетах криптобирж, содержащих «российский след». В связи с этим цифровые финансы в среднесрочной перспективе могут утратить преимущества, сделавшие их одним из наиболее распространенных методов обхода ограничений (С. 62-65; 105-108).

Теоретическая значимость работы состоит в развитии направления геоэкономического анализа за счет комплексной оценки аспектов фрагментации международных экономических отношений, а также раскрытия особенностей структурных трансформаций мирохозяйственных связей в торговой, финансовой, технологической и институциональной сферах.

Практическая значимость работы состоит в определении стратегических ориентиров политики по снижению рисков международного экономического сотрудничества и диверсификации торговых, финансовых и технологических связей. Сформированные выводы и рекомендации могут быть использованы компаниями, финансовыми учреждениями, внешнеэкономическими органами государственных ведомств и Банком России для повышения своей устойчивости к геоэкономическим шокам.

Степень достоверности, апробация и внедрение результатов исследования. Достоверность результатов обеспечивается применением теоретических знаний в области международных экономических отношений; анализом выявленных и доказанных закономерностей; информационной, статистической и фактологической базой исследования; использованием широкого спектра научных источников. В работе приводятся таблицы, схемы и рисунки, наглядно иллюстрирующие основные положения проведенного исследования.

Основные выводы и результаты диссертационного исследования были представлены в рамках следующих научных мероприятий: на IX Ежегодной международной научно-практической конференции «Красавинские чтения»

(Москва, Финансовый университет, 20 декабря 2023 г.); на VI Международной научно-практической конференции «Трансформация финансовых рынков и финансовых систем в условиях цифровой экономики» (Москва, Финансовый университет, 24-25 октября 2024 г.); на X Ежегодной международной научно-практической конференции «Красавинские чтения» (Москва, Финансовый университет, 6 декабря 2024 г.); на XI Ежегодной международной научно-практической конференции «Красавинские чтения» (Москва, Финансовый университет, 9 декабря 2025 г.).

Результаты исследования были использованы при выполнении научно-исследовательских работ Финансового университета по теме «Трансформация мировой валютно-финансовой системы в современных условиях» (Государственное задание, приказ Финуниверситета от 19.06.2024 № 1584/о) в части определения перспектив развития международного денежного обращения с использованием децентрализованных финансов, коллективных денежных единиц, суверенных денег и цифровых валют центральных банков (степень участия составляет 6,2%); а также по теме «Формирование новых геополитических блоков в условиях фрагментации мировой валютно-финансовой системы» (грант Российского научного фонда, соглашение о предоставлении гранта от 08.05.2024 № 24-18-00443, приказ Финуниверситета от 07.07.2024 № 1510/о) в части раскрытия содержание концепта многополярности в дискурсе мировой экономики и оценки структурных изменений в сети международных экономических отношений под воздействием санкций и торговых войн (степень участия составляет 8,3%).

Материалы диссертации используются в практической деятельности Департамента стратегического развития финансового рынка Банка России (далее – Департамент). В частности, сделанные в диссертации заключения, определяющие особенности становления многополярной среды международных экономических отношений и описывающие проявления тенденций геоэкономической фрагментации, использовались при проведении исследования Департамента по анализу трендов и сценариев развития

мировой экономики на десятилетнем горизонте. Кроме того, в ходе разработки плана мероприятий направления «Финансовые услуги» Национальной модели целевых условий ведения бизнеса были учтены изложенные в диссертации подходы к развитию и повышению устойчивости российской экономики. Выводы и основные положения диссертации используются в практической работе Департамента для аналитического сопровождения деятельности по мониторингу и координации стратегического развития финансового рынка Российской Федерации; при этом изложенные в диссертации оценки отражают авторскую позицию и не являются официальной позицией Банка России.

Результаты исследования используются в практической деятельности ООО «Компания им. Святого Михаила» при консультировании клиентов по вопросам внешнеэкономической деятельности. В частности, проведенный в диссертации анализ влияния односторонних ограничений на структуру международных торгово-производственных цепочек, а также рассмотренные механизмы адаптации российских предприятий к внешнеэкономическим ограничениям были использованы для консультирования клиентов по вопросам параллельного импорта и определения надежных юрисдикций для выбора иностранных поставщиков. Использование приведенных в диссертации рекомендаций по снижению рисков международного экономического сотрудничества и диверсификации торговых, финансовых и технологических связей способствовало увеличению доходов компании за счет повышения оперативности и точности предоставляемой клиентам аналитики.

Материалы диссертации используются Кафедрой мировой экономики и мировых финансов Факультета международных экономических отношений Финансового университета в преподавании учебных дисциплин «Институциональная архитектура мирового финансового рынка», «Мировая экономика и международные экономические отношения» и «Национальные и региональные валютно-финансовые системы».

Апробация и внедрение результатов подтверждены соответствующими документами.

Публикации. Результаты диссертационного исследования отражены в 6 публикациях общим объемом 4,8 п.л. (авторский объем – 4,1 п.л.), в том числе 5 работ общим объемом 3,9 п.л. (авторский объем – 3,2 п.л.) опубликованы в рецензируемых научных изданиях, определенных ВАК при Минобрнауки России, из них 1 статья общим объемом 1,0 п.л. (авторский объем – 0,5 п.л.) опубликована в издании, входящем в международную цитатно-аналитическую базу Web of Science.

Структура и объем диссертации определяются логикой исследования в соответствии с целью и поставленными задачами. Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы, включающего 160 наименований, и одного приложения. Текст диссертации изложен на 165 страницах, включает 19 рисунков и 16 таблиц.

Глава 1
Трансформация среды международных экономических отношений в условиях многополярности

1.1 Структура, динамика и тенденции развития мирохозяйственных связей

Концептуальное осмысление *мирохозяйственных связей* как самостоятельного объекта исследования в отечественной экономической науке было во многом сформировано российским изданием работы П. Линдерта «Экономика мирохозяйственных связей», оригинал которой в свое время заложил теоретическую основу для изучения международных экономических отношений в зарубежных школах [5, с. 11-18]. Уникальность термина «мирохозяйственные связи» обусловлена тем, что он не только описывает совокупность национальных экономик и взаимосвязей между ними, но и дополнительно вбирает в себя практическую (хозяйственную) часть их взаимодействия.

Например, экспорт нефти из Ирана в Китай является составляющей их внешнеторговых отношений, фактологическая сторона которых анализируется при исследовании мировой экономики. Но осмысление практической стороны этой операции – того, что нефть из иранского танкера в открытом море должна быть перемещена на танкер другой страны с выключенными маркерами геолокации для обхода санкций США – представляет собой анализ сети мирохозяйственных связей, протянутых между этими тремя национальными экономиками, двумя логистическими компаниями, экспортером, импортером и несколькими надзорными органами. Все они, таким образом, выступают *акторами* в сети мирохозяйственных связей.

Ключевое отличие понятия «актор» от широко используемого в экономической науке понятия «субъект» заключается в том, что субъект по определению действует автономно, исходя из собственных целей, и

противопоставляется объекту, над которым он совершает некое действие. В свою очередь, понятие «актор» смещает фокус на реляционную составляющую любого участника экономических отношений – его включенность в *сеть связей*, через которую он оказывает влияние на других акторов, как субъект, и одновременно подвергается чужому воздействию, как объект [158]. При этом если «актор» служит обозначением источника и движущей силы трансформаций, то понятие «сеть» служит описанию каналов и системных последствий распространения этих трансформаций. Это следует из устоявшегося в социальных науках подхода к проведению исследования трансформационных процессов, который восходит к акторно-сетевой теории Б. Латура.

Согласно Б. Латуру, сеть – это «инструмент, помогающий в описании чего-то другого, а не предмет описания» [4, с. 184], который нужен для определения «способности каждого актора побудить других акторов делать неожиданные вещи» [4, с. 181]. Цель сетевого анализа – проследить, каким образом локальные взаимодействия приводят к масштабным трансформациям. При этом сетевой анализ не подразумевает ограничения методологической базы исследования лишь графами и схемами потоков, а подчеркивает необходимость поиска «непрерывных связей от локального взаимодействия к другим местам, временам и силам, побуждающим локальную инстанцию (актора) что-либо делать» [4, с. 243].

В акторно-сетевой теории действие актора и среда, в которой оно происходит, не рассматриваются как независимые: они интерферируют, взаимно влияя друг на друга и преобразуя как самого актора, так и конфигурацию связей, в которую он включен. Применительно к предмету настоящего исследования структурные элементы сети мирохозяйственных связей представлены на рисунке 1.1.

В левом сегменте рисунка 1.1 перечислены типы акторов международных экономических отношений в соответствии с масштабом анализа мирохозяйственных связей. Акторами микроуровня являются частные

предприниматели, фирмы и транснациональные корпорации (далее – ТНК). На мезоуровне анализа акторами выступают посредники в лице страховых организаций, транспортных компаний, кредитно-рейтинговых агентств, международных банков, платежных систем и др. На макроуровне рассматриваются экономические связи между отдельными государствами, а на мегауровне – экономические отношения, регулируемые на уровне международных организаций и наднациональных объединений. Как видно, акторы являются не просто субъектами указанных ранее сфер деятельности, но и центрами силы, способными управлять протекающими в этих сферах процессами и воздействовать на доступ к ним других акторов.

Структурные элементы сети мирохозяйственных связей

Акторы МЭО	Функциональные сферы	Виды взаимодействия
Предприниматели	**Торгово-производственная**	**Конкуренция**
Посредники	**Платежно-инвестиционная**	**Кооперация**
Государства	**Информационно-технологическая**	**Конфронтация**
Международные организации	**Политико-силовая**	**Координация**

Источник: составлено автором.
Рисунок 1.1 – Структурные элементы сети мирохозяйственных связей

Взаимодействие между акторами одного или разного уровней может принимать базовые формы, указанные в левом сегменте рисунка 1.1: кооперация, координация, конкуренция и конфронтация [153, с. 217-218]. Они не являются взаимоисключающими, часто сосуществуя и переплетаясь в реальной практике. Так, например, несмотря на то, что корпорация Samsung является *конкурентом* Apple, она одновременно является и его главным поставщиком дисплеев, что представляет собой случай *кооперации*. При этом

оба производителя *координируют* свои действия с государственными органами и организациями, устанавливающими международные стандарты.

Между тем сами государства, в которых зарегистрированы эти компании (Корея и США), также могут *конкурировать* за технологический потенциал, стремясь создать наиболее благоприятный инвестиционный климат и, одновременно, не допустить утечек технологий. В случае усиления геополитической напряженности страны могут войти в режим *конфронтации*, начиная повышать внешнеторговые пошлины, *координируя* свои действия в рамках международных организаций со странами, находящимися в поле их влияния.

Таким образом в процессе внешнеэкономического взаимодействия акторов осуществляется переток товаров, сырья, трудовых ресурсов, капитала, знаний и инноваций, политического влияния, контроля над ресурсами и инфраструктурой. [19, с. 6]. Тем самым их действия определяют динамику функциональных сфер мирохозяйственной системы:

– торгово-производственной;

– платежно-инвестиционной;

– информационно-технологической;

– политико-силовой.

Все они представленны в центральном сегменте рисунка 1.1. Как замечают российские авторы в отношении политико-силовой сферы функционального взаимодействия, «использование военной и (или) геополитической мощи <…> – это не новый способ реализации экономических целей государством. Более того, каждая война в себе несет экономические причины и последствия. Но в данном случае речь идет не только о войнах эпохи геополитики, когда целью являлась борьба за ресурсы, контроль над территорией, но и о новых войнах, ориентированных на контроль «потоков» (капиталов, транспортных, информационных, наркотрафика и пр.). При этом не обязательно «захватывать» всю территорию

государства, достаточно контролировать ключевые точки коммуникационной инфраструктуры» [1, с. 19].

То есть специфика взаимодействия акторов определяется не только их экономическими интересами, но и геополитическими целями, культурными особенностями, их могуществом и влиятельностью, а также устройством институциональной среды, в которой происходит их коммуникация. Так, например, еще в конце XX века, в эпоху однополярного мироустройства, доминирующим нарративом в развитии мировой экономике была глобализация. Она фокусировала внимание на изучении и использовании преимуществ открытых экономик и низких ставок тарифов, значимости деятельности ТНК и прямых иностранных инвестиций (далее – ПИИ) в развитии промышленной специализации стран, а также необходимости приведения национального банковского и валютно-финансового регулирования в соответствие лучшим мировым практикам и рекомендациям международных организаций.

Эта парадигма Вашингтонского консенсуса оказала сильное влияние на современное толкование понятия «геоэкономики», которое перешло от географически детерминированного содержания к политико-стратегическому в начале 1990-х годов. благодаря американскому ученому Э.Н. Люттваку [109, с. 68]. Согласно ему, после окончания Холодной войны политико-силовое соперничество между государствами перешло в конкуренцию за транснациональный капитал и рынки сбыта [1, с. 15]. Причем главными действующими лицами стали частные компании, чьи интересы могли противоречить устремлениям правительств. Понимание геоэкономики в российской науке в значительной степени было сформировано Э.Г. Кочетовым, у которого она также отождествляется с мирохозяйственной системой в эпоху глобализации, в которой внешнеэкономическая деятельность государств определяется их международным взаимодействием в рамках глобальных цепочек создания стоимости (далее – ГЦСС) и бизнес-процессов ТНК [117].

Однако за последнее десятилетие произошел ряд глобальных событий в экономике и других сферах общественной жизни, вследствие которых все больше исследователей констатируют присутствие тенденций *геоэкономической фрагментации* [11, с. 76; 14; 82; 110; 132; 141]. Одна из наиболее подробных ее хронологий приводится в исследовании К. Голдберга и Т. Рида для НБЭИ США [78], которые делят переход мирохозяйственной системы из стадии активной глобализации в состояние геоэкономической фрагментации на три последовательных этапа.

Первый этап начинается примерно в 2014-2015 гг. после преодоления всех последствий Глобального финансового кризиса (далее – ГФК). К этому моменту начинается первая стадия российско-украинского конфликта и следующая за ним первая волна антироссийских санкций. Под влиянием исхода беженцев из охваченных гражданскими войнами стран Африки и Ближнего Востока в Европе наступает миграционный кризис, дестабилизирующий рынки труда стран ЕС и пробуждающий националистические настроения. Далее начинает разворачиваться процесс выхода Великобритании из Европейского союза, где с момента референдума в 2016 г. потребуется еще три с половиной года для завершения всех процедур. Наконец, в 2017 г. Президентом США становится Д. Трамп, правление которого становится решающим фактором для начала торговой войны с Китаем и возрождения протекционистской экономической политики.

Истоки конкурентного противостояния США с КНР можно проследить до 2013 г. – когда председателем КНР стал Си Цзиньпин, чья китаецентричная внешнеэкономическая политика сильно отличалась от политического курса его предшественников. К моменту прихода Си Цзиньпина к власти стремительное сокращение разрыва между Китаем и развитыми экономиками по размеру ВВП и технологичности производства уже заложили фундамент для воплощения в жизнь «Китайской мечты о великом возрождении китайской нации» [108]. С целью форсирования экономического развития Си Цзиньпин запускает программу «Сделано в Китае 2025», направленную на превращение

КНР в один из мировых центров инновационных разработок, а также инициативу «Пояс и путь», которая посредством инфраструктурных инвестиций позволяет расширить и углубить внешнеэкономические связи Китая с другими странами.

Выбор стратегического ответа США на этот вызов был тесно связан с необходимостью разрешения проблем внутри американской экономики. С целью устранения «рыночных искажений», вызываемых низкой стоимостью импортных товаров, а также для аккумулирования дополнительных денежных средств Министерством финансов США, главным оружием первой фазы торговой войны США с КНР стали тарифные меры. В 2018 г. американская сторона установила ставки от 10% до 50% на перечень импортируемой китайской продукции общей стоимостью 283 млрд долл. США [148, с. 188]. Исследовательские оценки последствий данной меры для обеих экономик неоднозначны. С одной стороны, повышение цен на импортные товары обернулось для американских потребителей и компаний дополнительными потерями в размере 51 млрд долл. США (0,28% ВВП) [73]. Тем не менее, если учесть пополнение госбюджета за счет пошлин и возросшие доходы местных производителей, совокупный негативный эффект для экономики США сокращается до 7,2 млрд долл. США (0,04% ВВП). Кроме того, введение пошлин способствовало обесценению юаня на 13,7% в период 2018-2019 годов [85, с. 14] и переориентации примерно половины китайского экспорта в «связующие» (транзитные) страны [69].

Так же необходимо учитывать, что в ответ на эти меры Китай, ЕС, Россия, Канада, Турция, Мексика, Швейцария, Норвегия, Индия и Корея подали иски против Соединенных Штатов во Всемирную торговую организацию (далее – ВТО). Ответные пошлины Китая затронули 113,3 млрд долл. экспорта США. Новые тарифы ЕС, Мексики, России и Турции в среднем составили 16% и затронули порядка 121 млрд долл. экспорта США [148, с. 188]. В долгосрочной перспективе, с учетом появления обходных путей вокруг всех этих мер, тарифы первой администрации

Д. Трампа привели к перераспределению между всеми странами 165 млрд долл. США ежегодно [148, с. 189].

Второй этап фрагментации наступает в период пандемии COVID-19, которая обнажила всю хрупкость выстроенных хозяйственных связей перед лицом всеобщего кризиса здравоохранения. К апрелю 2020 г. 93% населения мира (7,2 миллиарда человек), проживало в странах, которые ввели ограничения на въезд для иностранцев, включая туристов, бизнесменов и мигрантов. За весь 2020 г. объем торговли товарами и услугами сократился на 5,6% и 15,4% соответственно [152, с. 176]. Под прямой удар попали такие индустрии, как туризм, транспорт и грузоперевозки [157, с. 25], наблюдался спад в энергетическом и сырьевом секторах, сильная нестабильность в промышленном производстве [94, с. 50], в том числе автомобилестроении [146]. Запреты на вход в порты, нехватка персонала для разгрузки судов и строгие карантинные требования создали спираль задержек в поставках, из-за которых во многих точках мира формировался локальный дефицит необходимых товаров и комплектующих. Со временем этот дефицит превратился из «временного» во многих секторах в «постоянный» для наиболее критических сегментов, главными из которых стали полупроводники и электроника [63].

По этим причинам период пандемии лишь укрепил скепсис по отношению к выгодам разделения труда в глобальном масштабе. Заболевания работников и необходимость соблюдения карантинных мер чрезвычайно осложняли производство и транспортировку товаров в каждой стране, но особенно сильно в Китае, через который проходили все ГЦСС. Поддержание в нем строгих локдаунов даже после победы над коронавирусом во всем остальном мире давало еще один повод пересмотреть структуру мирохозяйственных связей. В частности, именно в этот период начинают широко обсуждаться стратегии *декаплинга* (снижения зависимости ГЦСС от китайских производственных мощностей), *решоринга* (возрождения производственной деятельности компаний на их родине, по мере исчерпания

выгод от ее размещения в третьих странах) и *френдшоринга* (развития промышленных центров в странах с низкими геополитическими рисками в отношении домашней юрисдикции фирмы). Все они отражают повышение ценности суверенитета и самообеспеченности в экономической политике [145], способствуя дальнейшему расширению роли государства в развитии национальных экономик и мирохозяйственной системы в целом.

Для предотвращения рецессии правительства большинства стран стали активно субсидировать бизнес и население путем введения низких ставок заимствований, перечисления субсидий и «вертолетной» раздачи денег, а также запуска больших инфраструктурных проектов, которые компенсировались наращиванием госдолга. При этом тренд на популяризацию промышленной политики продолжил развитие и по прошествии пандемии, так как обнаруженные угрозы экономической безопасности в тот период перевешивали выгоды, достигаемые за счет оптимизации издержек при разделении труда в глобальном масштабе [152, с. 179].

Началом третьего этапа стала специальная военная операция России на Украине (далее – СВО), международная реакция на которую продемонстрировала «самый сильный на сегодняшний день аргумент в пользу переосмысления глобализации: обеспокоенность национальной безопасностью» [78, с. 2-3]. Безопасность становится конечным оправданием всех протекционистских мер, вошедших в использование на предыдущих этапах и получивших новый импульс развития после 2022 года: от ужесточения контроля над экспортом критических технологий до незаконных изъятий активов иностранных инвесторов и атак на физическую инфраструктуру. Экономические последствия СВО подробно рассматриваются в параграфе 1.3 настоящего исследования, однако помимо нее третий этап геоэкономической фрагментации включает в себя еще два важных эпизода.

Первый из них относится к изменениям во внешнеторговой политике США. После повторного вступления Д. Трампа в должность Президента США в 2025 году политико-экономический курс страны трансформировался в русле доктрины «America First», главной целью которой была обозначена реиндустриализация американской экономики. Основным инструментом для достижения этой цели стали импортные пошлины на широкий круг товаров из стран, ограничивающих тарифными и нетарифными барьерами проникновение американских товаров на их рынки. Примером этому могут служить условия, предложенные Евросоюзу: увеличение закупок американских энергоносителей в обмен на отказ от введения пошлин на европейский экспорт [38, с. 11]. Таким образом, пошлины Трампа доходы бюджета США от пошлин должны были решить сразу три проблемы: устранения барьеры для американского экспорта, снизить торговый дефицит и обеспечить дополнительный источник доходов для бюджета.

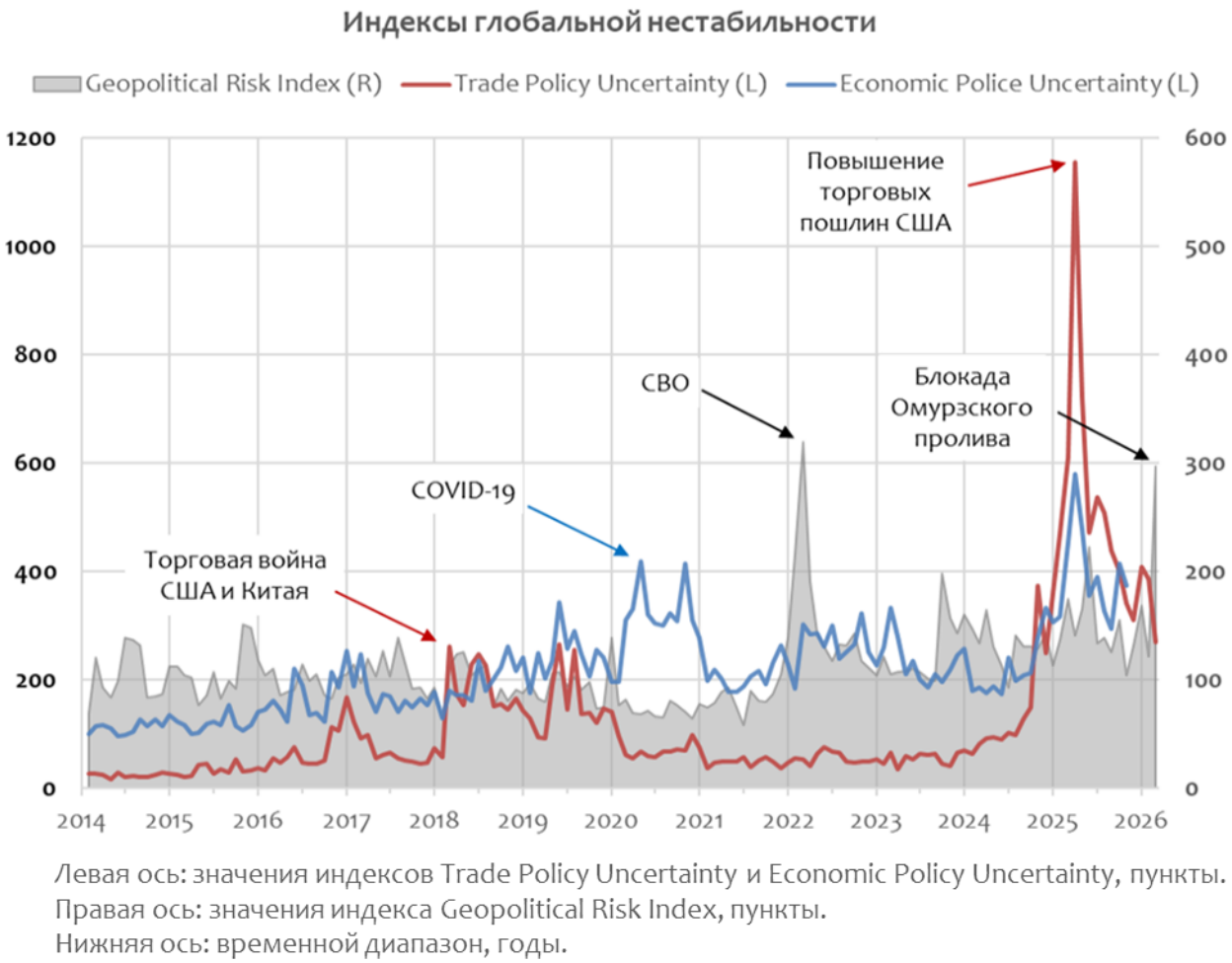
Эскалация началась в феврале 2025 года, когда США ввели 10-процентные пошлины на весь китайский импорт, связав их с борьбой против потока синтетических опиоидов (фентанила) [159, с. 248]. Под предлогом недостаточной борьбы с наркотрафиком США в марте ввели 25-процентные пошлины в отношении Мексики и Канады, а тарифы против Китая увеличились до 20%. Ответные меры Китая представляли собой пакет тарифов со ставкой от 10% до 15%, нацеленных на шесть основных товарных групп американского экспорта: сельхозпродукцию, уголь, сжиженный природный газ (далее – СПГ), нефть, сельхозтехнику и автомобили [55].

Кульминация произошла в апреле 2025 года. 2 апреля Трамп объявил о введении единых 10-процентных пошлин на все товары из 185 стран, с добавлением индивидуальных повышенных ставок для ряда государств, являющихся нетто-экспортерами во взаимной торговле с США. При этом некоторые аналитики утверждали, что индивидуальные ставки тарифов, рассчитанные в невозможно короткие сроки и использующие крайне

упрощенную формулу, были составлены с использованием генеративной нейросети ChatGPT от OpenAI [68].

С 9 апреля вступили в силу дополнительные 34% американские пошлины на китайские товары, а вслед за ними – 50%, 84% и, наконец, 145% пошлины со стороны США [39, с. 8]. Китай после каждого повышения отвечал зеркально, постепенно доведя свои ставки до 125%. К этому моменту рост опасений насчет рецессии в США и снижение поддержки самого президента вынудили администрацию предоставить 90-дневную отсрочку по индивидуальным тарифам для тех партнеров, кто выразил готовность к переговорам и уступкам [40, с. 7]. В мае 2025 года по итогам двухдневных переговоров в Женеве стороны договорились снизить тарифы: США – до 30%, Китай – до 10%. Позднее, после введения и последующей отмены странами серии нетарифных барьеров пошлины США зафиксировались на отметке 55%, в обмен на возобновление закупок редкоземельных металлов в Китае и сохранение возможности учиться в США китайским студентам [55]. Тем не менее апрель 2025 года ознаменовал самый стрессовый период для глобальной торговли, выразившийся в историческом максимуме индекса неопределенности торговой политики (Trade Policy Uncertainty Index), как это видно на рисунке 1.2.

В конечном итоге Верховный суд США в марте 2026 года отменил почти 60% пошлин Трампа, ссылаясь на их несоответствие критериям, необходимым для наделения Президента США чрезвычайными экономическими полномочиями. Объем подлежащих возврату средств оценивается в 130-175 млрд долл. США, но сама процедура возврата сопряжена с длительными судебными разбирательствами, а доверие к системе регулирования международной торговли останется подорванным на длительный срок, вынуждая другие страны создавать все больше диверсифицировать каналы поставок. Но, как упоминалось ранее, в третьей фазе геоэкономической фрагментации был еще один важный эпизод, и он также связан с действиями второй администрации Д. Трампа.

Источник: составлено автором.

Рисунок 1.2 – Изменение индексов глобальной нестабильности в различные периоды геоэкономической фрагментации, 2014-2026 гг.

На фоне затяжного палестино-израильского конфликта, начатого в 2023 году, на Ближнем Востоке постепенно росла военно-политическая напряженность, в которой главными оппонентами были Израиль и Иран. Непосредственно до середины 2025 года боевые действия Израиля концентрировались на вооруженных группировках из Йемена и Ливана, которые, несмотря на отставание в военной мощи и технологиях, были способны наносить значительный ущерб экономикам региона и политических союзников Израиля. В частности, к таким прецедентам можно отнести атаки на корабли в Красном море и Аденском заливе, которые привели к снижению морского трафика через соединяющих их Баб-эль-Мандебский пролив на 60% к началу 2024 г. в сравнении с довоенными показателями [62, с. 20]. Доля мировых морских поставок нефти, проходящих через Суэцкий канал, в свою

очередь сократилась с 8-10% до 3-4%. Транспортные компании были вынуждены перенастраивать логистику, задействуя более длинные пути через Мыс Доброй Надежды, что увеличило сроки поставок на 10-14 дней [104]. Вызванный этим рост издержек дополнялся повышенными риск-премиями страховых компаний, ставки которых выросли в 10-20 раз [62, с. 22].

13 июня 2025 года Израиль впервые нанес массированные удары по объектам на суверенной территории Ирана, целями которых были объекты ядерной инфраструктуры и военное руководство страны. 21 июня бомбардировщики США уничтожили подземные ядерные объекты Ирана, которые израильские удары не могли полностью вывести из строя. Причиной атаки служило продолжение обогащения урана иранскими учеными-ядерщиками сверх нормы, необходимой для применения энергии атома в мирных целях, что потенциально указывало на разработку Ираном ядерного оружия [156]. В ответ Иран атаковал американскую и израильскую инфраструктуру в Сирии, Ираке, Катаре, Бахрейне и Кувейте, что привело к закрытию неба над всем ближневосточным регионом и сильно ударило по деловому и туристическому имиджу стран, ранее не вовлеченных в конфликт: ОАЭ, Саудовской Аравии, Турции, Египту и Катару [86].

После данного эпизода, названного Двенадцатидневной войной, наступило относительное затишье, в течение которого Иран проводил перегруппировку сил и консолидировал оппозицию Израилю из других ближневосточных стран [103]. Новый виток эскалации произошел 28 февраля 2026 года, когда администрация Д. Трампа совместно с руководством Израиля объявила о начале военной операции «Эпическая ярость», нанеся удары по ядерным объектам, флоту, запасам боеприпасов и беспилотников, а также объектам командования Корпуса стражей исламской революции на территории Ирана. В ходе атаки был убит верховный лидер страны – Али Хаменеи, а в последующие дни ударам подверглись объекты энергетической инфраструктуры и культурного наследия [99].

В ответ на это Иран перекрыл Ормузский пролив – транспортный коридор, шириной около 50 км, через который проходило около 20% мирового трафика сырой нефти и СПГ. Наряду с этим, ОАЭ, Саудовская Аравия, Бахрейн и Катар сообщили об атаках беспилотников на свои нефтеперерабатывающие заводы [95]. Дополнительный удар по глобальной торговле нанесла активизация йеменских хуситов, которые в ответ на американо-израильскую операцию возобновили атаки на суда в Красном море и Аденском заливе, создав угрозу для Суэцкого канала – второго критического торгового пути [99].

В результате данных событий страховые компании отказались от страхования военных рисков, поставки энергоносителей с Ближнего Востока сократились на 60%, а экспортеры были вынуждены снизить добычу во избежание переполнения хранилищ. Все эти факторы привели к крупнейшему шоку предложения на энергетических рынках: цены на нефть марки Brent за период с 27 февраля по 12 марта 2026 года выросли на 39% и превысили 110 долл. США за баррель, а стоимость европейских фьючерсов на природный газ увеличилась на 59% [95]. Кризис повлиял и на институциональную архитектуру мирового энергетического рынка: 1 мая 2026 г. организацию стран-экспортеров нефти ОПЕК покинули ОАЭ, на которых приходилось 17% от совокупной стоимости поставок нефти внутри объединения. Выход из альянса открыл ОАЭ возможность более эффективно реагировать на изменение конъюнктуры рынка и отвоевывать на нем долю у других региональных игроков, формально обязанных согласовывать свои действия с остальными участниками объединения [48].

Как отмечают некоторые источники, выявленные в ходе атаки серьезные пробелы в системе ПВО Ирана, а также отсутствие результативной дипломатичной поддержки страны поставили под вопрос надежность России и Китая как стратегических партнеров [156]. В то же время Россия стала одним из главных бенефициаров конфликта, так как заблокированные потоки энергоресурсов предназначались, как показано в таблице 1.1, для стран Азии

– одного из немногих регионов, оставшегося открытым для российского нефтегазового экспорта [99]. Для снижения волатильности на энергетических рынках США даже временно вывели из-под действия санкций поставку и продажу российской нефти в Индию.

Этот пример демонстрирует, как политико-силовое взаимодействие определяет динамику мирохозяйственных связей, о которой говорилось в начале параграфа. Мировые цены на энергоносители могут вернуться к норме в случае прекращения боевых действий, хотя нейтрализовать отдельные малые диверсионные группировки будет проблематично. Однако последствия утраты доверия и стабильности делового климата в странах Персидского залива сохранятся надолго. Повышение устойчивости международной энергетической инфраструктуры будет требовать перенаправления инвестиций в другие регионы, среди которых наибольшие перспективы открываются для США и других экспортеров из Северной и Южной Америк, а также стран Западной Африки [71].

Таблица 1.1 – Зависимость стран Азии от импорта энергоносителей с Ближнего Востока

В процентах

Страна назначения	Доля поставок с Ближнего Востока в совокупном объеме импорта нефти	Доля поставок с Ближнего Востока в совокупном объеме импорта газа
Япония	90,5	11,0
Республика Корея	58,5	30,3
Индия	57,3	42,6
Китай	33,1	26,5

Источник: составлено автором по материалам [95].

Все упомянутые события формируют «новую нормальность», в которой шоки и нестабильность приобретают регулярный характер. Их отчетливое проявление в масштабе мировой экономики с началом первой

торговой войны США и Китая теоретически можно считать точкой отсчета периода геоэкономической фрагментации, пришедшего на смену интенсивной глобализации 1990-2010 годов.

Причем фрагментируется не *мировая экономика* как совокупность национальных хозяйств, а сеть *мирохозяйственных связей* в целом, в которой установленные глобализацией практики взаимодействия (многосторонние организации, глобальные цепочки создания стоимости, корреспондентские сети банков, международная интернет-инфраструктура) подрывались во время обозначенных выше шоков. Эти практики представляли собой устоявшиеся институциональные механизмы координации – формальные и неформальные правила и процедуры, через которые организовывались международные экономические отношения. При этом столкновение интересов и стратегических приоритетов наиболее влиятельных стран мира, в виде борьбы за технологическое лидерство, контроль над международными финансами и ГЦСС, находило воплощение в мерах, «которые, по крайней мере на начальном этапе, не имели особой поддержки со стороны частного сектора», как это формулируют К. Голдберг и Т. Рид [78, с. 35]. Отсюда черпает свою распространенность видение мировой экономики как среды соперничества, в которой страны используют экономические инструменты для извлечения стратегического преимущества перед другими акторами. Как сказано в работе П. Линдерта, «почти никогда государство не учитывает интересы других стран в такой же степени, как свои собственные. В большинстве случаев они просто игнорируются» [5, с.15].

Таким образом, в противовес тенденции доминирования интересов фирм и ТНК во время глобализации 1990-2010 годов, сегодня наблюдается увеличение государственного влияния на международные экономические отношения [6, с. 13]. Пространство между этими состояниями мирохозяйственной системы заполняет такое явление, как *глокализация.* Это тенденция к усилению значимости локальных культурных факторов в региональном и трансрегиональном масштабе. В первую очередь она

относится к странам с активно развивающейся экономикой, рынком капитала и промышленным комплексом, формирующих ядро таких объединений, как БРИКС, Ассоциация государств Юго-Восточной Азии (далее – АСЕАН), Евразийский экономический союз (далее – ЕАЭС), Африканский союз.

Глокализация описывает расширение их международного влияния посредством каналов, через которые до этого распространялась модель либеральной глобализации эпохи Вашингтонского консенсуса. Рост политической субъектности стран Глобального Юга и Востока был бы невозможен без развития их внешнеэкономических связей, как отмечает директор Департамента внешнеполитического планирования МИД России А.Ю. Дробинин. [122]. Если бы на страны БРИКС не приходилось 40% мировой экономики, а совокупный ВВП по ППС не перевешивал значение показателя G7 на треть [41], правительства стран объединения в существующей институциональной среде имели бы гораздо меньше возможностей проводить независимую политику во время призывов «коллективного Запада» изолировать Россию в 2022-2025 гг.

Роль государственной политики в этой ситуации смещается от задачи содействия интеграции национальных хозяйств в глобальные цепочки создания стоимости к искусству сложного балансирования между поиском возможностей для укрепления внешних связей и минимизацией рисков новых зависимостей. При этом способ реализации национальных интересов всегда предопределяется существующей институциональной средой, однако она также претерпевает изменения вслед за действиями акторов. То, как организована конкуренция государственных интересов и ценностей – через международные институты или вне их, – определяет легитимность их действий и может вести в том числе к конструктивному развитию мирохозяйственной системы с учетом голосов многих сторон. Это делает особенно актуальным изучение трансформации институциональной среды международных экономических отношений – процесса, существенно ускорившегося с началом третьего этапа геоэкономической фрагментации.

1.2 Многополярность как современный этап институциональной трансформации международных экономических отношений

Институциональная среда международных экономических отношений – устойчивые нормы, правила и практики, определяющие рамки взаимодействия государств, корпораций и наднациональных структур – никогда не является статичной. Ее трансформации ускоряется в периоды геоэкономических сдвигов, когда прежние механизмы координации перестают отвечать запросам ведущих акторов. Такой процесс наблюдается и в наши дни. Как отмечает А.Ю. Дробинин, «мировоззренческий кризис в отношениях России и Запада, перешедший в горячую фазу с началом специальной военной операции в феврале 2022 года, вернул в заголовки новостей и политологические дискуссии вопрос о будущем миропорядка и принципах международных отношений» [122].

Чтобы понять суть и направление современной трансформации институциональной среды международных экономических отношений, необходимо рассмотреть предшествующую траекторию ее развития. Она берет свое начало в середине 1940-х годов, когда победившие во Второй мировой войне державы приступили к созданию принципиально новой системы управления международными отношениями. В ее основе лежал концепт *многосторонности* (multilateralism), который предполагал сотрудничество и взаимодействие большого числа национальных государств на основе принципов взаимного уважения, равноправия, суверенитета, а также вовлеченности в поиск компромиссных решений для достижения общего консенсуса, взаимной выгоды и долгосрочной стабильности.

Обеспечивающие достижение этих принципов механизмы были закреплены в новой архитектуре международных организаций. Ключевыми институциональными воплощениями этих ценностей стали Организация Объединенных Наций (далее – ООН), МВФ, Всемирный банк, а также

Генеральное соглашение по тарифам и торговле, впоследствии преобразованное в ВТО.

Как отмечает Генеральный секретарь ООН А. Гутерриш, именно благодаря этой институциональной системе удалось «спасти жизни, обеспечить экономический и социальный прогресс и предотвратить третью мировую войну» [25, с. 2]. Сформированные этими организациями механизмы достижения консенсуса и правовые нормы ведения международной торговой и финансовой деятельности, а также поддержка беднейших стран и неоценимый вклад в экономическую науку стали двигателями глобализации во второй половине XX века.

Вместе с тем существует несколько трактовок роли международных организаций в мирохозяйственной системе [19, с. 566]. Согласно либеральному подходу, их существование международных организаций обусловлено конкуренцией акторов за способность устанавливать общие для всех правила. Конструктивистский подход близок к либеральному и рассматривает международные организации как институты, через которые акторы формируют мировой порядок посредством непрерывного «установления, управления и разрыва связующих их отношений», в связи с чем влиятельность акторов по своей сути всегда относительна и не может рассматриваться в отрыве от конкретной ситуации [153, с. 225].

Однако в свете наблюдаемой геополитической напряженности, представители неореалистической школы утверждают, что к сегодняшнему дню международные экономические организации утратили способность преодолевать разногласия между их участниками. Вместо этого они превратились в «арену борьбы за влиятельность и безопасность», на которой каждое государство защищает свои собственные относительные и абсолютные преимущества [19, с. 566].

Так, после окончания Холодной войны курс глобального развития стал определяться единственным центром силы – Соединенными Штатами. Их лидерство подкреплялось мощной экономикой; центральным положением в

МВФС, заложенным еще в момент формирования Бреттон-Вудской системы; значительными военными ресурсами и присутствием американских военных баз во всех частях света; и – самое главное – отсутствием стратегических конкурентов после угасания социалистического блока [135, с. 64]

Восхождение *однополярности* стало кризисом многосторонности. Формальные правила продолжали действовать, но их толкование и применение все чаще обслуживали интересы «центра», в котором аккумулировалась основная добавленная стоимость, создаваемая в глобальных цепочках. Например, ВТО активно содействовала глобализации для повышения эффективности мирохозяйственной системы в целом, но это требовало подчинения национальных интересов ценностям международного бизнеса. Главную роль в этом процессе сыграли ТНК, которые распределяли этапы производственных процессов по странам в соответствии с принципом наибольшей рентабельности. Это значительно повышало экономическую эффективность бизнеса, но одновременно вело к моноспециализации национальных хозяйств [133].

Некоторые исследователи отстаивают точку зрения, что управление международным порядком под руководством США гарантировало реализацию прогрессивных ценностей – демократии, прав человека, свободы слова и собраний [134, с. 35]. Однако столь высокая концентрация международного влияния неизбежно ведет к подавлению запросов и интересов других акторов. Уже в начале 2000-х годов, при втором сроке Джорджа Буша-младшего, набрал силу американский скепсис в отношении «аморально мягких многосторонних обсуждений» [90, с. 5-7]. Институциональная среда, призванная быть нейтральной, стала восприниматься многими странами как инструмент закрепления однополярной гегемонии. Именно из этого разрыва – между декларируемой многосторонностью и реальной однополярностью – вырос запрос на альтернативные модели устройства мировой экономики, который впоследствии воплотился в *многополярности*.

Современное понимание многополярности берет свое начало от Европейского концерта XIX века, где великие державы в лице Англии, России, Австрии, Пруссии и Франции после окончания наполеоновских войн постоянно конкурировали за территориальные и экономические ресурсы, но не допускали крупных конфликтов за счет гибкой и пребывающей в состоянии постоянной трансформации системы союзнических отношений [127]. Примером современной интерпретации термина непосредственно перед началом периода геоэкономической фрагментации может служить фрагмент речи китайского представителя на Совете Безопасности ООН в 2017 г.: «Являясь крупнейшей организацией региональной интеграции в мире, ЕС добился значительных результатов в экономической и политической интеграции и вносит важный вклад в построение *многополярного* мира. Являясь важным партнером, сотрудничающим с ООН и Советом Безопасности, ЕС активно участвует в усилиях по ослаблению региональных очагов напряженности, таких как иранское ядерное досье или ситуация на Ближнем Востоке и в Африке [27, с. 21].

Европейский союз здесь представлен в качестве субъекта международных отношений, имеющего свое мнение насчет нескольких дистанцированных от него проблем. Мнение, возможно, не совпадающее с в*и*дением ситуации другими членами Совета Безопасности – о том, что необходимо достичь мира и стабильности на Ближнем Востоке. И что ЕС может отстаивать и реализовывать свою политику с помощью, например, предоставления гуманитарной помощи, финансирования программ ООН, открытия миграционных коридоров и т.д. Таким образом, многополярность здесь представляется в виде присущего современной системе международных отношений плюрализма мысли и воли различных акторов, столкновение интересов которых может быть перенаправлено в плодотворное русло благодаря существованию специальных международных организаций – столпов «миропорядка, основанного на правилах».

Оборотная коннотация многополярности состоит в критическом отношении к действующей архитектуре управления глобальными процессами. Примером этого может служить 8 пункт совместной декларации стран БРИКС, утвержденной по итогам саммита в Бразилии, Рио-де-Жанейро в июле 2025 года: «В контексте современных реалий *многополярного* мира крайне важно, чтобы развивающиеся страны активизировали свои усилия по продвижению диалога и консультаций в интересах более справедливого и равноправного глобального управления и взаимовыгодных отношений между государствами. Мы признаем, что *многополярность* может расширить возможности развивающихся стран и государств с формирующимся рынком для раскрытия их конструктивного потенциала и обеспечения выгодной для всех инклюзивной и справедливой экономической глобализации» [20].

Действительно, к началу 2020-х годов развивающиеся страны перестали быть пассивными объектами глобальной политики, превратившись в деятельных акторов, чье значение в мировой экономике и геополитике неуклонно возрастает. Этот процесс носит системный характер, обусловленный как их собственным экономическим ростом, так и общим ростом конкуренции за доступ к ресурсам, рынкам сбыта и зонам влияния. Возросшая геополитическая субъектность развивающихся стран проявляется в их более уверенной позиции на международной арене за счет активной кооперации как в рамках уже устоявшихся организаций – например, АСЕАН, Шанхайская организация сотрудничества (далее – ШОС), Африканский союз, – так и через новые региональные и трансрегиональные объединения интеграционного и координационного типов.

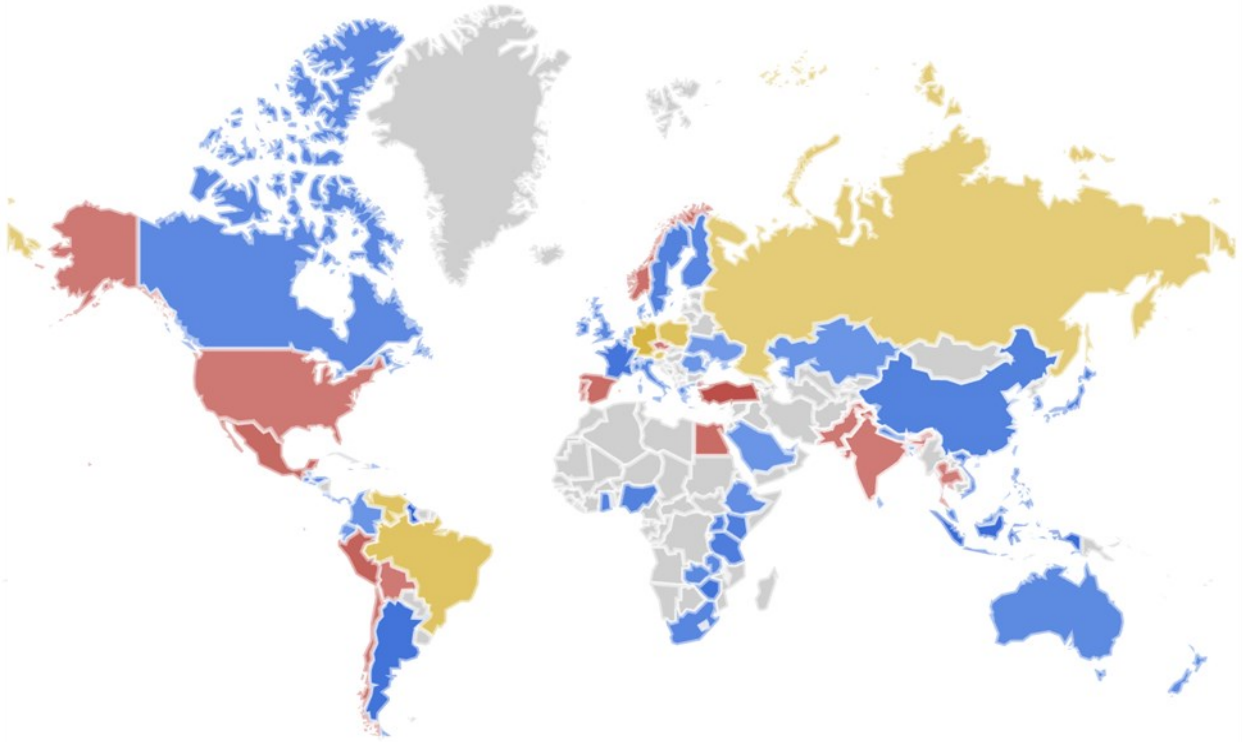
Примечания

1 Примерами объединений интеграционного типа служат ЕАЭС, а также Всеобъемлющее и прогрессивное соглашение о Транстихоокеанском партнерстве (далее – ВПТТП).

2 Примерами объединений координационного типа служат БРИКС, а также Всестороннее региональное экономическое партнерство (далее – ВРЭП).

Как отмечает директор Немецкого института международных отношений и безопасности С. Майр, этот критический подтекст концепта

многополярности сформировался преимущественно под влиянием Китая и России. Хотя, если оценивать частоту словоупотребления «многополярности» в сравнении с «многосторонностью» и «однополярностью», то наибольший интерес она вызывает в России, Бразилии, Венесуэле, Польше, Австрии и в самой Германии, как это показано на рисунке 1.3. Тем не менее Майр полагает, что приверженцы многополярности используют ее в первую очередь для легитимации «своего собственного понимания закона и порядка», а также для распространения «ревизионистских» взглядов на современное состояние международных институтов [84].

Источник: составлено автором с помощью [79].
Рисунок 1.3 – Распределение стран по доминирующему концепту мироустройства, упоминаемому в их запросах в поисковой системе Google в 2016-2026 гг.

В то же время он отмечает, что в европейских странах многополярность понимается менее определенно. Их политики могут использовать термин в контексте того, чтобы «сделать саму Европу полюсом, а не сформировать

общий полюс с Соединенными Штатами». Акцент на необходимости совершения каких-то действий здесь предполагает, что «Европейский союз не в состоянии сформировать полюс, по крайней мере, в его нынешнем состоянии». Но на примере Германии Майр описывает, почему в Европе к таким идеям относятся со скепсисом: «защищенная гегемонией безопасности Соединенных Штатов и многосторонними институтами, гарантирующими надежные дипломатические, торговые и финансовые отношения, Германия использовала дивиденды мира для стабилизации своей социальной системы, одновременно открывая для себя рынки по всему миру и создавая глобальные цепочки добавленной стоимости» [84]. Дестабилизация этого миропорядка видится для европейских стран скорее угрозой их процветанию, а не возможностью заполучить больше экономических и политических ресурсов.

Еще более яркую характеристику многополярности со стороны бенефициаров однополярного мироустройства высказывала помощник президента США по национальной безопасности К. Райс во время выступления по вопросам разоружения Ирана и Северной Кореи в 2003 г.: «Многополярность – это теория соперничества, конкуренции интересов, а в своем худшем проявлении – конкуренции ценностей», являющаяся «вынужденным злом, которое не позволяло разразиться войне, но и не способствовало миру» [43]. И хотя современная политика США сконцентрирована на реализации в первую очередь национальных интересов, а не интересов гегемонии, интенсификация многополярности все равно представляет угрозу для роли США в мирохозяйственной системе. Подтверждением этого может служить угроза Д. Трампа повысить тарифы до 150% в отношении стран БРИКС, если они продолжат разрабатывать инструменты для снижения использования доллара США в международных расчетах [39, с. 8].

Если обратиться к оценке многополярности более многочисленным сообществом развивающихся стран, то, например, профессор школы международных отношений Jindal Global University (Индия) А.М. Ченой

сравнивает их внешнюю политику в многополярном мироустройстве с «искусством стратегической автономии», приводя в пример способность правительств стран глобального Юга «не выбирать чью-либо сторону в конфронтации между коллективным Западом, с одной стороны, и Россией и Китаем – с другой» [151, с. 30, 33].

Это же качество многополярной системы отмечается в исследовании С. Сапата и А. А. Мартинес-Эрнандес о внешней политике стран Латинской Америки в контексте противостояния США и Китая. Они отмечают, что «сталкиваясь с изменениями в системных структурах или с процессами гегемонистского транзита, периферийные страны, как правило, ищут такие стратегии взаимодействия, которые улучшали бы их связи с восходящим центром власти, но не бросали вызов доминирующей державе» [160, с. 68]. Таким образом, периферийные страны в периоды изменения международного баланса сил «склонны проводить внешнюю политику маятникового типа» относительно существующих и укрепляющихся полюсов.

Взаимоотношение концептов многополярности и многосторонности в институциональном разрезе было очень хорошо проиллюстрировано генеральным директором ВТО О.И. Нгози во время выступления на сессии «Addressing the North-South Schism» Всемирного экономического форума в Давосе (далее – ВЭФ) 28 января 2024 г. Согласно ее словам, расколу мирового сообщества по отношению к СВО предшествовал длинный список других неурегулированных проблем, таких как:

– энергетический кризис в Европе, рекордные засухи в Индии и тропических лесах Амазонки, осознание роли климатических изменений в будущих геоэкономических трансформациях мирового хозяйства;

– волна глобальной инфляции, банкротства американских и европейских банков, а также китайских застройщиков;

– военная эскалация на Ближнем Востоке, рост глобальных расходов на оборону, увеличение важности геополитических факторов и военного

сотрудничества при построении долгосрочных стратегий развития внешнеэкономических связей;

– расширение торговой и технологической войны США и Китая, ужесточение надзора за экспортом высокотехнологической продукции и средств ее производства.

Все эти проблемы по-настоящему глобальны. Их решение требует признания несовершенства существующих международных институтов как минимум из-за того, что они не смогли предотвратить эти кризисы. Как сказала О.И. Нгози, «в многополярном мире нет единого центра власти. Мы взаимозависимы, и нам нужно работать вместе». Для поиска решений столь масштабных проблем и обретения способности вновь формировать согласованную политику международные организации «нуждаются в укреплении, конечно нуждаются в реформировании, чтобы идти в ногу со временем, в котором они живут, но они нам абсолютно необходимы».

Это означает, что процесс искоренения негативных последствий однополярной глобализации не должен предполагать отречения от ее преимуществ, так как международная торговля, диффузия технологий и перераспределение капитала существовали всегда, и являются одними из наиболее важных процессов, благоприятствующих экономическому развитию наций и укреплению их взаимоотношений. Как говорили китайские представители на открытии ВЭФ 2017 года, «процесс глобализации – это обязательное условие на пути к лучшему развитию человечества, поэтому отказываться от него нельзя» [51]. Но необходимо, с одной стороны, сформировать более рациональную модель распределения благ, а с другой – способствовать сотрудничеству государств Глобального Юга и расширять их диалог с Глобальным Севером в целях повышения производственной эффективности и улучшения позиций развивающихся экономик в ГЦСС.

Таким образом, многополярность, с одной стороны, правильно понимать как следствие кризиса многосторонности. Этот кризис был порожден глубокими структурными дисбалансами в экономическом развитии

и субъектности стран в мирохозяйственной системе. Именно такие условия сложились в период однополярности и привели к запуску процессов геоэкономической фрагментации. Но, с другой стороны, этап многополярной конфигурации международных экономических отношений создает условия для формирования новых кооперационных и интеграционных механизмов. Характеризующие его условия повышенной геоэкономической напряженности стимулируют акторов тщательно выбирать круг партнеров, на которых они будут полагаться для защиты общих интересов и с которыми они будут накапливать взаимозависимости, выходя на новые уровни интеграции.

Это связывает многополярность с другим схожим концептом – *полицентричностью*. В общем смысле это понятие предполагает наличие в саморегулирующейся системе большого числа разноуровневых и независимых центров принятия решений и их реализации, чьи функции, полномочия и области действия могут пересекаться. Такая интерпретация наиболее полно отражает понимание термина его создателем М. Поланьи, а также супружеской парой ученых Э. и В. Остром, построивших на базе этого концепта собственную школу в области исследования систем экономического управления [147]. За большой вклад в изучение практик управления общественными благами Э. Остром в 2009 г. стала первой женщиной, получившей премию по экономике памяти Альфреда Нобеля.

Полицентричность описывает структуру процедур и правил, опосредованно возникающих из спонтанного взаимодействия свободных акторов. Основными чертами полицентричной системы являются:

– существование сети из множества центров принятия решений, с уникальными, дублирующими или взаимодополняющими зонами ответственности;

– наличие у акторов достаточной свободы при генерации и воплощении своих идей, а также при их взаимодействии друг с другом и с окружающей средой;

– существование правовой или культурной системы правил и запретов, фундирующих эти принципы самоорганизации, но позволяющие себя модифицировать [147, с. 252].

Исконным примером полицентризма является рыночная экономика. Именно ее черты упомянутые исследователи стремились обнаружить в системе производства и верификации научных знаний, политическом дизайне демократических режимов, а также в системах управления коммунальными ресурсами и организации общественных пространств [147, с. 249]. Согласно результатам эмпирических исследований Э. Остром, такие горизонтальные сети взаимодействия равновластных субъектов с дублирующимися функциями могут на практике быть эффективнее, чем более оптимизированные вертикальные структуры и системы централизованного планирования. Способность «структурных элементов, действующих независимо, осуществлять взаимные согласования с целью упорядочивания отношений в рамках общей системы правил» [138, с. 104] представляет самое важное свойство полицентричных систем – возможность генерировать *спонтанный порядок* на макроуровне из кажущихся хаотичными интеракций на микроуровне.

То есть, с одной стороны, мирохозяйственная система сама по себе естественным образом удовлетворяет формальные критерии полицентричности (наличие множества центров принятия решений, суверенность акторов, модифицируемая система правил). Даже с учетом современных протекционистских тенденций она продолжает основываться на принципах свободного рынка, а компании из разных стран демонстрируют способность сопротивляться налагаемым сверху торговым ограничениям.

С другой стороны, для полного соответствия идеалам полицентричности, в системе международных экономических отношений должно насчитываться такое число взаимозаменяющих друг друга институтов развития, международных расчетно-платежных систем, органов координации финансовой и экономической политики, а также центров производства

инноваций, что их избыточность позволяла бы устранить любые дисбалансы в мирохозяйственной системе. Но на текущем этапе мы этого не наблюдаем. Перенос промышленных мощностей из Китая развивается медленными темпами, и местом их новой дислокации выступают развитые страны, имеющие достаточно ресурсов для финансирования промышленной политики. Насчитывается мало альтернатив крупным международным платежным системам, а корреспондентские отношения между банками в конечном счете замыкаются на центр англосаксонской финансовой системы. Энергоэффективные производственные технологии и ESG-стандарты активно развиваются и внедряются в западных странах, в то время как рост и социальная стабильность многих экономик Глобального Юга продолжает зависеть от вредных производств по добыче и переработке полезных ископаемых.

Ввиду всех этих факторов концепт полицентричности не в полной мере соответствует текущей конфигурацию мирохозяйственных связей. Однако вектор институциональной трансформации, заданный переходом от однополярности к многополярности, выделяет полицентричность как идеал, в направлении которого должна развиваться система международных экономических отношений. Она, в сущности, и является тем видением «справедливой и инклюзивной экономической глобализации», которое было представлено в вышеуказанной декларации БРИКС 2025 года [20]. Многосторонность XX века стремилась решить эту задачу с помощью системы всемирных организаций, управляющих процессами глобального масштаба. Но во избежание институциональных проблем, приведших к становлению однополярности, сторонники полицентричности полагаются на кооперационные и координационные механизмы регионального и трансрегионального масштаба, которые активно развиваются в условиях современной многополярности.

Вместе с тем, какой бы ни была целевая архитектура мирохозяйственных связей, в реалиях геоэкономической фрагментации их

динамика развития прежде всего зависит от мер, принимаемых на уровне отдельных государств. Следовательно, и аналитическая оптика настоящего исследования должна учитывать условия, которыми продиктованы текущие экономические приоритеты России.

1.3 Структурная адаптация российской экономики к реалиям геоэкономической фрагментации

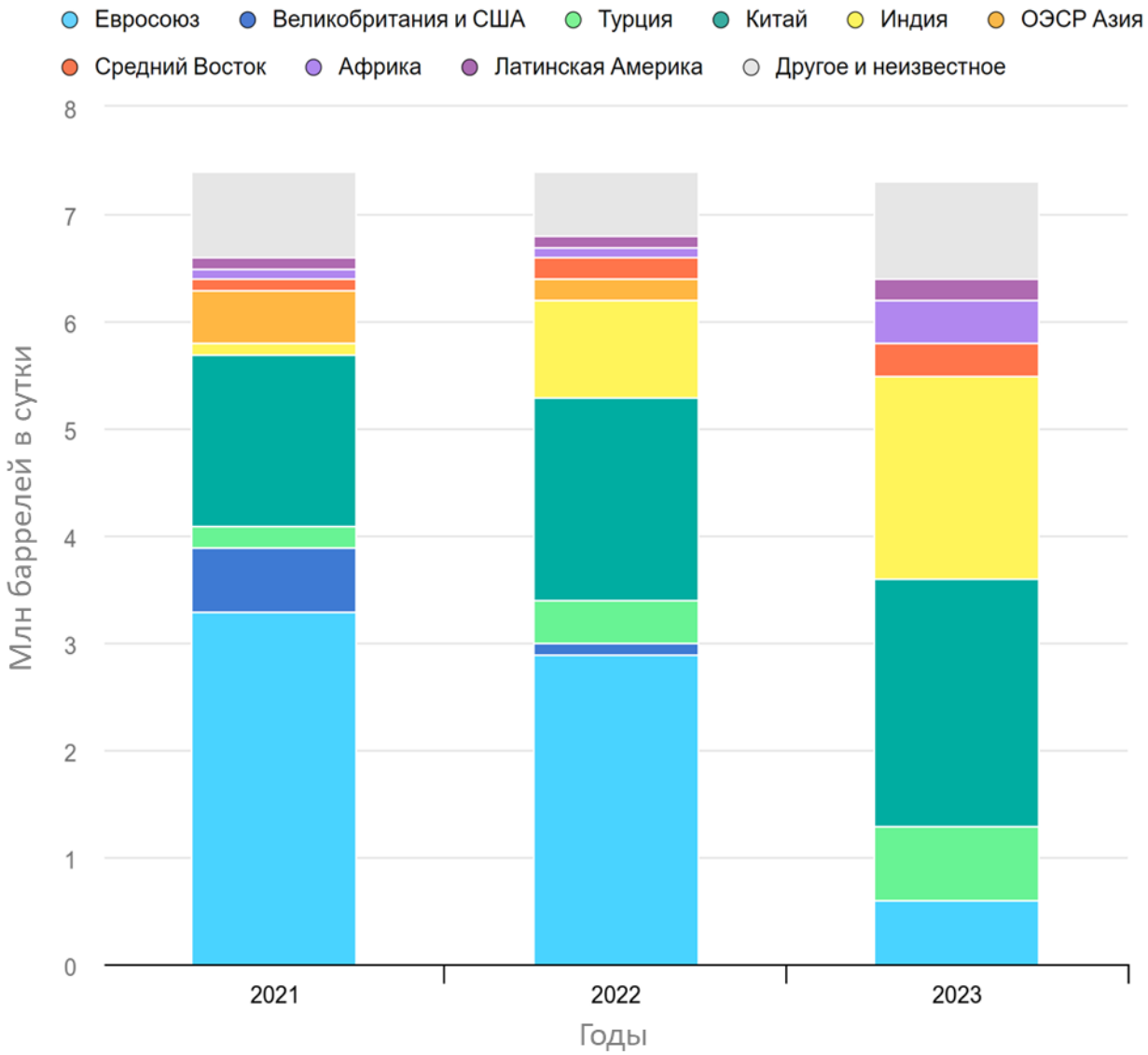
Одним из наиболее значимых катализаторов описанных ранее тенденций фрагментации мирохозяйственных связей стало проведение Россией специальной военной операции на Украине. Это был первый со времен Советско-афганской войны прецедент «горячего» прокси-конфликта России и НАТО [49]. Главным его последствием для будущего мировых финансов стал арест российских активов, номинированных в валюте недружественных стран. Это прямое следствие дисбаланса глобального характера мирового финансового рынка и национального уровня его регулирования стоило России 300 млрд долл. США золотовалютных резервов (то есть их половину), более 100 млрд долл. США, заблокированных в Euroclear и Национальном расчетном депозитарии, и 5,7 трлн рублей замороженных активов российских инвесторов, пятую часть которых составляли активы физических лиц [114, с. 178-179].

Примечательно, что если раньше валютный риск обычно классифицировался как рыночный и обозначал вероятность неблагоприятной курсовой переоценки, то после отключения российских банков от SWIFT и закрытия возможностей осуществления трансграничных платежей с использованием международных платежных систем Visa, Mastercard, PayPal, Union Pay и др. валютный риск стал напрямую соотноситься с невозможностью совершения платежа, перейдя, таким образом, в категорию кредитных рисков. Наглядной демонстрацией этого стал объявленный России юридический дефолт, вызванный отсутствием возможности переводить платежи по иностранным займам в валюте их номинала [93]. С аналогичной

проблемой столкнулись и российские фирмы, имевшие открытые кредитные линии в иностранных банках, так как даже при наличии свободных денежных средств они не могли погасить свою задолженность из-за разрыва цепочек банков-корреспондентов.

В свою очередь, одной из главных стратегий уже не финансового, а экономического сдерживания России странами G7, ЕС и некоторыми другими государствами стало установление запретов для западных компаний на оказание услуг по перевозке российских энергоносителей и на страхование российских морских судов. Так 5 декабря 2022 г. компаниям, действующим в юрисдикциях G7, было запрещено покупать российскую нефть по цене свыше 60 долл. США за баррель. К 23 октября 2025 г. для компаний из ЕС, Японии, Австралии и Новой Зеландии потолок был снижен до 47,6 долл. США за баррель в рамках 19 пакета санкций ЕС.

Со стороны Российской Федерации был принят симметричный ответ в виде запрета поставок энергоносителей в страны, утвердившие потолок закупочных цен на отечественную нефть. Тем не менее эти меры исполнялись не всеми организациями, благодаря уже накопленному опыту обхода таких санкций в иранском кейсе с помощью использования теневого флота, переброса энергоресурсов с одного танкера на другой в серых зонах, а также формального занижения цен закупок российской нефти или ее смешивания с другими сортами и перепродажи этой смеси [91; 139]. Наконец, большинство стран просто не присоединились к потолку, воспользовавшись как более низкими ценами, так и возможностью оправдать это решение нерациональностью исключения столь большого объема предложения с глобального рынка энергоресурсов во время уже наличествующего в мире топливного дефицита и следующих из него высоких цен на прочие сорта нефти [93]. В связи с этим Индии, Китаю, Турции, а также рынкам Ближнего Востока и Африки всего за один год удалось почти полностью восполнить спрос на российскую нефть, как это видно на рисунке 1.4.

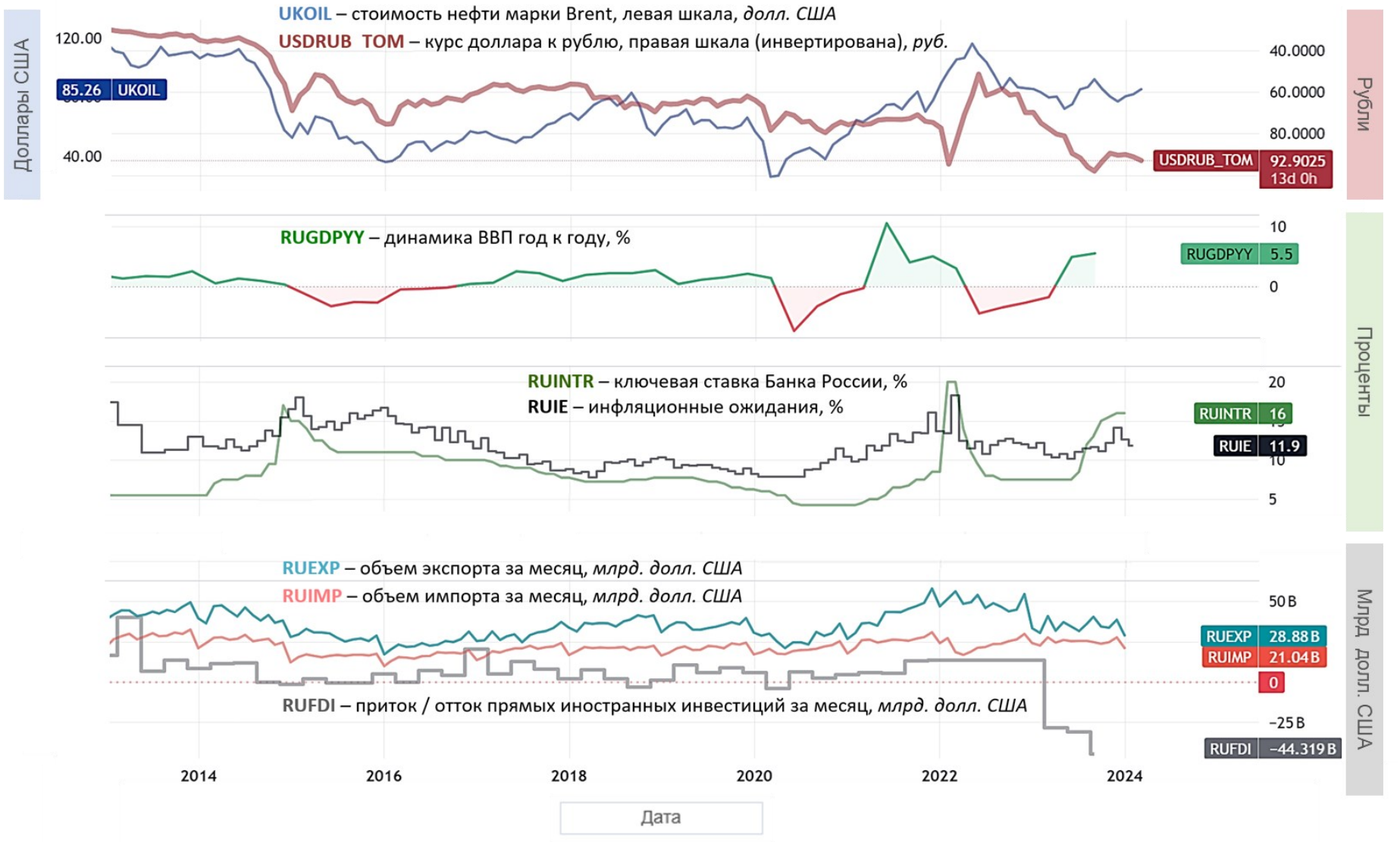
Источник: Международное энергетическое агентство [60].
Рисунок 1.4 – Экспорт нефти из России по странам и регионам в 2021-2023 гг.

Упущенные экспортные доходы, невозможность использовать привычные способы международных платежей, сокращение импорта товаров и услуг, особенно в сфере высоких технологий, разрывы производственных цепочек, с учетом закрытия авиасообщения и проблем с морской логистикой, а также простой и оправданной боязнью зарубежных контрагентов попасть под вторичные санкции, – все это создавало большие трудности для внешнеэкономической деятельности и функционирования экономики России в целом. В таких обстоятельствах отечественные и иностранные ведомства ожидали сокращения ВВП к концу 2022 г. в среднем на 8,7%, падения экспорта на 19%, а импорта – на 34,5% [47; 52]. Однако, реальные последствия, как показано на рисунке 1.5, оказались не настолько разрушительными.

Во-первых, в своей нижней точке в июне 2022 г. ВВП Российской Федерации показывал снижение лишь на 4,5% к соответствующему периоду прошлого года. Для сравнения, в период пандемии пиковое падение ВВП составляло 7,4% г/г, так как тогда ситуация усугублялась глобальной рецессией и сильным замедлением мирового товарооборота, что выражалось в падении спроса на ископаемые ресурсы. В сопоставлении с ним 2022 год отличался, во-первых, и без того высокими ценами на топливо, сопровождавшими разгон мировой инфляции еще с начала 2021 г., что помогало не допустить сильного сокращения экспортных доходов.

Во-вторых, в отличие от волны санкций в 2014-2015 гг., Банк России не стал доверять рынку полную свободу в вопросе ценообразования российских финансовых активов: 24 февраля Банк России запретил открытие коротких позиций, а 28 февраля полностью остановил торги вплоть до 21 марта. Это позволило разделить рынок ценных бумаг российских эмитентов на два контура: иностранный, в котором цены активов обесценились до предельно низких отметок, прежде чем перестали обращаться вовсе [33]; и российский контур, где цены бумаг формально оставались на уровнях 25 февраля вплоть до окончания периода остановки торгов. Снижение паники, адаптация населения к новым реалиям, а также меры господдержки рынка в виде, например, инвестирования триллиона рублей из ФНБ в акции российских эмитентов, помогли открыть торги в марте с «зеленой свечи».

В-третьих, отдельного рассмотрения заслуживает денежно-кредитная политика, применявшаяся в тот ранний период внешнеэкономической агрессии. Ключевая ставка была поднята до рекордных 20%, чтобы избежать оттока ликвидности из банковской системы. При этом кривая доходностей была сильно инвертированной, достигая 17,5% у ОФЗ со сроком обращения менее года и равномерно снижаясь до 14,5% у ОФЗ со сроком обращения в 6 лет, что говорило не столько об ожидании рынком рецессии, сколько о его вере в нормализацию экономических условий с течением времени [45]. Курс рубля в таких обстоятельствах не смог избежать первоначального шокового обесценения на треть своей стоимости, однако довольно быстро, благодаря профициту торгового баланса и исполнению мер по контролю

Источник: составлено автором с помощью [98].

Рисунок 1.5 – Изменение ключевых макроэкономических показателей российской экономики в период 2014-2024 гг., интервал: 1 месяц

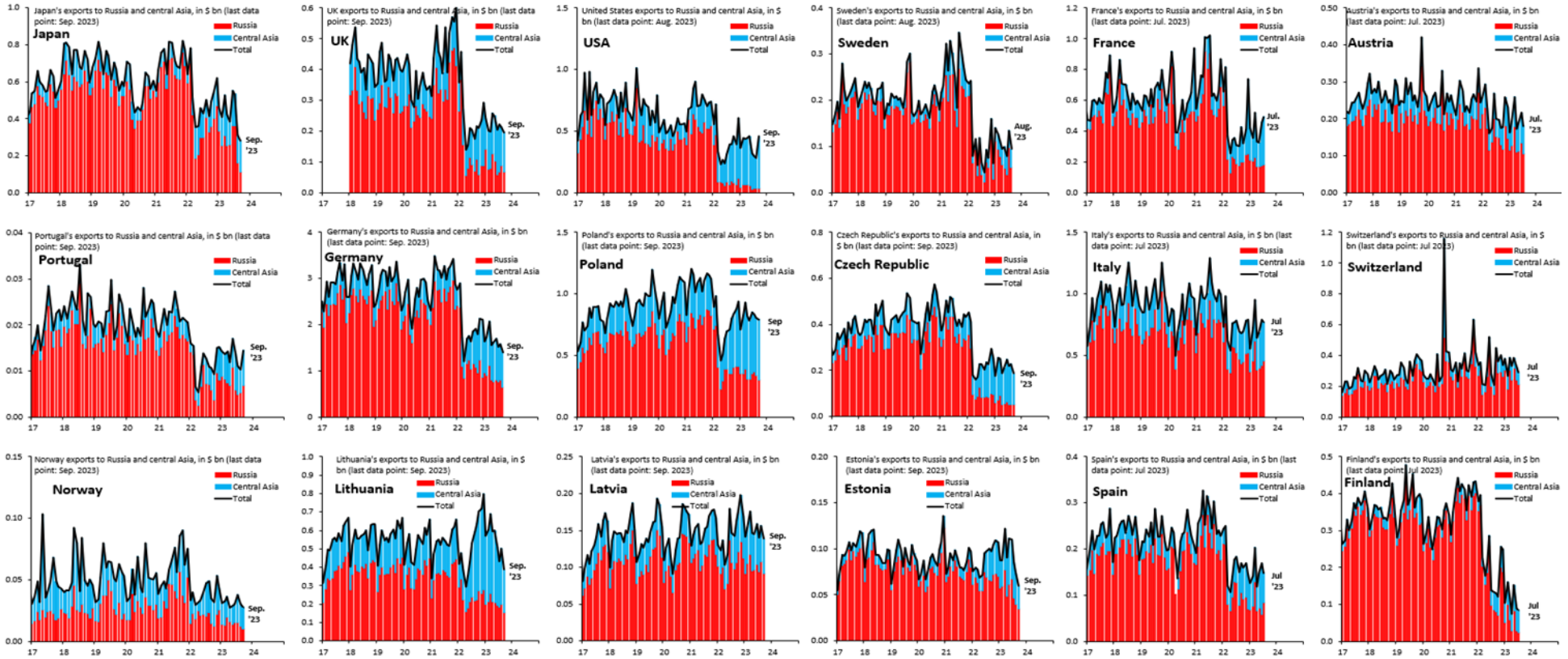
трансграничного движения капитала, вернул упущенное и укрепился до не имевших места с 2014 г. 50 рублей за доллар. В дальнейшем смягчение валютного контроля и открытие возможностей для вывоза инвестиций, а также появление альтернативных каналов импорта, отсутствие конкуренции для российских фирм на внутреннем рынке, высокая экономическая активность в военно-промышленном секторе, ипотечный бум и долгий период умеренных ставок способствовали ослаблению курса рубля и росту инфляционных ожиданий.

Все эти факторы, однако, являясь доказательствами устойчивости российской экономики, ничего не говорят об ответных действиях Российской Федерации на внешнюю финансово-экономическую агрессию недружественных стран. Суть этого ответа была не в том, что вложения иностранных инвесторов в размере 300 млрд долл. США были заморожены для последующего торга с западными регуляторами; не в том, что воздушное пространство огромной территории было закрыто для недружественных стран; и не в том, что масштабы редомициляции иностранных компаний в отечественную юрисдикцию и перемены в их управленческом составе могли сравниться разве что с приватизацией 1990-х годов.

Л.Н. Толстой, рассуждая в «Войне и мире» о невозможности объяснения исторических событий с помощью выверенного ряда конкретных причин, обосновывал это зависимостью таких событий от воли миллионов человек, вершащих своими мельчайшими поступками ни в коей мере не определенную, но проживаемую ими реальность [9, с. 164]. Сущность реакции со стороны России состояла именно в этом – что не существовало заготовленного плана ответных действий, которые должны бы были в ограниченном пространстве теории игр создать непереносимые издержки противнику; но что вдруг появились и приспособились множества практик, которые одним своим существованием и незаметным применением обычными людьми меняли структуру и принципы работы мирохозяйственных связей.

В силу широты российского рынка, а также хронически превышающего предложение спроса, многие иностранные компании не спешили уходить из России. Продукция ушедших продолжала поступать по каналам параллельного импорта. Использование прокси-компаний, а также агентских схем поставки и оплаты позволило как российским, так и зарубежным предпринимателям сохранить внешнеторговые связи и, хоть и претерпев существенные издержки, не допустить краха целых отраслей из-за разрыва производственно-логистических цепочек. При этом, как отмечает бывший главный экономист Института международных финансов Р. Брукс, предприниматели из Польши, Литвы, Латвии и Эстонии – одних из наиболее недружественных по отношению к России стран Евросоюза [42] – больше других использовали возможность перенаправления экспорта в страны Центральной Азии, фактически сохраняя объемы поставок в ЕАЭС на досанкционных уровнях, как это показано на рисунке 1.6.

Таким образом, изоляцию целесообразно воспринимать не как одно из дискретных состояний открытости экономики, а как континуум разных степеней дефицита и издержек. Несмотря на значительное давление правительств многих стран на Россию с помощью санкций, большое число зарубежных компаний стремилось сохранить свои торговые связи с российским рынком. Реальность мирохозяйственной системы заключается в том, что она представляет собой сложную сеть взаимодействий между всеми индивидами, фирмами, банками, регуляторными органами и международными институтами, которые могут производить обратное влияние на национальную политику. Как было показано, санкции Запада, приведшие к первичной изоляции России в ряде секторов, не смогли полностью разорвать все связи их хозяйствующих субъектов с Москвой, создав вместо этого новую, более децентрализованную структуру взаимодействий. Эти связи перешли в режим «теневых каналов» и «агентских схем», что было продемонстрированно в процессе адаптации российской экономики к первичному шоку.

Вертикальные оси: экспорт, млрд долл. США.
Горизонтальные оси: временной интервал, годы.

Источник: Р. Брукс, Институт международных финансов [36].

Рисунок 1.6 – Динамика экспорта в Россию и Центральную Азию из стран, поддерживающих антироссийские санкции, 2017-2024 гг.

За этот отрезок времени позиция мирового сообщества в отношении конфликта на Украине претерпела изменения, повлекшие в том числе смену правящей партии в США с демократической на республиканскую, предложившую радикально иной курс американской политики. Поэтому следующей дилеммой, с которой, вероятно, столкнется Россия, будет выбор между безоговорочной поддержкой многополярности в ее реформаторском смысле и сложной многовекторной политикой, потенциал которой начал реализовываться после некоторой «оттепели» в отношениях России и США с приходом второй администрации Д. Трампа.

Выводы по Главе 1

Результаты первого этапа исследования сформировали комплексную теоретическую базу для дальнейшего анализа. Рассмотренные работы отечественных и зарубежных авторов говорят о наличии признаков фрагментации мирохозяйственных связей, главными триггерами которой стали события, показанные на рисунке 1.7:

– первая волна антироссийских санкций 2014 г.;

– запущенный в 2016 г. процесс выхода Великобритании из ЕС;

– первая торговая война между США и Китаем, начавшаяся в 2018 г.;

– разрывы производственно-логистических цепочек во время пандемии COVID-19;

– вторая волна санкций против Российской Федерации в 2022 г.;

– тарифные войны второй администрации Д. Трампа и новая серия военных конфликтов на Ближнем Востоке в 2025-2026 гг.

Обозначенные события формируют «новую нормальность», в которой шоки и нестабильность приобретают регулярный характер. Причем фрагментируется не мировая экономика как совокупность национальных хозяйств, а сеть мирохозяйственных связей в целом, в которой установленные глобализацией практики и механизмы взаимодействия (многосторонние

организации, ГЦСС, корреспондентские сети банков, всемирный интернет) подрывались во время обозначенных шоков.

Источник: составлено автором.

Рисунок 1.7 – Этапы развития геоэкономической фрагментации, 1980-2026 гг.

Развитие этой тенденции является прямым следствием ограниченных возможностей международных институтов содействовать разрешению конфликтов и облегчению условия ведения бизнеса в глобальном масштабе. Такое положение дел обусловлено кризисом централизованного многостороннего подхода к решению глобальных проблем, на который полагалась система всемирных организаций, основанная после окончания Второй мировой войны [2, с. 47]. Вслед за утверждением однополярного мироустройства они стали проводниками Вашингтонского консенсуса, который по достижению экономического доминирования Запада служил закреплению его культурно-политической гегемонии.

Эти условия сформировали запрос на альтернативную, инклюзивную модель глобального развития, которую смогли предложить наиболее

могущественные страны с развивающейся экономикой – так называемые «восходящие» державы. Сформированная ими современная многополярная конфигурация международных экономических отношений стала возможной благодаря прогрессу по двум фундаментальным направлениям. Первое заключается в развитии инфраструктуры, финансового рынка, промышленного комплекса и человеческого капитала в странах Глобального Юга и Востока, что позволило существенно повысить их экономический суверенитет. Вторым не менее значимым фактором стал рост международной влиятельности развивающихся стран посредством их активного взаимодействия как в рамках уже существовавших организаций (АСЕАН, ШОС, Африканский союз), так и через новые интеграционные (ЕАЭС, ВПТТП) и координационные объединения (БРИКС, ВРЭП).

Образуемый этими трендами вектор развития международных экономических отношений направлен на формирование полицентричного мироустройства – состояния стабильной институциональной децентрализации мирохозяйственной системы, в которой управление процессами экономического развития осуществляется в соответствии с принципами глокализации, а не глобализации, характерной для многосторонних организаций XX века. С точки зрения развитых стран, бывших основными бенефициарами однополярного мироустройства, усиление этой тенденции может скорее стать угрозой их процветанию, чем возможностью заполучить больше экономических и политических ресурсов. Многополярность для них представляет среду «конкуренции ценностей», в условиях которой они находят легитимным использовать экономические, политические и силовые ресурсы для защиты имеющихся преимуществ и реализации своих интересов.

Следующий из этого рост геополитической напряженности, проявляющийся в увеличении числа санкций, торговых ограничений и ужесточении контроля за движением капитала, обостряет противоречие между интересами государственных акторов и компаний, ведущих международный бизнес. Однако на примере адаптации российской экономики

к санкционному шоку 2022 года было продемонстрировано, что глобальная экономика функционирует как сложная сеть, в которой действия компаний прямо влияют на эффективность внешнеэкономической политики государств. Предприниматели способны не соблюдать налагаемые сверху ограничения, стремясь обеспечить защиту коммерческих интересов, в связи с чем возводимые барьеры представляют для части из них возможность извлечения дополнительной выгоды за счет создания механизмов их обхода.

Рассмотрев, как фрагментация повлияла на трансформацию институциональной сферы мирохозяйственных связей, можно заключить что сформированные ей условия многополярности ведут к увеличению геостратегической конкуренции стран одновременно в нескольких экономических сферах. В связи с этим следующая глава посвящена исследованию того, какие структурные трансформации на современном этапе имеют место в финансовой, торговой и технологических сферах.

Глава 2
Геоэкономические аспекты изменения структуры мирохозяйственных связей

2.1 Адаптация систем международных расчетов к условиям многополярности

Санкции, введенные против России с 2022 г. актуализировали вопрос развития новых моделей международных расчетов в многополярном мире [2, с. 52-55]. Заморозка активов и резервов в иностранной валюте, ограничение доступа к международной платежной инфраструктуре, усиленный надзор за внешнеторговыми операциями вместе с транспортно-логистическими проблемами – все эти опасности ранее рассматривались лишь как ориентиры, по которым правительству любого суверенного государства было желательно выстраивать национальную стратегию экономической безопасности. Но однажды реализовавшись, они уже не могут более считаться умозрительными рисками, так как являются теперь реально используемыми в современной мировой валютно-финансовой системе практиками внешнеэкономического давления.

Коренной причиной, без которой реализация таких рисков в отношении финансового суверенитета не была бы возможной, является зависимость системы международных расчетов от валют тех стран, которые были центрами капиталистического блока во время Холодной войны, а после 2022 г. стали для России недружественными [7, с. 84].

Для анализа причин их господства в МВФС можно обратиться к рабочему документу МВФ от 2020 года «Patterns in Invoicing Currency in Global Trade» [12], где приводится информация о ключевых валютах в международных расчетах, на основе данных с 1990 по 2019 годы из 102 стран, покрывающих 75% всего мирового экспорта. Очевидными и единственными лидерами в этом списке являются доллар США и евро, широкое использование

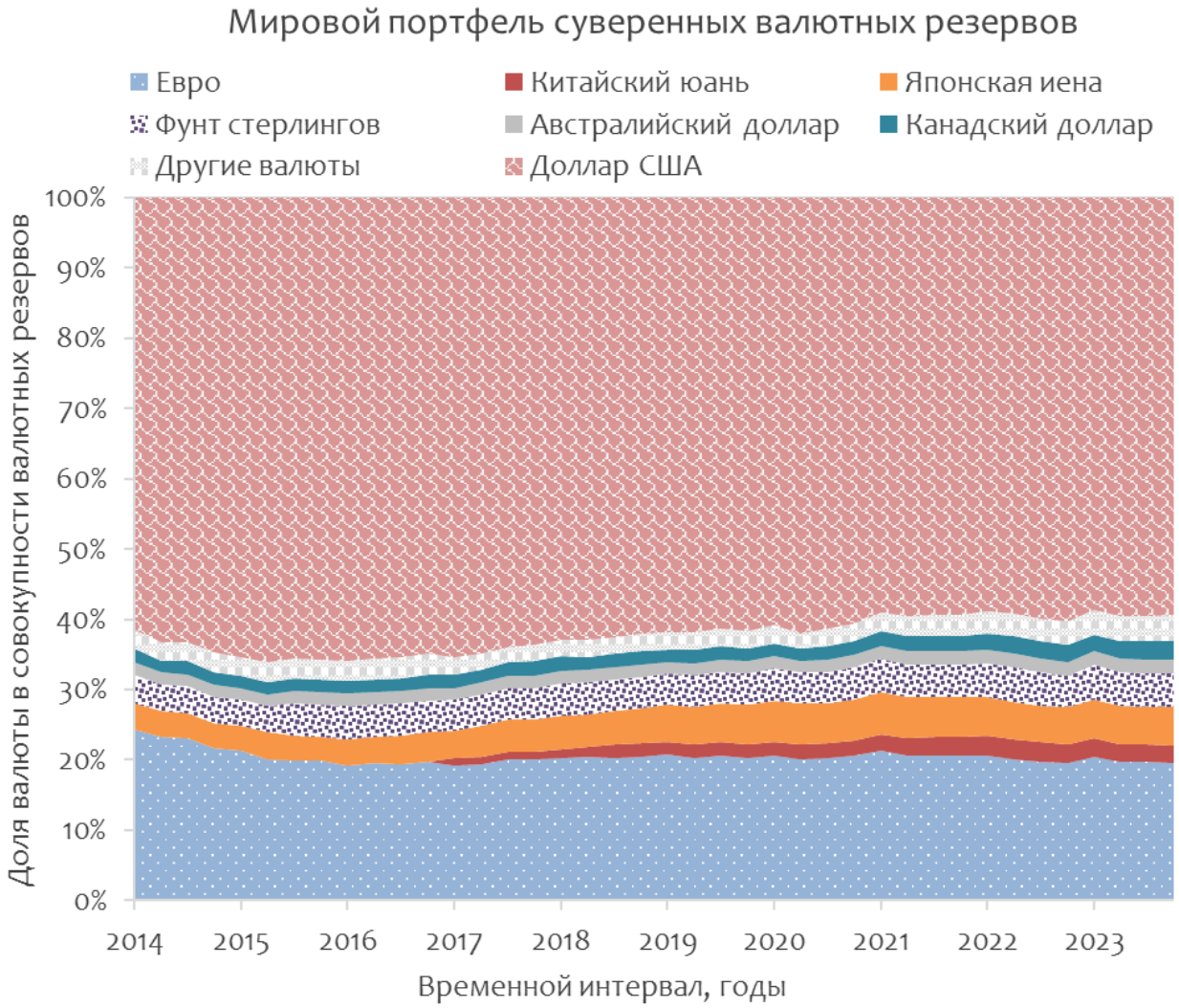
которых при выставлении счетов за экспорт остается стабильным на протяжении 20 лет.

При этом доля мирового экспорта, направляемого в США и Евросоюз, не соответствует роли их валют в МВФС [12, с. 14-15]. Так, лишь 10% мирового экспорта в 2019 году направлялось в США, но доллар в торговых расчетах по всему миру занимает почти 40% (или 23%, если из выборки исключить счета за поставки сырья и энергоресурсов). Доля евро в мировых расчетах за экспорт еще больше – 46%, в то время как сам экспорт в еврозону составляет лишь 37% международной торговли, если к ней относить и торговлю между странами союза. При этом международный товарооборот в целом за пределами США и ЕС вырос с 1990 г. на 25%, во многих странах произошли существенные сдвиги в валютной структуре платежей во внешней торговле, однако в масштабе МВФС ситуация почти не меняется.

Гипотетическим объяснением такой диспропорции могло бы быть предположение о влиянии на валютную структуру международной торговли резервного статуса доллара США и евро. Доли номинированных в них суверенных резервов представлены на рисунке 2.1. Как и в торговых расчетах, доллар США и евро доминируют над другими резервными валютами, хотя их соотношение разнится в сравнении с торговыми расчетами. Если анализировать динамику, то в 2000 г. доля доллара в суверенных золотовалютных резервах достигала 78,4%, но к 2014 г. она сократилась до 61,28%, а к концу 2024 г. снизилась до 57,39%.

Это изменение выглядит незначительным на фоне других валют, однако процесс структурной трансформации портфелей суверенных резервных активов остается активным процессом. Главным движущим фактором здесь является рост закупок золота центральными банками после заморозки российских валютных резервов в 2022 г. [130, с. 63], а также выбранная администрацией Д. Трампа стратегия ослабления курса доллара США, которую еще до его избрания на второй строк подробно описал экономический советник С. Миран [85, с. 14]. По его мнению, спрос на доллар

позволяет руководству страны ослабить контроль за соблюдением бюджетной дисциплины, в том числе для осуществления инвестиций в промышленность, но этого недостаточно для развития промышленного суверенитета из-за априорной дешевизны иностранных товаров.

Источник: Составлено автором по данным [84].
Рисунок 2.1 – Структура мирового портфеля суверенных валютных резервов, 2014-2023 гг.

Исходя из этого, можно предположить, что если объем хранимых в валюте суверенных резервов отражает степень доверия к эмитенту этой валюты, в том числе отражает риски заморозки этих средств и изоляции от расчетов в ней, то объем хранимых в валюте суверенных резервов должен коррелировать и востребованностью этой валюты предпринимателями для

ведения внешнеэкономической деятельности. Однако последние эмпирические исследования опровергают это.

В работе МВФ 2020 года «Reserve Currencies in an Evolving International Monetary System» анализируются факторы, влияющие на изменение долей четырех свободно-конвертируемых валют (доллар США, британский фунт, японская йена и евро) в резервных фондах [16]. В нем авторы сравнивают результаты эконометрического моделирования по двум массивам данных:

- агрегированного (приложение 2 к исследованию МВФ), представляющего суммарное изменение доли той или иной национальной валюты с 1947 г. по 2018 г. в резервах 149 центральных банков, на которых приходится примерно 94% всех валютных резервов в мире;

- дезагрегированного (приложение 3 к исследованию МВФ), основанного на публичных отчетах 42 стран о составе корзины валютных резервов с 1999 г. по 2018 г., где вычисления производятся индивидуально для каждого центрального банка, а их результаты затем усредняются и группируются для отображения тенденций в 10 странах с развитыми рыночными экономиками и 32 с развивающимися.

В таблице 2.1 приведены усредненные показатели из трех агрегированных моделей, основанных на нескольких временны*х* выборках с общим горизонтом наблюдений с 1947 г. по 2018 г. Метрики факторов меняются в зависимости от используемой модели, однако эти изменения незначительны и не вызывают противоречий при усреднении. Объем межбанковских транзакций в резервной валюте, а также доля ее страны-эмитента в мировом ВВП и его расходы на оборону, негативно сказываются на популярности резервной валюты. Положительно на нее влияют эффект инерции (продолжения устоявшейся практики), доля номинированного в резервной валюте внешнего долга развивающихся стран, а также динамика курса. Наряду с этим структура мирового экспорта и степень его центрированности вокруг стран-эмитентов не имеют статистической взаимосвязи с составом портфеля мировых валютных резервов.

Таблица 2.1 – Агрегированные данные: средние эконометрические метрики факторов, влияющих на удельный вес валюты в мировых резервах

Фактор	Коэффициент детерминации, в пунктах	Уровень значимости
Инерционный эффект (t_{-1}) в виде лаговой доли валюты в мировых резервах	0,875	***
Номинированный в резервной валюте внешний долг стран с низким и средним уровнем дохода в проценте от всего объема их непогашенного долга	0,037	***
Рост курса резервной валюты относительно корзины СДР за предыдущие пять лет	0,051	**
Доля резервной валюты в общем объеме трансграничных банковских требований	-0.054	**
Доля экономики страны-эмитента в мировом ВВП	-0,059	**
Расходы на оборону страны-эмитента в проценте от мировых военных расходов	-0,085	**
Доля экспорта из страны-эмитента в мировом экспорте	3,806	—
ОПР отправленная страной-эмитентом в процентах от ее ВВП	0.791	—
Степень влиятельности в мировом экспорте	0,126	—
Доля стран проголосовавших на Генеральной Ассамблее ООН так же, как и страна-эмитент	-0,001	—
Доля резервной валюты в обороте на внебиржевых рынках	-0,027	—
ВВП на душу населения по отношению к среднему ВВП на душу населения всех стран-эмитентов резервных валют	-0,040	—

Примечания

1 Уровень значимости в 1% обозначается как ***, 5% – как **, 10% – как *. Прочерк говорит о том, что фактор статистически-незначим.

2 Показатель «Степень влиятельности» отражает центрированность мирового экспорта вокруг эмитента резервной валюты. Высокая степень влиятельности означает, что экономика эмитента резервной валюты связана со многими другими экономиками, имеющими высокие степени влиятельности. То есть чем больше международная торговля эмитента связана с другими странами, которые сами являются крупными экспортерами, тем выше будет значение метрики. Если же экспорт страны-эмитента резервной валюты направляется в страны, имеющие незначительные объем и число внешнеторговых связей, то степень влиятельности будет ниже, чем в первом примере

Источник: составлено автором по данным [16, с. 39-44].

Это означает, во-первых, что широкое использование свободно-конвертируемых валют в международных расчетах происходит не из доминирующего положения их стран-эмитентов в глобальном товарообороте.

Во-вторых – что увеличения доли валюты в резервных фондах нельзя добиться с помощью расширения ее торгового использования. Ярким примером первого вывода является Китай, который, несмотря на статус глобального промышленного центра и наличие широкого списка внешнеторговых связей, долгие годы не может добиться значимого роста доли юаня в мировых резервах. То же верно и с обратной стороны: если доллар США лишится позиций лидера в мировой торговле, он все еще сможет иметь большую долю в мировых резервах.

Однако наиболее важной частью исследования МВФ являются их впервые опубликованные дезагрегированные модели состава резервов для развивающихся стран. В них они отмечают:

– значимую положительную роль инерции (коэффициент 0,703**; стандартная ошибка 0,030) и валюты внешнего долга (0,123***; 0,038);

– слегка негативную роль корреляции валюты развивающейся страны с резервной (-0,035**; 0,028);

– малозначимую негативную роль объема торговли развивающейся страны со страной-эмитентом резервной валюты (-0,085*; 0,095).

Исключениями из этих общих правил являются страны Африки, где рост объема торговли региона с эмитентом резервной валюты положительно влияет ее долю в резервах (0,48**; 0,19); а также страны Ближнего Востока, где этот же параметр имеет негативное воздействие (-0,50***; 0,13). Роль валюты внешнего долга для структуры резервов в Африке (0,35**; 0,12) также значимо больше, чем у всех развивающихся стран в целом, что может свидетельствовать о сохранении их культурных и экономических связей с Европой после окончания колониального периода.

Таким образом, дезагрегированные данные дополнительно подтверждают сформированный ранее вывод: на макроуровне востребованность валюты во внешней торговле не влияет на ее долю в государственных резервах, а структура резервов не влияет на валютные предпочтения экономических агентов страны в торговых операциях.

Это позволяет предположить, что теоретико-экономических препятствий для использования валют развивающихся стран во взаимных трансграничных расчетах не так много. Однако практические проблемы и перспективы расчетов в национальных валютах были изложены в исследовании Центра финансовой политики НИФИ Минфина России от 2020 года. В нем отмечалось видимое развитие этого метода расчетов в ЕАЭС, где доминировали российский и белорусский рубль, а также казахский тенге, но малое использование национальных валют в рамках ШОС и БРИКС, где почти все прецеденты касались юаня [131, с. 86]. Препятствиями на пути развития таких взаиморасчетов уже тогда назывались санкции и ужесточающиеся процедуры комплаенса, волатильность и проциклличность курсов валют, отсутствие прямых котировок валютных пар и обширной сети корреспондентских отношений между банками, низкая ликвидность на биржевых и внебиржевых рынках, а также различие норм валютного контроля, требований к документации и открытым данным, особенностей банковского регулирования.

Тем не менее, продемонстрированная антихрупкость российской экономики и активный рост экономической активности и ВВП страны, несмотря на все геоэкономические интервенции иностранных государств, являются доказательствами более сложного устройства глобальных внешнеэкономических связей, где фактические действия предпринимателей могут противоречить геоэкономическими стремлениями правительств. В частности, для обхода финансовых ограничений в пределах банковской системы актуализировались теневые каналы международных расчетов, работающих по системе неформальной передачи ценностей, более известной

под термином *хавала* [10, с. 368-369]. Теневой характер этих расчетов происходит из возможности совершать трансграничные платежи без верификации личностей отправителя и получателя. Для создания системы необходимы как минимум два контрагента в разных странах, называемых хавалдарами и обладающих хорошей репутацией и достаточными финансовыми ресурсами для осуществления брокерской деятельности в выбранной для себя нише. Когда к одному из них обращается инициатор перевода средств в страну другого брокера, первый принимает деньги отправителя, внося их на свой счет и сообщая о переводе второму брокеру, после чего выдает отправителю инструкции для получения средств в другой стране. Отправитель передает эти инструкции, как правило составляющие из себя кодовое слово и идентификатор транзакции, получателю. Получатель в другой стране приходит ко второму брокеру, выполняет необходимые инструкции и получает с его счета необходимую денежную сумму.

Как видно, в рамках этого процесса реального движения средств не было, так как никто из брокеров не переводил средства другому, а совершал операции лишь со своим счетом. Реальные переводы между ними происходят позже в момент клиринга по остаткам, когда скопившийся профицит на счете одного идет на покрытие дефицита по счету второго, или на удовлетворение его обязательств перед третьим брокером и т.д. Заработок в такой системе, следовательно, происходит за счет комиссий, уплачиваемых отправителем и получателем. Но ввиду своей безотчетности, системы типа хавала преследуются центральными банками по всему миру. В России двумя наиболее громкими кейсами схожей тематики за последние годы были отзывы лицензий у Qiwi и WebMoney, платежные системы которых позволяли обезличенно переводить средства в том числе на счета организаций, имеющих признаки нелегальной деятельности, из-за чего эти системы не раз обвинялись в уклонении от выполнения требований ПОД/ФТ.

Представить компромиссное решение обозначенных проблем могла бы централизованная система клиринга транзакций в цифровых валютах, как это

планируется реализовать в проектах BRICS Bridge, m-Bridge и Project Guardian [87]. Изменения, привнесенные цифровизацией в денежные системы, заключаются, с одной стороны, в раскрытии потенциала к созданию платформ для осуществления платежей и фиксации прав собственности, независимых от традиционных финансовых; а с другой, в предоставлении центральным банкам и другим финансовым регуляторам технологий, позволяющих создать новую форму денег, у которой способность к обмену проистекает не из ее материальной (как у наличных) или институционально-инфраструктурной (как у безналичных) воплощенности, а из ее алгоритмизированной и программируемой природы.

Это разделение цифровых денег на частные и связанные с государством порождает новые формы конкуренции среди платежных средств [61, с. 8-9]. Так, *полная конкуренция* разворачивается лишь между разными валютами, когда один и тот же товар имеет разные цены в каждой расчетной единице. То есть для нее нужно, чтобы сравниваемые платежные инструменты опирались на разные системы расчетов, в связи с чем их еще называют *внешними деньгами*. К ним относятся фиатные и криптовалюты, стейблкоины, а также особые формы частных денег вроде бонусных баллов и кешбэка, обычно имеющие свой фиксированный курс и предполагающие более выгодные цены. Помимо международных расчетов, полная конкуренция также возникает в тех странах, которые допускают использование криптовалюты или любой иностранной фиатной валюты во внутреннем экономическом пространстве наравне с деньгами центрального банка. В любом случае, эмитент в такой системе обязан хранить резервы, позволяющие ему контролировать риски ликвидности и при необходимости влиять на обменный курс с помощью рыночных механизмов, но не обязан обеспечивать конвертацию своей валюты в другие инструменты [64, с. 4].

Неполная конкуренция, напротив, подразумевает существование нескольких платежных инструментов, работающих в рамках одной и той же системы расчетов. Главным образом она проявляется во взаимозаменяемости

в процессе оплаты наличных, банковских депозитов, средств на электронных кошельках и средств в форме цифровой валюты центрального банка. Такие деньги называют *внутренними*, и их замкнутость на одной расчетной единице подразумевает обязательную конвертируемость одного инструмента в другой по курсу 1 к 1, часто закрепляемую в национальном законодательстве.

Данные особенности, которые подробнее раскрыты в авторской статье [113], необходимо учитывать при построении системы обмена стейблкоинами и любыми другими цифровыми активами в развивающихся странах, как это планируется в БРИКС [34]. В частности, описанный ранее принцип конвертируемости внутренних денег иногда преподносится как составляющая стейблкоинов и токенизированных активов, должная обеспечивать доверие к ним. На самом деле это не так. Привязка курса валюты к тому или иному якорю и обеспечение ее резервами не означает ее обязательную конвертируемость. Конвертируемость проявляется лишь тогда, когда эти привязанные валюты могут равноценно использоваться в процессе оплаты, когда между ними нет различия при подсчете финансового баланса предприятий и когда просто не существует возможности расхождения их стоимости. Помимо децентрализованных финансов, это замечание может относится к валютам вроде гонконгского доллара или доллара США в конце существования Бреттон-Вудской МВФС.

Последствия неполного понимания этих нюансов были продемонстрированы в период всплеска волатильности на крипторынке в конце 2022 года. Вследствие недостаточного контроля за системой хранения резервов у биржи FTX, она оказалась построенной на базе дочернего токена биржи FTT [44]. Когда это вскрылось, пользователи изъяли с биржи FTX 6 млрд долл. США за три дня. Низкая доля ликвидных активов на балансе FTX запустила цепную реакцию, вызвав крах токена FTT, что еще больше сократило объем резервов. В итоге 11 ноября 2022 г. биржа FTX объявила о банкротстве, после чего ее генеральный директор С. Бэнкман-Фрид был арестован за попытку тайного перевода активов со счетов клиентов FTX в

дочерний фонд. Спровоцированная этим волатильность на крипторынке в моменте привела к обвалу биткоина на 20% и временному отклонению курса одного из самых ликвидных стейблкоинов USDC к доллару США.

Вслед за этим шок распространился на традиционную финансовую систему, итогом чего стало крупнейшее с момента ГФК банкротство банков Silicon Valley Bank и Signature Bank, испытывавших проблемы на фоне ужесточения денежно-кредитной политики ФРС. В этот момент произошло вмешательство американских регуляторов, после которого паника прекратилась. Однако система цифровых финансов до сих пор хранит множество уязвимостей, в очередной раз продемонстрировавших себя во время всплеска волатильности на рынках из-за объявления Д. Трампа повысить до 100% пошлины на товары из Китая 10 октября 2025 г., приведшего к стремительному снижению стоимости биткоина на 10% в следующий же день [46].

В связи с этим очевидно, что постепенно регуляторный арбитраж между традиционными и децентрализованными финансовыми инструментами будет уменьшаться, что сделает извлечение выгоды из применения технологии блокчейна менее выраженным. Распределенный реестр действительно имеет большой потенциал применения в международных расчетах, где клиринговые и депозитарные услуги реализуются гораздо менее эффективно, чем в традиционной инфраструктуре национальных финансовых систем. В последних преимущества смарт-контрактов менее ощутимы из-за более оптимизированной работы как финансовых, так и нефинансовых посредников (операторов складов, транспортных компаний, юридических агентств и т.п.) и большего доверия к ним. Потенциальный недостаток доверия между двумя сторонами сделки при использовании цифровых активов, прав или валют, выражающийся отсутствием посредника, который гарантировал бы надлежащее исполнение условий контракта обоими контрагентами перед удовлетворением их взаимных обязательств, является одним из наибольших вызовов на пути развития децентрализованных финансов.

В целом, на сегодняшний день децентрализованные финансы все еще остаются инновационной индустрией, и поэтому большинство стран избрали мягкий подход к ее регулированию, чтобы не перегрузить отрасль регулированием на первых этапах развития и не лишиться ее потенциальных преимуществ. В России после введения санкций в рамках экспериментального правового режима были легализованы внешнеторговые расчеты с использованием цифровых валют, а также были определены правовые основы использования цифровых прав в качестве встречного предоставления в международной торговле. Это помогло обойти российским компаниям и их зарубежным контрагентам значимый объем санкционных ограничений. Спустя пару лет на российский финансовый рынок допустили активы, доходность которых привязана к курсам криптовалют. Однако дальнейшее ужесточение процедур комплаенса вкупе с уменьшением регуляторного арбитража между традиционными и цифровыми финансами в глобальном масштабе означает, что развитие альтернативных каналов международных расчетов не должно замыкаться исключительно на модели блокчейна. Но, независимо от инструмента, в условиях повышенной геоэкономической напряженности всегда необходимо четко понимать имеющиеся риски в таких системах расчетов, как с точки зрения финансовой стабильности, так и с точки зрения конфиденциальности контрагентов и используемой ими инфраструктуры.

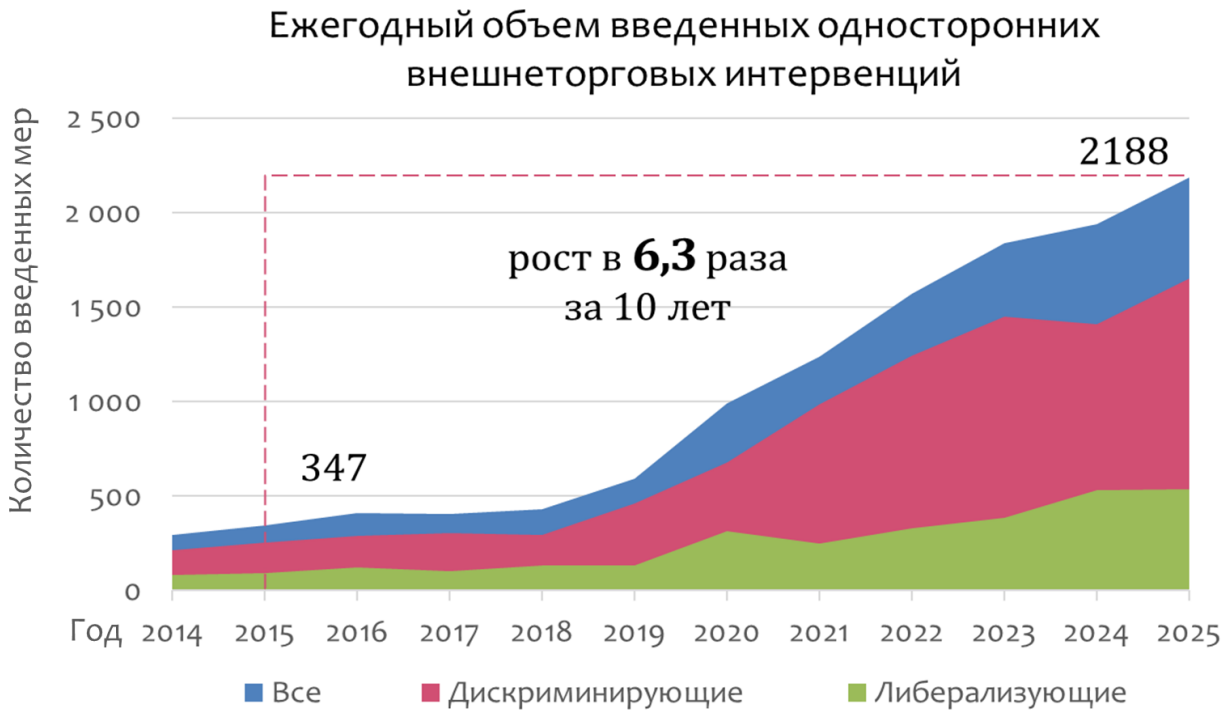
2.2 Позиции стран в глобальной сети односторонних мер регулирования внешней торговли

Одним из наиболее ярких проявлений современной трансформации мирохозяйственных связей является реабилитация протекционизма как инструмента разумной экономической политики. Масштабное исследование, проведенное в 2023 году Европейским банком реконструкции и развития (далее – ЕБРР) [82], представило строгую количественную оценку потенциальных макроэкономических последствий данного тренда.

Методология исследования базировалась на анализе результатов голосования представителей стран в Генеральной Ассамблее ООН по антироссийской резолюции ES-11/1, связанной с проведением СВО [22], в марте 2022 года. В результате, исследователи разделили мирохозяйственную систему на два условных блока. Первый блок объединил 141 страну, поддержавшую резолюцию (включая США, государства ЕС, Японию), тогда как второй блок составили 40 стран, проголосовавших против или воздержавшихся (Россия, Китай, Индия и др.). Сценарий 20%-го увеличения тарифных барьеров между выделенными блоками, по оценкам исследователей, может привести к потерям мирового ВВП в диапазоне от 0,1% до 2,3%. С учетом нетарифных ограничений и трансакционных издержек, сопутствующих санкциям, негативный эффект может усилиться до 0,6%-4,6% глобального ВВП. Наиболее уязвимыми оказываются экономики, глубоко интегрированные в торговые отношения с обоими блоками: Казахстан (-2,8%), Марокко (-4,6%), страны Юго-Восточной Азии (в совокупности -2,9%).

Как показывает Б.А. Хейфец [143, с. 14], в современных геоэкономических исследованиях такой геополитический подход, опирающийся на голосования стран в международных институтах по наиболее поляризированным вопросам [154], становится превалирующим при определении сценариев фрагментации мирохозяйственной системы на отдельные блоки. Так, помимо ЕБРР, среди крупных международных институтов этот подход находил применение в исследованиях ВТО [77] и МВФ [13, с. 82-84; 17, с. 62; 18; 149]. Приводимые в них факты позволяют заключить, что масштабный рост числа односторонних мер регулирования внешней торговли выступает основным направлением структурной трансформации торговой сферы мирохозяйственной системы на современном этапе. Число односторонних интервенций, вводимых национальными правительствами для регулирования внешней торговли, выросло в период 2014-2024 гг. в 3,6 раза: с 21,6 тыс. зафиксированных случаев до 70,6 тыс. При этом, как показано на рисунке 2.2 с 2019 года наблюдается ускорение этих

темпов роста, которые могут стать еще выше по итогам обработки данных за период активной тарифной политики Д. Трампа в 2025 г. и 2026 г.

Источник: составлено автором по данным [76]
Рисунок 2.2. Динамика ежегодного объема введенных односторонних интервенций во внешней торговле в период 2015-2025 гг.

Однако как было показано в предыдущих параграфах, в условиях многополярности политические связи не исчерпывают мирохозяйственные, так как вводимые странами барьеры и ограничения не способны привести к немедленной переориентации их экономик на локальных производителей или альтернативных поставщиков из дружественных стран. Устойчивость выстроенных деловых отношений, а также неспособность найти им замену в сжатые сроки приводит к тому, что под давлением внешнеторговых ограничений международные бизнес-процессы не обрываются, но в них увеличивается цепочка посредников. Примерами этому могут служить ранее упомянутые «хавалдары», в случае агентских схем международных расчетов, или «связующие» (транзитные) юрисдикции, через которые восстанавливаются торговые цепочки между американскими и китайскими фирмами в противовес политике декаплинга США и Китая.

Таким образом, в условиях многополярности отношения в сети мирохозяйственных связей формируются на пересечении официальной внешнеэкономической политики государств и реальных действий экономических агентов на их территории, в то время как обозначенные в начале параграфа методики исследования торговой фрагментации опираются в большей степени на геополитические факторы (например, итоги голосований в Генеральной Ассамблее ООН), хотя предмет их исследования относится к области геоэкономики.

В рамках настоящего исследования глобальной сети односторонних мер регулирования внешней торговли, основу более совершенной методики, можно построить, сопоставив динамику международных торговых потоков, отражающую действия акторов-предпринимателей, с принятыми решениями акторов-государств по их регулированию. Это позволит выявить группы стран с общими закономерностями во внешнеторговой деятельности и со схожим характером интервенций, зная которые можно более репрезентативно моделировать их реакцию на возникающие в системе мировой торговли шоки.

Первым шагом на пути к решению поставленной выше задачи стал анализ количественных данных о случаях государственного вмешательства в международные торговые отношения. Такое исследование было проведено в авторской статье «Центры регулирования внешнеэкономических отношений в период деглобализации» [116]. В качестве источника данных были использованы временные ряды Global Trade Alert (далее – GTA) – независимой организации, которая отслеживает изменения в государственной внешнеторговой политике по всему миру [76]. Каждая из мер, предпринимаемых национальными регуляторами в отношении международной торговли товарами и услугами, а также потоков ПИИ, относится либо к категории дискриминирующих, либо к категории либерализующих. Все данные в базе, содержащие более 60 тыс. записей, основаны на официальных нормативно-правовых актах и проходят двухэтапную проверку подлинности.

Опираясь на ряд исследований [35; 78], ранней границей временного интервала наблюдения тенденций фрагментации был выбран 2017 год – последний год перед началом торговой войны США и КНР. В соответствие с этим из базы данных GTA были выгружены 4 выборки временных рядов за 2017-2024 гг., содержащие информацию о том, сколько раз каждая страна в базе данных стала:

– целью либерализующих интервенций;

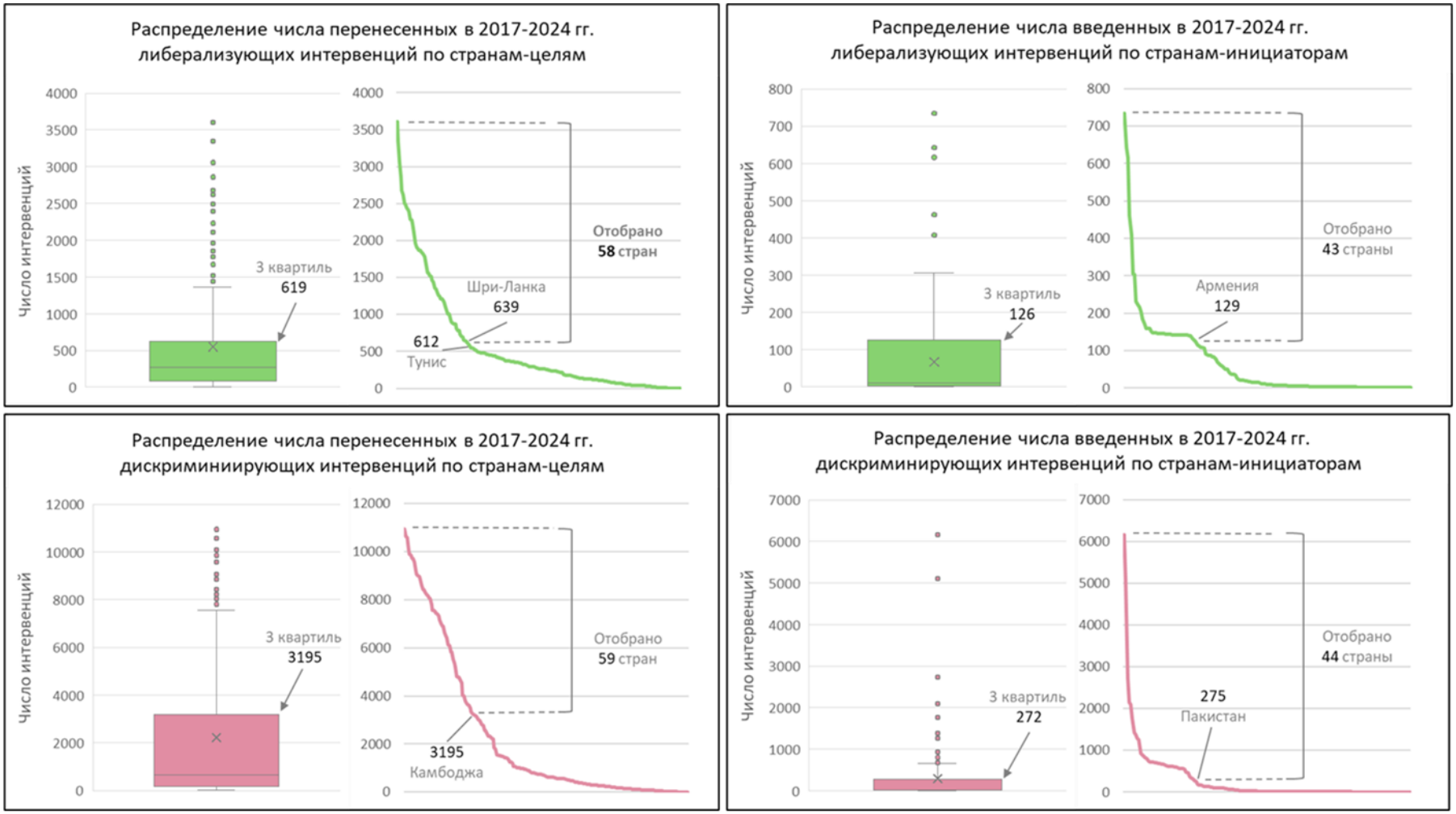
– целью дискриминирующих интервенций;

– инициатором либерализующих интервенций;

– инициатором дискриминирующих интервенций.

Определение наиболее репрезентативных стран в каждой выборке проходило с помощью анализа распределения числа введенных и перенесенных интервенций обоих типов среди всех стран-инициаторов и стран-целей соответственно. Для этого отбирались юрисдикции, которые по числу пришедшихся на них интервенций находились выше 3 квартиля (топ-25% выборки), как это показано на рисунке 2.3. В каждом из его блоков, соответствующих одной из четырех вышеупомянутых выборок, в левой части показана диаграмма размаха, где указано пороговое число интервенций для 3 квартиля – страны с меньшим количеством введенных или перенесенных мер не могут считаться находящимися в центральных узлах глобальной сети односторонних мер регулирования международной торговли.

Справа от диаграмм размаха в каждом блоке расположена гистограмма частот наблюдений. Ее вертикальная ось так же, как у диаграммы размаха, отражает число интервенций, а на горизонтальной оси располагаются страны в порядке убывания числа введенных ими интервенций (слева направо). Все страны, отметки которых на гистограмме частоты наблюдений располагаются ниже пороговой границы 3 квартиля диаграммы размаха, не проходят на следующий этап анализа.

В каждом из четырех блоков слева располагается диаграмма размаха с указанием минимального порогового значения на границе 3 квартиля, справа – гистограмма частот наблюдений с указанием последней страны, преодолевшей этот порог.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.3. Схема предварительного отбора стран, находящихся в центральных узлах глобальной сети односторонних мер регулирования международной торговли

Большое число стран в выборках не позволяет отразить все их названия на горизонтальной оси, в связи с чем на рисунке 2.3 обозначены только те замыкающие стран, число интервенций которых находится на границе 3 квартиля. С перечнем всех стран в каждой выборке, у которых число интервенций выше этих пороговых границ и которые прошли на следующий этап выявления стран-центров, можно ознакомиться в приложении А.

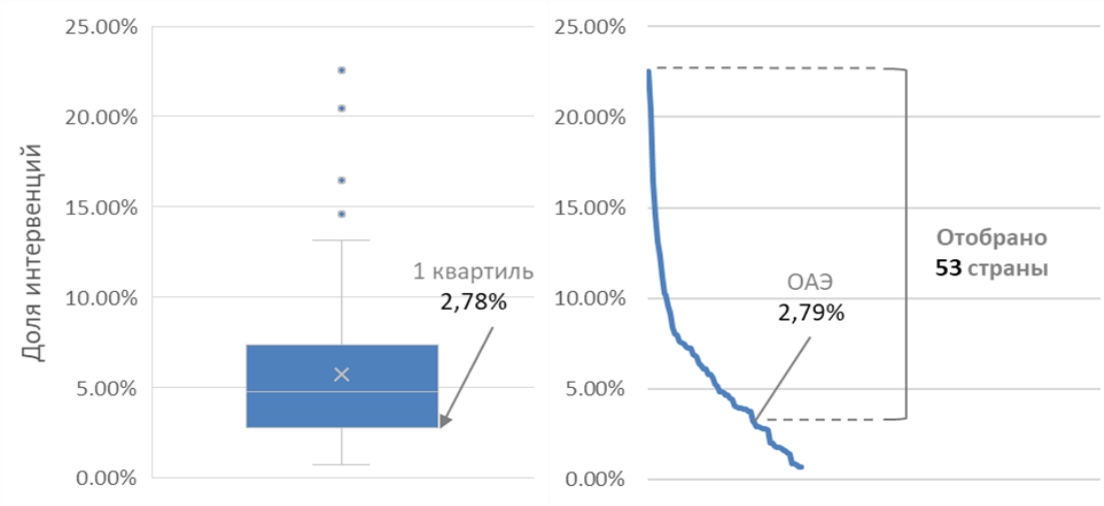
В качестве примера рассмотрим левый верхний сегмент рисунка 2.3 – распределение либерализующих интервенций по странам-целям. С помощью диаграммы размаха можно увидеть, что граница 3 квартиля проходит по отметке 619 интервенций. Если соотнести это пороговое значение по вертикальной оси с гистограммой частоты наблюдений, то оно будет находится посередине между тем, сколько раз с 2017 г. по 2024 г. были смягчены внешнеторговые барьеры для Шри-Ланки (639 раз) и для следующего за ней Тунисом (612 раз). В таком случае Шри-Ланка будет замыкать список отобранных 58 стран по данному направлению.

Перечень отобранных таким образом стран в каждой категории представлен в приложении А. При агрегировании результатов было обнаружено, что совокупное число стран, отобранных таким образом в каждой категории, составляет 70. Для формирования итогового перечня наиболее выделяющихся стран по обоим типам интервенций, число введенных и перенесенных ими мер либерализующего и дискриминирующего характера было приведено к относительному формату, где за 100% принималось совокупное количество интервенций в каждой категории. Затем для каждой страны была рассчитана сумма всех приходящихся на нее долей среди тех выборок, в которых она присутствовала.

Чтобы выделить среди 70 стран самые значимые центры сети, можно было бы повторить алгоритм отбора по границе 3 квартиля. Однако это привело бы к уменьшению итогового списка до 10 развитых и 7 развивающихся стран, значимость которых в мировой экономике очевидна. В связи с этим в качестве отсечки значимости был использован 1 квартиль, выше

которого находится 75% выборки. Страны, совокупная доля интервенций которых находилась ниже этой границы, были исключены из списка, как это видно по рисунку 2.4.

Итоговый перечень стран, находящихся в центральных узлах глобальной сети односторонних мер регулирования внешнеторговых отношений, приводится в таблице 2.2. Для сопоставления направлений регулирования внешней торговли этими странами с направлениями внешнеторговой деятельности их хозяйствующих субъектов, были использованы данные о динамике взаимных экспортных потоков из базы UNCTAD [100]. Их особенностью является отсутствие данных о внешней торговле Тайваня, в связи с чем он был исключен из анализируемого списка, сократившегося до 52 стран-центров. В свою очередь, выбор в качестве показателя денежной величины экспорта обусловлен тем, что его статистика в меньшей степени искажается тарифными мерами, сильно влияющими на статистику импорта. Эти данные были переведены в относительный формат, показывающий процентное изменение денежной величины экспорта за год.

Нижнее пороговое значение для отбора наиболее выделяющихся стран по совокупной доле введенных и перенесенных ими либерализующих и дискриминирующих интервенций за 2017-2024 гг.

Количество отобранных стран и замыкающая страна в списке стран, находящихся в центральных узлах глобальной сети односторонних внешнеторговых интервенций 2017-2024 гг.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.4. Распределение общего объема интервенций за 2017-2024 гг. по странам-центрам внешнеторгового регулирования

Таблица 2.2 – Перечень стран-центров одностороннего регулирования внешнеторговых отношений в период 2017-2024 гг.

В процентах

№	Страна	Доля от общего числа интервенций	№	Страна	Доля от общего числа интервенций
1	США	22,54	28	Португалия	5,80
2	Китай	20,44	29	Ирландия	5,77
3	Бразилия	16,46	30	Румыния	5,60
4	Индия	14,57	31	Словакия	5,28
5	Австралия	13,14	32	Греция	5,11
6	Германия	12,35	33	Словения	4,87
7	Италия	11,24	34	Новая Зеландия	4,84
8	Франция	10,23	35	Болгария	4,81
9	Россия	10,18	36	Литва	4,63
10	Испания	9,61	37	Таиланд	4,63
11	Канада	9,15	38	Пакистан	4,49
12	Нидерланды	8,40	39	Малайзия	4,42
13	Великобритания	8,06	40	Швейцария	4,03
14	Аргентина	7,97	41	Вьетнам	4,00
15	Бельгия	7,63	42	Сингапур	3,96
16	Польша	7,52	43	Тайвань	3,91
17	Индонезия	7,47	44	Южная Африка	3,89
18	Турция	7,33	45	Эстония	3,85
19	Мексика	7,27	46	Норвегия	3,74
20	Швеция	7,23	47	Люксембург	3,73
21	Япония	6,89	48	Израиль	3,22
22	Дания	6,82	49	Гонконг	3,14
23	Австрия	6,78	50	Хорватия	2,91
24	Финляндия	6,43	51	Латвия	2,89
25	Чехия	6,29	52	Филиппины	2,87
26	Республика Корея	6,13	53	ОАЭ	2,79
27	Венгрия	6,10			

Источник: составлено автором.

В ряде случаев данные за определенный год у какой-либо из стран отсутствовали. Тогда на их месте указывались «зеркальные» показатели, рассчитанные UNCTAD на основе статистики входящих торговых потоков в страну-импортера. Если отсутствовал и «зеркальный» показатель, то для заполнения пропусков использовалось среднее значение экспорта из соответствующей страны в страну-импортера за все годы.

Дальнейшие преобразования массивов данных об интервенциях и динамике экспортных потоков сводились к их подготовке для выявления кластеров стран-центров со схожими паттернами в торговле и регулировании – то есть кластеров стран со схожим торгово-регуляторным профилем. Для этого строки конечного массива должны соответствовать каждой из 52 стран-центров, а в столбцах должны находиться сопоставляемые признаки: число интервенций каждого типа и динамика экспорта из страны, находящейся в строке, в оставшиеся 51 страну за каждый год. Этого удалось достичь, представив данные в виде сводных таблиц, показанных на рисунке 2.5.

Для обработки полученных массивов использовались инструменты работы с большими данными на языке Python в программной среде Jupyter Notebook. Первой задачей стало снижение размерности массивов до двумерного состояния при сохранении информации о имеющихся внутри него закономерностях. Для получения наиболее достоверного решения сравнивались результаты работы трех алгоритмов: как с помощью визуальной оценки качества полученных графов, так и с помощью программных тестов. Принцип действия выбранных алгоритмов следующий.

Principal Component Analysis (далее – PCA): кодирует в осях координат линейные уравнения со всеми исходными параметрами (используемые для решения задачи модели насчитывают от 832 до 1248 параметров), вес которых подбирается так, чтобы совокупность значений уравнений всех стран имела максимальную дисперсию. Первая ось задает направление наибольшего разброса, вторая – перпендикулярное ей направление со следующим по величине разбросом.

	Либерализующие интервенции, число за год									
Инициатор	Аргентина, 2017	…	Аргентина, 2023	Аргентина, 2024	Австралия, 2017	…	Австралия, 2023	Австралия, 2024	…	Вьетнам, 2024
Аргентина	н/д	…	н/д	н/д	5	…	5	19	…	7
Австралия	1	…	22	57	н/д	…	н/д	н/д	…	152
…	…	…	…	…	…	…	…	…	…	…
Вьетнам	1	…	1	0	3	…	2	1	…	н/д

	Дискриминирующие интервенции, число за год									
Инициатор	Аргентина, 2017	…	Аргентина, 2023	Аргентина, 2024	Австралия, 2017	…	Австралия, 2023	Австралия, 2024	…	Вьетнам, 2024
Аргентина	н/д	…	н/д	н/д	4	…	11	15	…	14
Австралия	6	…	12	18	н/д	…	н/д	н/д	…	80
…	…	…	…	…	…	…	…	…	…	…
Вьетнам	0	…	2	1	5	…	7	12	…	н/д

	Динамика экспорта, % к предыдущему году									
Инициатор	Аргентина, 2017	…	Аргентина, 2023	Аргентина, 2024	Австралия, 2017	…	Австралия, 2023	Австралия, 2024	…	Вьетнам, 2024
Аргентина	н/д	…	н/д	н/д	20%	…	-17%	-1%	…	56%
Австралия	-19%	…	-46%	35%	н/д	…	н/д	н/д	…	-12%
…	…	…	…	…	…	…	…	…	…	…
Вьетнам	30%	…	46%	2%	-30%	…	22%	24%	…	н/д

В примере Аргентина и Австралия являются первыми двумя странами из перечня, Вьетнам – замыкающей 52 страной в списке. Серые пропуски обозначают промежуточные столбцы (показатели в отношении стран за определенный год) и строки (статистика для соответствующего инициатора) между находящимися с обоих краев ячейками. Пометка «н/д» соответствует ячейкам, находящимся на пересечении страны в строке с той же страной в столбце (Аргентина-Аргентина, Австралия-Австралия, Вьетнам-Вьетнам).

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.5 – Структура таблиц для кластеризации стран по типам торгово-регуляторного профиля

Uniform Manifold Approximation and Projection (далее – UMAP): для каждой страны A вычисляется ее расстояние во всех измерениях до других «стран-соседей» по формуле (1)

$$\mathrm{D}(\text{страна A}, \text{страна B}) = \sqrt[2]{\sum_{i=1}^{n}(A_i - B_i)^2}, \quad (1)$$

где D – расстояние между страной A и страной B во всех измерениях;

A – страна, для которой вычисляется набор расстояний до других стран;

B – одна из прочих стран, до которой вычисляется расстояние от страны A;

n – число параметров (измерений);

i – текущий параметр (измерение);

A_i – значение текущего параметра для страны A;

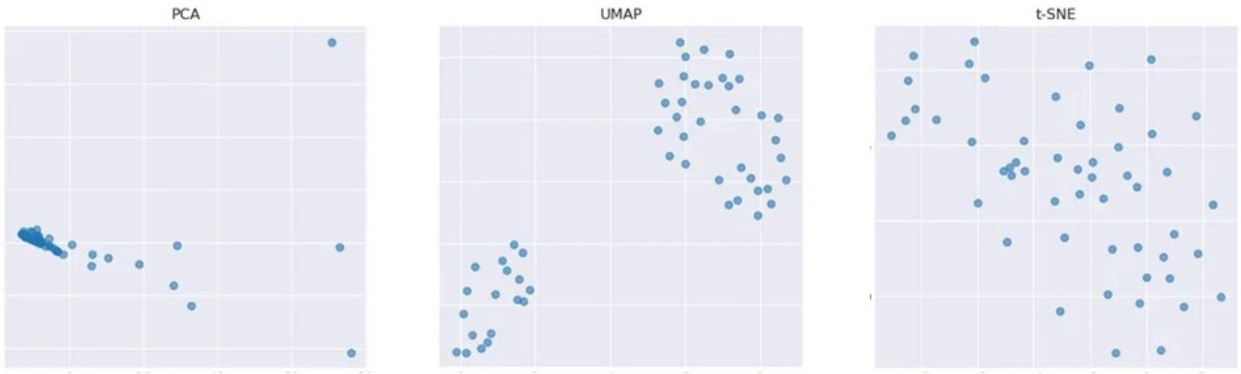
B_i – значение текущего параметра для страны B.

Исчислив это расстояние D, алгоритм UMAP ранжирует соседей страны A по возрастанию расстояния, после отчего определяет порядок ближайших к ней стран-соседей. Это действие повторяется для определения порядка ближайших соседей страны B, страны C и т.д. Затем, анализируя порядок удаленности стран во всех сформированных списках соседей, алгоритм размещает их на плоскости так, чтобы, страны, которые часто расположены рядом во всех списках соседей, на графике также оказались рядом, а редкие соседи – далеко друг от друга. При таком подходе если страны или их кластеры находятся далеко друг от друга, значит они различаются по большинству исходных параметров.

t-Distributed Stochastic Neighbor Embedding (далее – t-SNE): в начале действует аналогично UMAP, но при расположении стран на плоскости учитывает не порядок их соседства, а стремится максимально точно отразить в расстоянии между их координатами относительную вероятность, с которой B окажется для A ближе, чем любая другая страна. На карте t-SNE взаимоположение ближайших стран математически точно отражает их различие в параметрах, но расстояние между удаленными точками и

кластерами искажается из-за близкой к нулю вероятности соседства всех стран, чье различие в параметрах переходит определенный предел.

Пример преобразования массива размерностью 52 х 1248 в двухмерную плоскость координат этими алгоритмами представлен на рисунке 2.6.

Источник: составлено автором.
Рисунок 2.6 – Сопоставление результатов снижения размерности многомерных данных алгоритмами PCA, UMAP и t-SNE

Точки на графиках рисунка 2.6 обозначают координаты каждой страны в сжатом пространстве признаков, а их взаимное расположение отражает найденные алгоритмами закономерности в исходных многомерных данных. Представленные точками страны на графике PCA сконцентрированы в одной области, за границами которой находятся несколько выбросов. Такая картина непригодна для решения задачи кластеризации. В карте t-SNE, напротив, страны равноудалены друг от друга, что также не позволяет различить границы кластеров. Наиболее оптимальным вариантом в данном примере является результат работы UMAP, где визуально можно различить присутствие от 2 до 4 кластеров.

Для объективного определения границ кластеров сравнивались результаты работы трех алгоритмов автоматической разметки: DBSCAN, Spectral Clustering и Agglomerative Clustering. Лучшая комбинация алгоритмов снижения размерности и выделения кластеров определялась с помощью тестов Silhouette Score, Davies-Bouldin Index и Calinski-Harabasz Index. Такой набор алгоритмов была применен ко всем комбинациям исходных массивов, где наилучшие результаты кластеризации были у следующих трех моделей:

Модель 1 – либерализующие интервенции и динамика экспорта: 43 264 ячеек с данными, 832 параметра. Включает в себя данные за 8 лет о числе либерализующих интервенций, ежегодно вводимых каждой из 52 стран в отношении каждой другой страны из списка, и данные о ежегодном темпе роста экспортных потоков, исходящих от каждой из 52 стран в каждую другой страну.

Примечание – В построенных моделях отдельными параметрами являются значения каждого из трех показателей (динамика экспорта, либерализующие интервенции, дискриминирующие интервенции) по отдельности в отношении каждой страны за каждый год.

Модель 2 – дискриминирующие интервенции и динамика экспорта: 43 264 ячеек с данными, 832 параметра. Включает в себя данные за 8 лет о числе дискриминирующих интервенций, ежегодно вводимых каждой из 52 стран в отношении каждой другой страны из списка, и данные о ежегодном темпе роста экспортных потоков, исходящих от каждой из 52 стран в каждую другой страну из списка.

Модель 3 – либерализующие интервенции, дискриминирующие интервенции и динамика экспорта: 64 896 ячеек с данными, 1248 параметров. Включает в себя следующие данные за 8 лет:

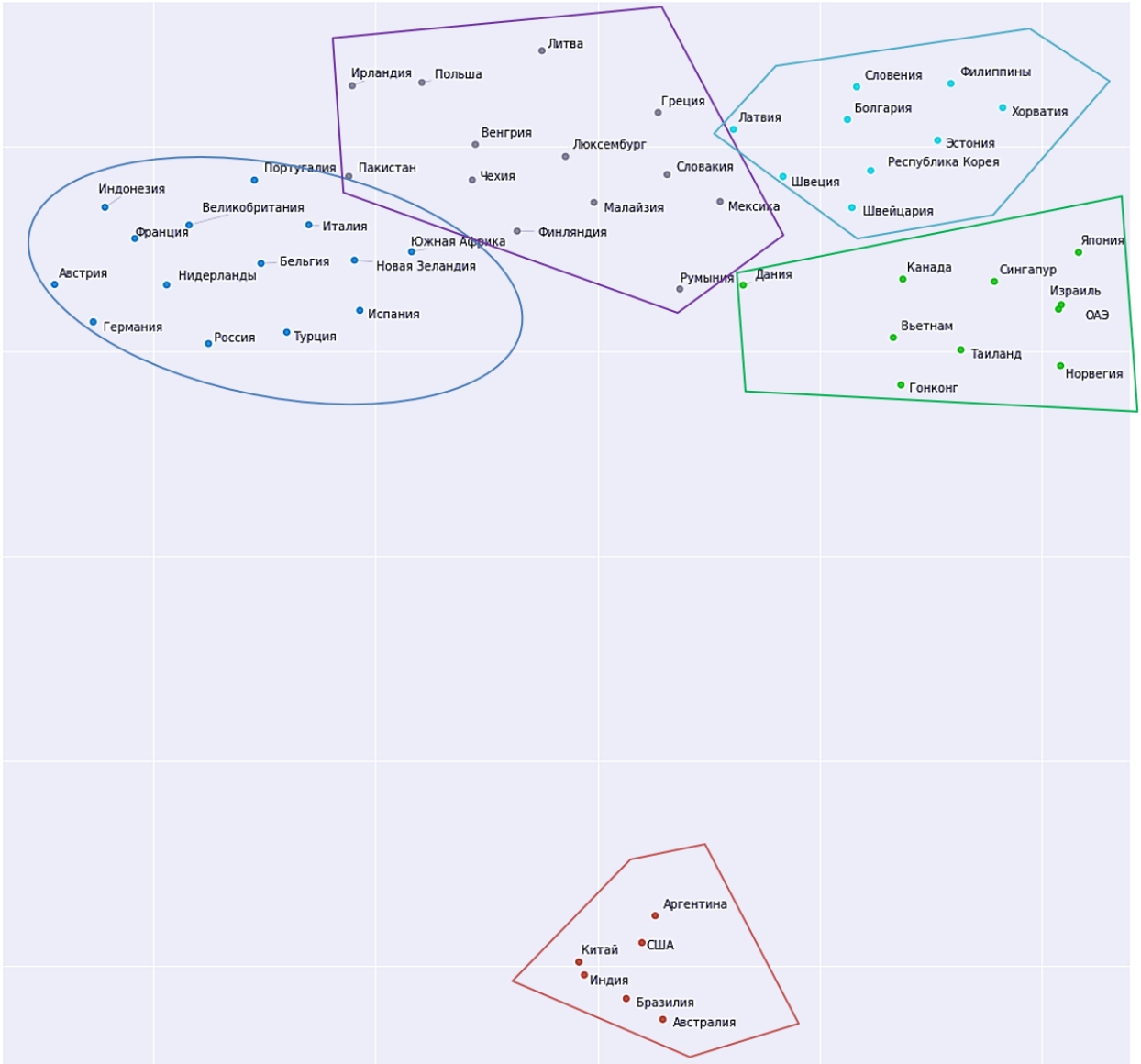
– число либерализующих интервенций, ежегодно вводимых каждой из 52 стран в отношении каждой другой страны из списка;

– число дискриминирующих интервенций, ежегодно вводимых каждой из 52 стран в отношении каждой другой страны из списка;

– ежегодный темп роста экспортных потоков, исходящих от каждой из 52 стран в каждую другой страну из списка.

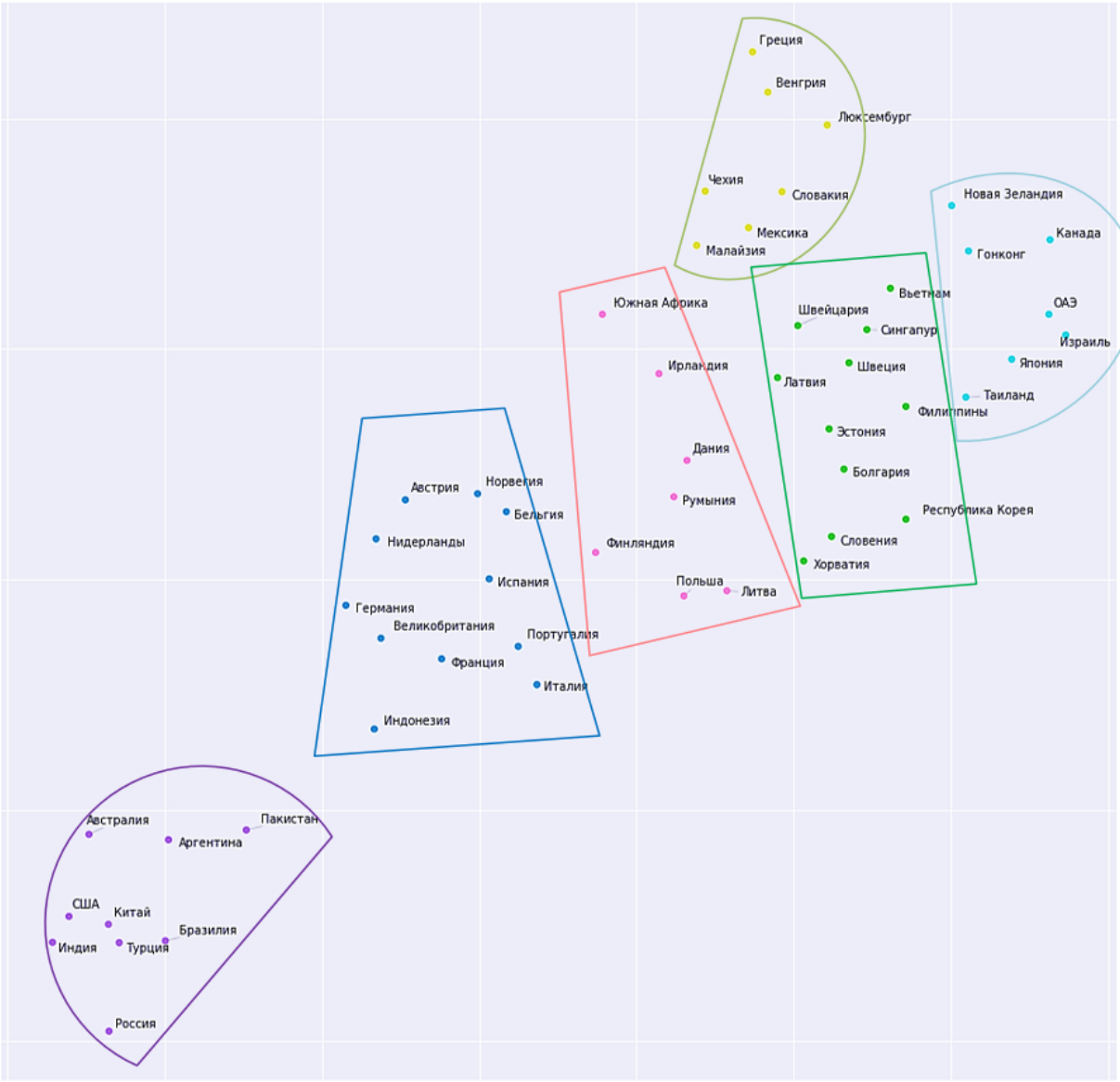
Значение каждого из показателей в отдельности за каждый год соответствует значению одного параметра.

Во всех трех случаях наилучшие результаты кластеризации были получены при снижении размерности исходных данных методом UMAP. Визуализация обнаруженных в них кластеров представлена на рисунках 2.7, 2.8 и 2.9.

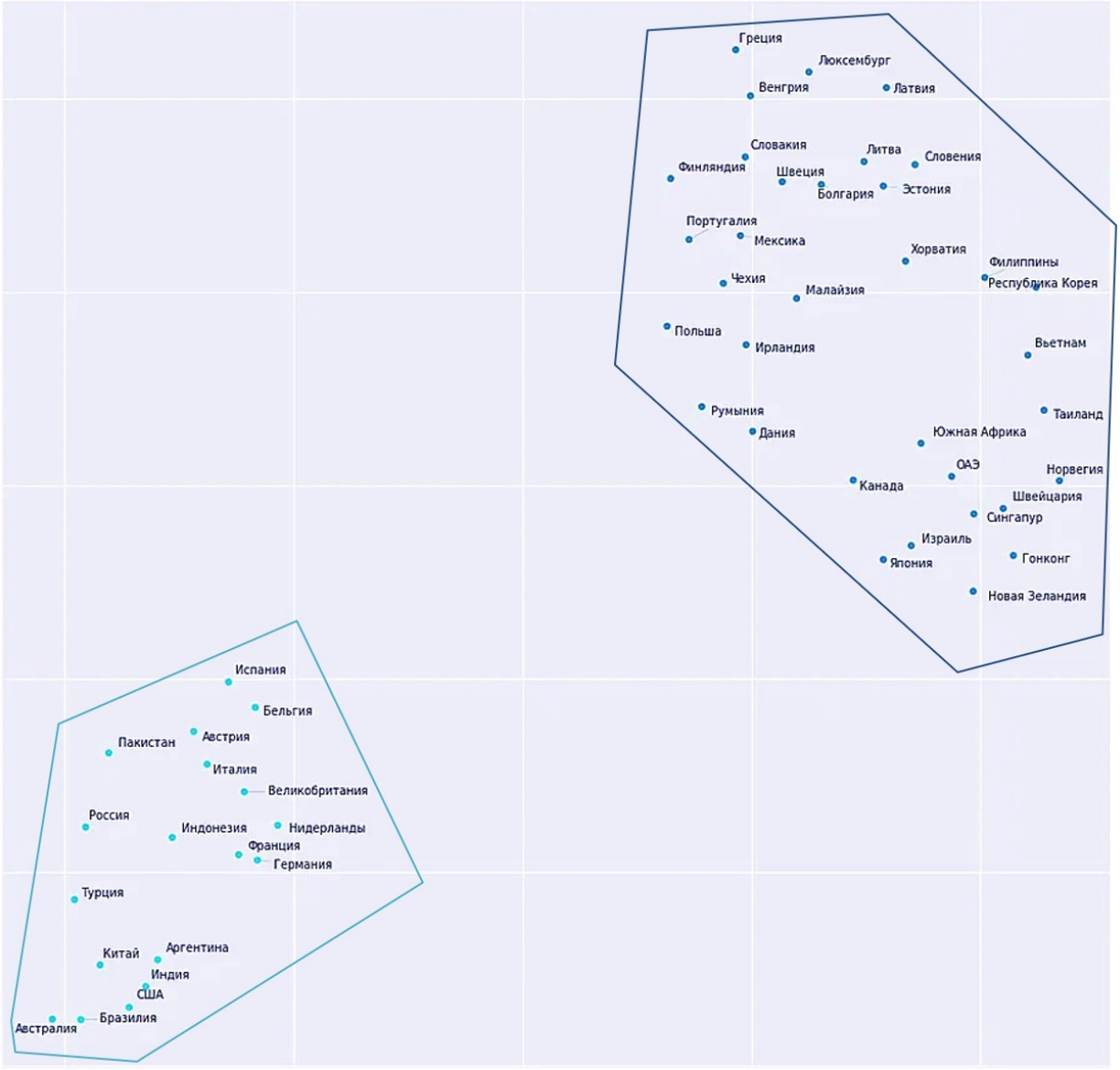
Источник: составлено автором.

Рисунок 2.7 – Пять кластеров модели 1, построенные по критерию сходства либерализующих интервенций, а также динамики взаимных экспортных потоков у входящих в них стран

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.8 – Шесть кластеров в модели 2, построенные по критерию сходства дискриминирующих интервенций, а также динамики взаимных экспортных потоков у входящих в них стран

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.9 – Два кластера в модели 3, построенные по критерию сходства статистики внешнеторговых интервенций, а также взаимной динамики экспорта у входящих в них стран

На основе обнаруженых кластеров можно составить сводную таблицу, показывающую какие страны находятся вместе в одном кластере в каждой из моделей. Найденные устойчивые связи будут означать, что такие страны имеют схожий торгово-регуляторный профиль, как это следует из данных (внешнеторговые интервенции, торговые потоки), лежащих в основе моделей. Составленный для этой цели алгоритм определял страны, находящиеся в одинаковых кластерах во всех трех моделях, в одну группу, если количество таких связанных друг с другом стран было не меньше трех. Выявленные таким образом группы стран со сходным торгово-регуляторным профилем представлены в таблице 2.3. Сопоставление показателей внешнеторговой политики и взаимной торговли у обнаруженных групп стран представлены в таблицах 2.4 и 2.5. Расчет метрик, обозначенных в них как «среднее», происходил следующим образом: для каждой страны высчитывалось средне число введенных ей интервенций в отношении стран из всех других групп за все годы. Затем эти средние значения введенных интервенций агрегировались внутри групп через медиану. Это медианное среднее и заносилось в таблицы 2.4 и 2.5.

На основе анализа агрегированных показателей групп была составлена авторская типология торгово-регуляторного профиля выявленных стран-центров в соответствии с показателями их внешнеторговой политики и динамики взаимной торговли в период геоэкономической напряженности 2017-2024 гг.:

Группа А *(регуляторно-экспансивные импортеры)*: включает Австрию, Бельгию, Великобританию, Германию, Индонезию, Испанию, Италию, Нидерланды, Португалию, Францию. Активно вводят интервенции в отношении стран из других групп, большинство из них имеет либерализующий характер. Во внешней торговле наиболее активные темпы роста показывают импортные потоки из других групп, экспорт в их отношении растет существенно медленнее.

Таблица 2.3 – Состав групп со сходным торгово-регуляторным профилем

№	Страна	Группа	№	Страна	Группа
1	Вьетнам	Ø	27	Швеция	Б
2	Дания		28	Эстония	
3	Новая Зеландия		29	Венгрия	В
4	Норвегия		30	Греция	
5	Пакистан		31	Люксембург	
6	Россия		32	Малайзия	
7	Сингапур		33	Мексика	
8	Турция		34	Словакия	
9	Южная Африка		35	Чехия	
10	Австрия		36	Австралия	Г
11	Бельгия		37	Аргентина	
12	Великобритания	А	38	Бразилия	
13	Германия		39	Индия	
14	Индонезия		40	Китай	
15	Испания		41	США	
16	Италия		42	Гонконг	Д
17	Нидерланды		43	Израиль	
18	Португалия		44	Канада	
19	Франция		45	ОАЭ	
20	Болгария		46	Таиланд	
21	Латвия		47	Япония	
22	Республика Корея	Б	48	Ирландия	Е
23	Словения		49	Литва	
24	Филиппины		50	Польша	
25	Хорватия		51	Румыния	
26	Швейцария		52	Финляндия	

Примечание – Группа Ø представлена странами, чей паттерн принадлежности к кластерам был уникальным и в построенных моделях не повторялся у других стран

Источник: составлено автором.

Таблица 2.4 – Сопоставление показателей внешнеторговой политики у обнаруженных групп стран

В расчетном числе интервенций

Категория показателя	Показатель	Значение						
Описание	Группа	Ø	А	Б	В	Г	Д	Е
	Число входящих в группу стран	9	10	9	7	6	6	5
Меры в отношении стран из других (внешних) групп	Либерализующие меры, среднее	2,00	2,94	0,50	0,75	15,13	0,50	1,13
	Дискриминирующие меры, среднее	1,75*	2,56	0,38	0,63	11,81	0,56	0,88
	Совокупная активность	3,75	5,50	0,88	1,38	26,94	1,06	2,00
	Разность либерализующих и дискриминирующих мер	0,25	0,38	0,13	0,13	3,31	-0,06	0,25
Меры в отношении стран внутри группы	Либерализующие меры, среднее	2,25	0,44**	0,31	0,06	15,88	0,44	0,00
	Дискриминирующие меры, среднее	1,94	0,25	0,00	0,13	14,00	0,50	0,00
	Совокупная активность	4,19	0,69	0,31	0,19	29,88	0,94	0,00
	Разность либерализующих и дискриминирующих мер	0,31	0,19	0,31	-0,06	1,88	-0,06	0,00
Агрегированная статистика по внешнеэкономической политике	Совокупная внешняя и внутригрупповая активность	7,94	6,19	1,19	1,56	56,81	2,00	2,00
	Разность внешней и внутригрупповой активности	-0,44	4,81	0,56	1,19	-2,94	0,13	2,00
	Разность всех либерализующих и дискриминирующих мер	0,56	0,56	0,44	0,06	5,19	-0,13	0,25
	Преобладание внешней разности либерализующих и дискриминирующих мер над внутригрупповой	-0,06	0,19	-0,19	0,19	1,44	0,00	0,25

* Доля выбросов 8,33%.
** Доля выбросов 11,25%.
Примечание – Средняя доля выбросов 5,07%

Источник: составлено автором.

Таблица 2.5 – Сопоставление показателей внешней торговли у обнаруженных групп стран

Категория показателя	Показатель	Значение						
Описание	Группа	Ø	А	Б	В	Г	Д	Е
	Число входящих в группу стран	9	10	9	7	6	6	5
Темп роста экспортных потоков, в процентах	Экспорт внутри группы, среднее	6,97*	5,68	11,51	9,06	9,48	2,40	11,72
	Исходящий экспорт в другие группы, среднее	7,48*	5,84	8,22	8,01*	8,15*	5,01	8,95
	Входящий экспорт из других групп, среднее	5,51	7,12	8,63	8,26	6,87*	5,59	9,83*
Агрегированная статистика по экспортным потокам, в процентных пунктах	Разность темпов роста внутригрупповых и исходящих торговых потоков	-0,51	-0,16	3,29	1,05	1,33	-2,61	2,77
	Разность темпов роста исходящих и входящих торговых потоков	1,97	-1,28	-0,41	-0,25	1,28	-0,58	-0,88

* Доля выбросов в диапазоне 8-9%.

Примечания

1 Средняя доля выбросов 6,89%.

2 Состав группы Ø: Вьетнам, Дания, Новая Зеландия, Норвегия, Пакистан, Россия, Сингапур, Турция, Южная Африка.

3 Состав группы А: Австрия, Бельгия, Великобритания, Германия, Индонезия, Испания, Италия, Нидерланды, Португалия, Франция.

4 Состав группы Б: Болгария, Латвия, Республика Корея, Словения, Филиппины, Хорватия, Швейцария, Швеция, Эстония.

5 Состав группы В: Венгрия, Греция, Люксембург, Малайзия, Мексика, Словакия, Чехия.

6 Состав группы Г: Австралия, Аргентина, Бразилия, Индия, Китай, США.

7 Состав группы Д: Гонконг, Израиль, Канада, ОАЭ, Таиланд, Япония.

8 Состав группы Е: Ирландия, Литва, Польша, Румыния, Финляндия

Источник: составлено автором.

Группа Б *(гиперактивные интратрейдеры с экспансивным, но гипоактивным регуляторным профилем)*: объединяет Болгарию, Латвию, Словению, Филиппины, Хорватию, Швейцарию, Швецию, Эстонию, Южную Корею. Характеризуется минимальным вмешательством в международные экономические отношения и обладает одними из самых высоких темпов роста взаимной торговли внутри группы.

Группа В *(регуляторно-экспансивные интратрейдеры)*: включает Венгрию, Грецию, Люксембург, Малайзию, Мексику, Словакию, Чехию. Выделяется преобладанием дискриминирующих мер, вводимых ее участниками друг против друга. Несмотря на это, торговля этих стран друг с другом показывает самые высокие темпы роста, если сравнивать ее с входящими и исходящими торговыми потоками.

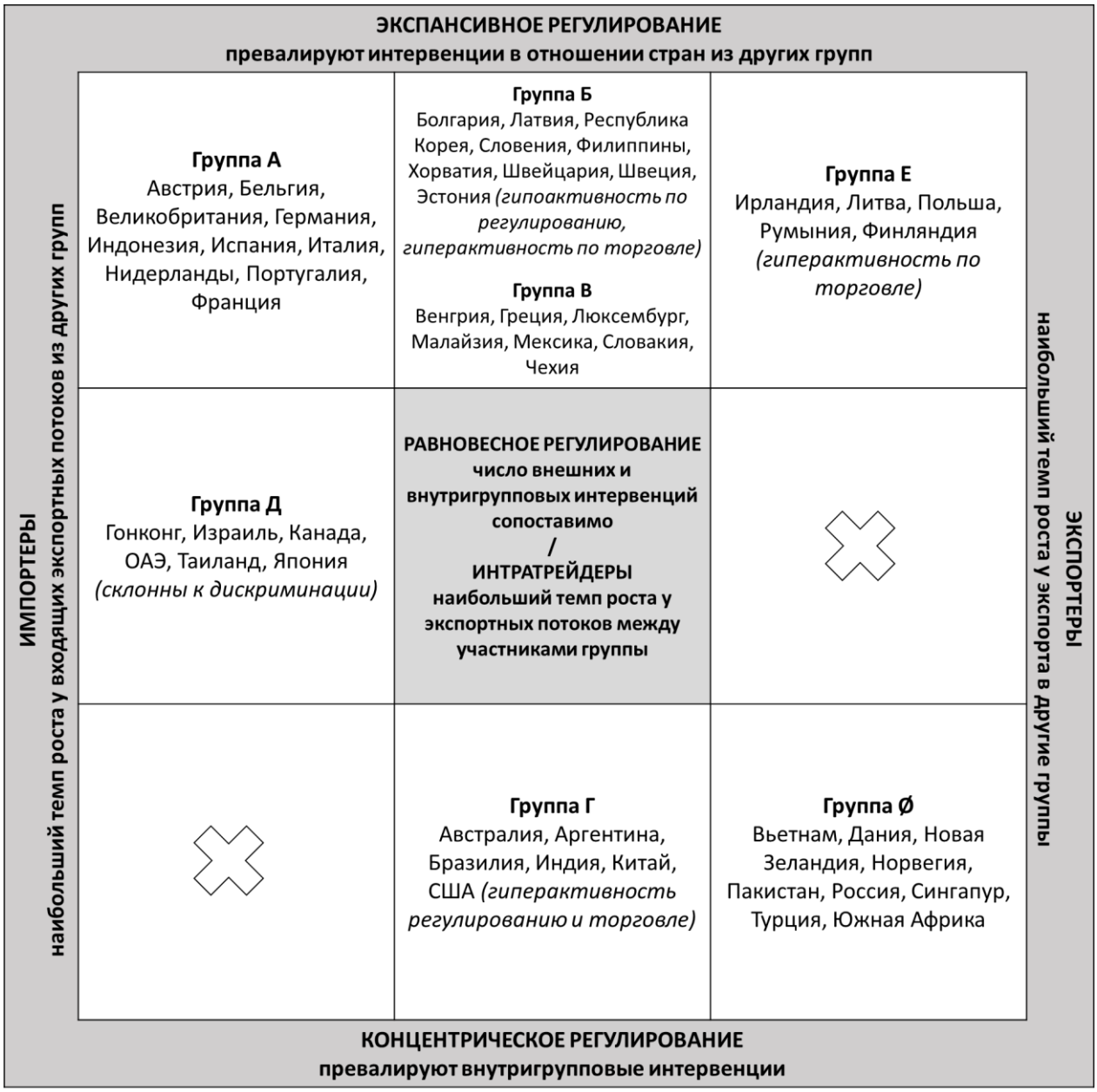
Группа Г *(гиперактивные регуляторно-концентрические интратрейдеры)*: включает Австралию, Аргентину, Бразилию, Индию, Китай, США. Это наиболее активные инициаторы интервенций и наиболее популярные их цели. Большинство мер вводится участниками группы в отношении друг друга. Наиболее активно растет торговля внутри группы, однако экспорт в другие группы также растет быстрыми темпами.

Группа Д *(регуляторно-равновесные импортеры, склонные к дискриминации)*: объединяет Гонконг, Израиль, Канаду, ОАЭ, Таиланд, Японию. Это единственная группа, участники которой в среднем склонны применять дискриминирующие меры чаще, чем либерализующие. Их регуляторная активность сбалансирована между внутренней и внешней сферами. При этом группа показывает наихудшие в выборке темпы роста собственной торговли и лишь слегка активнее импортирует из других групп.

Группа Е *(регуляторно-экспансивные гиперактивные интратрейдеры)*: состоит из Ирландии, Литвы, Польши, Румынии, Финляндии. Группа является безоговорочным лидером по темпам роста взаимного экспорта. Примечательно, что участники этой группы не применяют друг к другу никаких мер внешнеэкономического регулирования,

создавая зону абсолютной либерализации внутри кластера, тогда как в отношениях с внешним миром их регуляторная активность находится на среднем уровне.

Подводя итог, на базе этой классификации можно составить ось координат, показывающую типологию торгово-регуляторного профиля стран-центров глобальной сети односторонних мер регулирования внешнеторговых отношений, как это запечатлено на рисунке 2.10.

Источник: составлено автором.

Рисунок 2.10. Типология торгово-регуляторного профиля стран-центров глобальной сети односторонних мер регулирования внешней торговли

В отличие от обозначенных в начале методов, оценивающих фрагментацию торговли через призму геополитических блоков, разработанная модель базируется на данных о внешнеторговых государственных интервенциях и динамике международных торговых потоков, что повышает ее репрезентативность при проведении геоэкономических исследований.

В качестве дальнейших направлений развития данной методики можно назвать включение в модели обработки данных финансовых показателей, более глубокое изучение политической и экономической истории взаимодействия стран внутри групп, а также оценку комплементарности их структуры экспорта, динамики валютных курсов, фискальной и монетарной политики. Усложнение системы классификации таким образом позволило бы увереннее использовать ее при исследовании региональных и трансрегиональных экономических связей, и более четко оценивать потенциал развития интеграционных и фрагментационных процессов во всей мирохозяйственной системе в целом.

2.3 Устойчивость полюсов информационно-технологической глобализации к рискам декаплинга

В условиях многополярности контроль над критическими технологиями (компьютерные чипы, искусственный интеллект, телекоммуникации, военная и космическая промышленность) становится вопросом национальной безопасности, усиливающим тенденции протекционизма. Из-за этого технологическая сфера является местом пересечения интересов многих акторов: правительств крупнейших стран-центров инновационного развития, стремящихся к повышению устойчивости цепочек поставок и опережающему развитию отечественной промышленности; развивающихся стран, пытающихся использовать технологический трансфер для модернизации своих экономик; и транснациональных корпораций, старающихся сохранить вложенные инвестиции и завоеванные рынки.

В качестве примера можно привести резонансные инициативы США в области промышленной политики: «Закон о создании полезных стимулов для производства полупроводников» (The Chips and Science Act, далее – CHIPS) и «Закон о снижении инфляции» (The Inflation Reduction Act, далее – IRA).

CHIPS предполагал выделение 52,7 млрд долл. США в виде прямых субсидий компаниям, размещающим передовые производства полупроводников на территории США, и около 174 млрд долл. США на финансирование научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ в области ИИ, робототехники, квантовых вычислений, энергетики и биотехнологий на территории США отечественными и иностранными фирмами. Как отмечает В.В. Перская, этот законопроект стал ответом Вашингтона на проект КНР «Сделано в Китае 2025» [136, с. 67-68]. В обмен на финансирование и субсидии Вашингтона компании обязывались соблюдать существующие экспортные ограничения против Китая и ряда других стран, включая Россию. Однако многолетний характер механизма государственной поддержки развертывания производственных мощностей сам по себе означал, что, инвестируя в американский рынок, технологические компании уже не смогут в будущем отказаться от соблюдения новых санкций Вашингтона.

IRA был еще более масштабным проектом, так как подразумевал перераспределение в течение следующего десятилетия 1,8 трлн долл. США за счет увеличения корпоративных налогов и направления инвестиций на решение проблем внутренней энергетической безопасности и развитие зеленой энергетики. Несмотря на то, что всеми экспертами подчеркивалось если не проинфляционное, то нейтральное воздействие программы на динамику роста цен, этих средств было бы достаточно для невероятного преобразования всей энергосистемы США и снижения выбросов парниковых газов на 40% к 2030 г. в сравнении с уровнями 2005 г. [31]

Принятие законопроектов было критически воспринято геополитическими партнерами Вашингтона, так как оба акта предвещали значительное увеличение технологического отрыва США от своих партнеров,

а также начало развития в американской экономике отраслей, являвшихся узкой специализацией других стран. В части реакции на CHIPS, Республика Корея (450 млрд долл. США), ЕС (43 млрд евро) и Япония (6,8 млрд долл. США) за последующие два года разработали ответные пакеты стимулов для усиления своей полупроводниковой промышленности [30, с. 4-5,10].

В свою очередь, «охарактеризованные президентом Франции Эммануэлем Макроном как сверхагрессивные, щедрые субсидии IRA для отраслей чистой энергетики – часто с преференциальным режимом для отечественных фирм – могли заставить компании, работающие в сфере чистой энергии, уйти из Европы в США. Крупные европейские компании воспользовались этой тревогой и подтолкнули Европейский союз к введению соразмерных субсидий», пишет Н. Кроуфорд из Международного института стратегических исследований [66].

Продемонстрированные выше инициативы США и международная реакция на них относятся к феномену, называемому техно-национализмом [155]. Его основной целью является обеспечение технологического суверенитета и локализация производства критически важной продукции и инфраструктуры внутри страны. Основными инструментами государственного стимулирования инновационной деятельности являются налоговые льготы, расходы на образование и заказы на НИОКР, экспортные стимулы, а также меры внешнеэкономического регулирования, использующиеся для сдерживания технологического прогресса конкурентов в лице других государств.

В свою очередь странам, находящимся под санкционным давлением, схожая промышленная политика необходима для структурной адаптации экономики к произошедшим шокам. Однако, как замечают А.Г. Глебова и Г.И. Табачинский, долгосрочная устойчивость требует восстановления баланса между государственными и частными инвестициями, диверсификации экспортной номенклатуры и переориентации внешнеэкономических связей для преодоления технологического

отставания [121]. В то же время повышение инновационного потенциала экономики всегда сопровождается ростом ее импортной зависимости от иностранных партнеров [126].

Таким образом, способность к созданию инноваций и контроль над критическими технологиями играют одну из наиболее важных ролей в геоэкономике XXI века. Имплементация стратегий импортозамещения, решоринга и декаплинга развитыми странами постепенно ведет к сдвигам в промышленной специализации стран и перспективах дальнейшего развития их торговых партнеров [58]. Все три типа стратегий предполагают осознанное переформатирование торговых, инвестиционных и технологических связей в целях повышения национальной экономической безопасности и снижения рисков зависимости от внешнеэкономических партнеров. При этом декаплинг отличается от остальных тем, что характеризует процесс сознательной дезинтеграции выстроенных производственных цепочек между развитыми стран (прежде всего США и ЕС) и Китаем как глобальным промышленным центром. В условиях повышенной геополитической напряженности, подкрепляемой торговыми ограничениями и санкциями, стремление руководства стран повысить экономический суверенитет такими методами может обернуться глобальным ростом издержек, замедлением темпов мирового технологического прогресса и фрагментацией международного инновационного пространства [82].

В этих условиях перед Россией возникает стратегическая дилемма. С одной стороны, можно безоговорочно форсировать и укреплять основы многополярного миропорядка с ориентацией на Китай как на ключевой незападный инновационный центр. С другой стороны, можно избрать более многовекторную политику, потенциал для которой обозначился после нормализации отношений с США во второй период президентства Д. Трампа. Обе страны являются глобальными лидерами в сфере инноваций, что прослеживается как по передовому уровню продукции их компаний, так и по статистическим показателям: по данным Всемирного банка к 2022 г. расходы

КНР на НИОКР достигли 2,56% ВВП или 469 млрд долл. США, в то время как расходы на НИОКР в США составили 3,59% ВВП или 934 млрд долл. США [88].

Здесь следует сделать методологическую оговорку. Признание почти равновесного лидерства США и Китая в области технологий, экономической мощи и влиятельности не означает редукции многополярного мира к биполярной модели. Безусловно США и КНР являются сторонниками несовместимых идеологий однополярности и многополярности, однако в рамках настоящего параграфа они рассматриваются в первую очередь как конкурирующие центры информационно-технологической глобализации, размер и диверсифицированность экономик которых несоразмерены другим ИТ-центрам: Японии, Республике Корея или Тайваню.

Для России при выработке политики международного технологического сотрудничества и допуска иностранных ИТ-решений на внутренний рынок необходимо объективно оценивать устойчивость программ технологического глобализма обоих центров относительно риска усиления противоречий между ними. При выборе между США и Китаем для этого необходимо понять, чей технологический контур может оказаться в изоляции в случае усиления тенденций геоэкономической фрагментации, а кто из них, напротив, имеет большую степень технологического суверенитета и способен занять освободившиеся ниши при разрыве торгово-производственных связей между двумя полюсами.

Такое исследование было проведено в авторской работе «Оценка уязвимости моделей технологической глобализации США и КНР к рискам декаплинга» [115]. Помимо упомянутых выше вопросов в нем также исследовались изменения технологического суверенитета Китая и США после назначения Си Цзиньпина на должность председателя КНР в 2013 г., с приходом которого начали реализовываться такие программы, как «Сделано в Китае 2025» и «Пояс и путь», значительно усилившие роль Пекина в геоэкономике. С этой целью в исследовании были построены

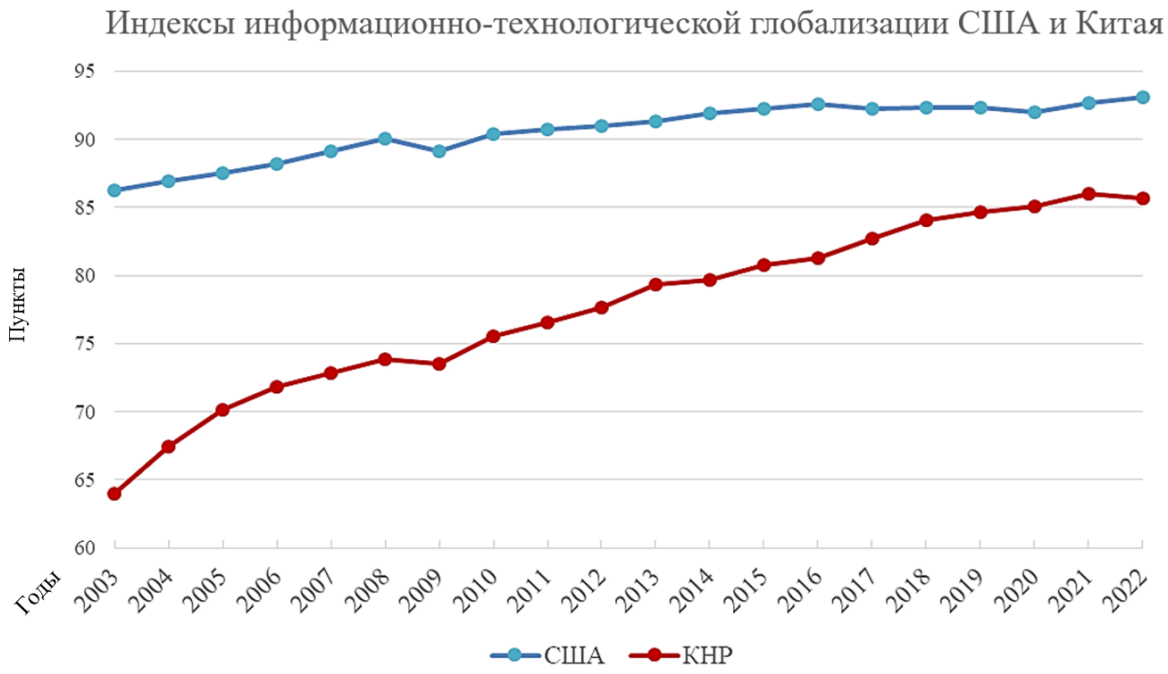
эконометрические модели трех размерностей, охватывающие данные с 2003 г. по 2022 г.; с 2002 г. по 2012 г; с 2013 г. по 2022 г.

Источником данных послужили индексы глобализации Швейцарского экономического института. Для измерения уровня *информационно-технологической глобализации* (далее – ИТГ), представляющей собой эндогенную переменную, использовался индекс «Информация (де-факто)» В его расчет входят такие параметры, как трансграничный битрейт на интернет-пользователя (доля в индексе 37,1%), экспорт продукции с высокой интенсивностью НИОКР в долл. США (32,5%), зарегистрированные патентные заявки нерезидентов (30,4%).

Сопоставление динамики ИТГ для США и КНР приведено на рисунке 2.11. В качестве экзогенных переменных использовались индексы Швейцарского экономического института, оценивающие уровень глобализации в торговом (де-факто и де-юре), финансовом (де-факто и де-юре) и политическом (де-юре) ракурсах. Методика расчета индексов и полный список переменных в их составе изложены на сайте Швейцарского экономического института [83] в документах «Structure» и «Variables».

При этом для каждой страны рассчитывалась зависимость ИТГ не только от ее ракурсов глобализации, но и от ракурсов глобализации страны-конкурента, а также ИТГ страны-конкурента. То есть в базовом варианте эконометрические модели обеих стран насчитывали 11 экзогенных переменных, показанных в таблице 2.6.

Путем последовательного исключения статистически незначимых экзогенных переменных на всем горизонте наблюдений с 2003 по 2022 год были выявлены статистически значимые взаимосвязи между ракурсами глобализации КНР и США, которые приводятся в таблице 2.7. Они показывают, что информационно-технологическая интегрированность обеих стран в мировую экономику в большей степени определяется не их другими показателями глобализации, а показателями глобализации страны соперника.

Источник: составлено автором по данным [83].
Рисунок 2.11 – Сопоставление динамики ИТГ США (верхняя линяя) и ИТГ Китая (нижняя линия) за 2003–2022 гг.

Таблица 2.6 – Базовый набор показателей для эконометрических моделей

Тип переменной	Модель для США	Модель для КНР
Эндогенная	Информационно-технологическая глобализация (ИТГ) США	Информационно-технологическая глобализация (ИТГ) КНР
Экзогенные	КНР - Торговля (де-факто)	КНР - Торговля (де-факто)
	КНР - Торговля (де-юре)	КНР - Торговля (де-юре)
	КНР - Финансы (де-факто)	КНР - Финансы (де-факто)
	КНР - Финансы (де-юре)	КНР - Финансы (де-юре)
	КНР - Политика (де-юре)	КНР - Политика (де-юре)
	США - Торговля (де-факто)	США - Торговля (де-факто)
	США - Торговля (де-юре)	США - Торговля (де-юре)
	США - Финансы (де-факто)	США - Финансы (де-факто)
	США - Финансы (де-юре)	США - Финансы (де-юре)
	США - Политика (де-юре)	США - Политика (де-юре)
	КНР - ИТГ	США - ИТГ

Источник: составлено автором.

Таблица 2.7 – Выявленные детерминанты информационно-технологической глобализации (ИТГ) КНР и США в период 2003-2022 гг.

Модель	Показатель модели	Коэффициент, пункты	p-value
ИТГ КНР	США - ИТГ	1,62	***
	США - Финансы (де-факто)	0,67	***
	КНР - Финансы (де-факто)	-0,23	***
	КНР - Торговля (де-факто)	-0,34	***
	США - Политика (де-юре)	-1,02	***
	Нормированный R-квадрат	0,93	—
	Автономность ИТГ КНР	-1,84	—
ИТГ США	КНР - ИТГ	0,40	***
	США - Политика (де-юре)	0,36	***
	КНР - Политика (де-юре)	0,27	**
	США - Торговля (де-юре)	0,20	***
	КНР - Торговля (де-факто)	0,12	***
	КНР - Финансы (де-факто)	0,06	*
	США - Финансы (де-факто)	-0,29	***
	Нормированный R-квадрат	0,92	—
	Автономность ИТГ США	-0,59	—
Примечание – Здесь и далее обозначения p-value соответствуют следующим уровням значимости: *** ≤ 0,001 < ** ≤ 0,05 < * ≤ 0,1. Прочерк говорит о том, что оценка p-value неприменима для соответствующего показателя			

Источник: составлено автором.

Данные по Китаю на широком временном интервале свидетельствуют, что его ИТГ находится в обратной зависимости от торгового (де-факто) и финансового (де-факто) ракурсов глобализации КНР, динамика которых на всем временном горизонте показывала сначала рост, затем замедление и последующее снижение на фоне постоянного прироста ИТГ. В наиболее сильной и прямой зависимости ИТГ КНР находится от ИТГ США, а также

финансовой (де-факто) глобализации США. Рост политической (де-юре) глобализации США негативно сказывается на ИТГ Китая.

В свою очередь ИТГ США отрицательно связана лишь с финансовой (де-факто) глобализацией США. Как и в предыдущем случае, наиболее сильно ИТГ США связана с ИТГ их конкурента – Китая. Однако влияние данного фактора в эконометрической модели США в 4 раза меньше, чем в эконометрической модели КНР. Распределение силы влияния среди остальных факторов в модели США сглаженное.

Для измерения устойчивости технологических контуров США и КНР к шокам геоэкономической фрагментации был рассчитан показатель *автономности информационно-технологической глобализации*. Он вычислялся как сумма коэффициентов при переменных глобализации, относящихся к самой исследуемой стране, за вычетом коэффициентов при переменных, описывающих зависимость ее ИТГ от показателей глобализации страны-конкурента.

Автономность ИТГ КНР при таком расчете (-1,84) оказалась существенно ниже автономности ИТГ США (-0,59), что говорит о более весомых рисках для китайского сегмента мирового рынка технологий в случае усиления тенденций геоэкономической фрагментации, чем для пользователей технологического контура США.

Алгоритм был повторен при разбиении каждого набора данных на два массива: до и после прихода Си Цзиньпина к власти в КНР в 2013 г. – момента, с которого можно отсчитывать разворот в геоэкономической политике КНР. Отобранные ранее статистически-значимые детерминанты на всем горизонте наблюдений послужили базовыми наборами факторов для США и КНР на каждом из этих временных промежутков. Получились 4 варианта моделей:

– ИТГ КНР в 2003-2012 гг.,

– ИТГ КНР в 2013-2022 гг.,

– ИТГ США в 2003-2012 гг.,

– ИТГ США в 2013-2022 гг.

В каждой из них последовательно удалялись новые незначимые (в условиях изменения временного горизонта) факторы, а затем по ним сопоставлялась динамика уровня автономности ИТГ, как это показано в таблице 2.8.

После 2013 г. у ИТГ КНР усугубляется рассогласованность с другими ракурсами глобализации КНР: торговой (де-факто) и финансовой (де-факто). Это обусловлено тем, что вслед за приходом Си Цзиньпина данные показатели начинают снижаться, в то время как ИТГ КНР продолжает рост. Примечателен и полный разрыв связей с ИТГ США, хотя до 2013 г. рост этого показателя на один пункт приводил к двукратному росту ИТГ КНР. Вместо этого динамика ИТГ КНР начинает предопределяться политической (де-юре), а следом за ней – финансовой (де-факто) глобализацией США. Следствием этого является падение автономности ИТГ КНР с -1,20 п. до -2,21 п. за период 2013-2022 гг.

В свою очередь у ИТГ США после геоэкономического поворота КНР из числа детерминант исчезают технологический, торговый (де-факто) и политический (де-юре) ракурсы глобализации КНР. Вместо них формируется обратная взаимосвязь с финансовой (де-факто) глобализацией КНР. Из собственных ракурсов глобализации у ИТГ США увеличивается зависимость от политики (де-юре) и формируется связь с торговлей (де-юре). Ранее присутствующая обратная зависимость от финансового (де-факто) ракурса глобализации США после 2013 года у ИТГ США не наблюдается.

Полученные результаты изменения ИТГ, продемонстрированные в таблице 2.9, говорят о том, что США добились большей независимости от КНР в технологическом плане, чем КНР удалось добиться от США. Причем с моментом прихода Си Цзиньпина к власти в 2013 г. уровень автономности ИТГ КНР ухудшается, как за счет ухудшения рассогласованности с иными ракурсами глобализации КНР, так и за счет увеличения ее зависимости от внешней политики США, прямых и портфельный инвестиций США и степени интернационализации американского финансового рынка.

Таблица 2.8 – Детерминанты информационно-технологической глобализации США и КНР до и после геоэкономического поворота КНР

В пунктах

Показатель	До прихода Си Цзиньпина (2003-2012 гг.)			После прихода Си Цзиньпина (2013-2022 гг.)		
	показатель	коэффициент, пункты	p-value	показатель	коэффициент	p-value
Информационно-технологическая глобализация КНР	США - ИТГ	2,03	***	США - Политика (де-юре)	0,87	***
	США - Финансы (де-факто)	0,36	***	США - Финансы (де-факто)	0,48	***
	КНР - Торговля (де-факто)	-0,18	***	КНР - Торговля (де-факто)	-0,34	***
	США - Политика (де-юре)	-1,36	***	КНР - Финансы (де-факто)	-0,52	***
	Нормированный R-квадрат	0,83	—	Нормированный R-квадрат	0,83	—
Информационно-технологическая глобализация США	США - Политика (де-юре)	0,52	***	США - Политика (де-юре)	0,85	***
	КНР - ИТГ	0,39	***	США - Торговля (де-юре)	0,30	**
	КНР - Политика (де-юре)	0,27	*	КНР - Финансы (де-факто)	-0,24	**
	КНР - Торговля (де-факто)	0,11	***	Нормированный R-квадрат	0,86	—
	США - Финансы (де-факто)	-0,22	***			
	Нормированный R-квадрат	0,80	—			

Источник: составлено автором.

Таблица 2.9 – Изменение уровня автономности информационно-технологической глобализации (ИТГ) КНР и США за 2013-2022 гг.

В пунктах

Показатель	Показатели для расчета автономности информационно-технологического ракурса глобализации	Период		Изменение за 2013-2022 годы
		2003-2012 годы	2013-2022 годы	
ИТГ КНР	Сумма коэффициентов при переменных КНР в модели КНР	-0,18	-0,86	-0,69
	Сумма коэффициентов при переменных США в модели КНР	1,03	1,35	0,32
	Информационно-технологическая автономность КНР	-1,20	-2,21	-1,01
ИТГ США	Сумма коэффициентов при переменных США в модели США	0,30	1,14	0,84
	Сумма коэффициентов при переменных КНР в модели США	0,77	-0,24	-1,01
	Информационно-технологическая автономность США	-0,47	1,38	1,85

Источник: составлено автором

Следуя этому, можно сделать вывод, что на среднесрочном горизонте КНР сохраняет способность углублять технологическую интеграцию с другими странами даже на фоне слабого роста показателей глобализации Китая в международной торговле и финансах. Однако замедление темпов информационно-технологической глобализации КНР после 2020 г. может говорить об угасании этого потенциала.

В части США, более высокий показатель автономности их технологической глобализации позволит им в случае усиления фрагментационных тенденций использовать более агрессивные меры для сдерживания КНР без боязни утратить свои позиции на мировом рынке технологий. В таком сценарии безоговорочные партнеры Китая, для которых тот служит основным поставщиком технологий, рискуют столкнуться с эффектом «вторичной изоляции», если инновации КНР утратят свою конкурентоспособность на международном рынке

В совокупности данные результаты обосновывают необходимость соблюдения баланса. Продвижение идей многополярного мира не должно

сопровождаться для политических партнеров Китая прямым наращиванием зависимости от него. В случае России этот вопрос особенно проблематичен, так как США уже являются недружественным государством, и даже в случае нормализации отношений между странами в течение второго периода правления Д. Трампа неконтролируемый допуск американских технологических решений на российский рынок может обернуться значительно большими рисками, чем доминирование Китая в сфере импортируемых инноваций. Однако результаты исследования указывают на рациональность восстановлении определенных каналов коммуникации и взаимодействия с недружественными странами, если существует такая возможность и это не будет противоречить программам достижения технологического суверенитета и структурной адаптации российской экономики. Международная конкуренция необходима, так как ряд товаров и услуг в технологическом сегменте невозможно полноценно заменить, но для повышения устойчивости России к рискам геоэкономической фрагментации она должна быть дозированной и диверсифицированной, в связи с чем многовекторная политика в данном вопросе представляется наиболее оптимальным подходом к международному сотрудничеству.

Выводы по Главе 2

Настоящий раздел исследования позволил выявить основные направления структурных трансформаций мирохозяйственных связей в финансовой, торговой и информационно-технологической сферах.

Главным структурным сдвигом в финансовой сфере является отход от инерционного использования доллара и диверсификация финансовой инфраструктуры, что находит проявление в трансформации систем хранения валютных резервов, развитии альтернативных платежных инструментов, а также создании теневых финансовых сетей.

Основным направлением структурной трансформации международной торговли является формирование глобальной сети из неупорядоченных

односторонних мер ее регулирования. Однако динамика торговых потоков определяется операциями компаний, чья рыночная логика нередко расходится с геоэкономическими устремлениями правительств. Сопоставление направленности интервенций с данными о взаимных экспортных потоках обнаружило кластеры стран с общими паттернами как в регулировании, так и в торговле, на основе которых была сформирована типология торгово-регуляторного профиля, систематизирующая положение стран в сети международных торгово-производственных отношений.

В ИТ-сфере из-за увеличения геостратегической конкуренции в технологиях образуется риск фрагментации глобального инновационного пространства по линии двух полюсов: США и Китая. Однако их возможности противодействовать друг другу при сохранении международной конкурентоспособности неравны, что создает фундаментальную дилемму для стран при выборе стратегических партнеров в технологическом развитии.

Эти наблюдения свидетельствуют о том, что мирохозяйственная система не зависит исключительно от одного или нескольких доминирующих игроков. Ее вернее представлять как сеть, объединяющую частных предпринимателей, политиков, инвесторов, транснациональные корпорации, банки, межправительственные и наднациональные организации. В ней существует множество центров влияния, образованных связями разных групп субъектов, в том числе относимых к разным полюсам [112, с. 57]. Влияние этих факторов на стратегии экономического взаимодействия государств в условиях многополярности рассмотрено в следующей главе.

Глава 3
Ориентиры суверенной политики в многополярном мире

3.1 Формирование принципов противодействия фрагментации мировой валютно-финансовой системы

Одним из наиболее угрожающих последствий роста геополитической напряженности в современном мире является фрагментация мировой финансовой системы. Ее наиболее показательным примером является разрыв международного контура обращения российских ценных бумаг весной 2022 г. ввиду регуляторных и инфраструктурных ограничений, введенных западными странами. Вследствие нее стоимость ценных бумаг отечественных эмитентов приблизилась к нулю на зарубежных биржах, но на внутреннем рынке бумаги не обесценились, хотя и изрядно подешевели. Тогда же началась длительная тяжба с заблокированными по обе стороны активами инвесторов, а также актуализировался вопрос диверсификации национальных валютных резервов.

Однако, даже не в таких экстремальных сценариях эскалации, расхождение нормативно-правовых аспектов деятельности профессиональных участников рынка способно снижать международную мобильность капитала. Такое истолкование фрагментации характерно для периода, предшествовавшего пандемии COVID-19, но содержит множество аспектов, которые вновь обретают актуальность в процессе реинтеграции российского финансового рынка в международную среду.

Проблема разобщения национальных и международных механизмов регулирования рассматривалась исследователями еще в 2019 году. В частности, ей посвящен один из отчетов Института международных финансов [57]. Наименее дестабилизирующим проявлением дискоординации регулирования можно назвать расхождение по времени, которое требуется разным странам для внедрения международных стандартов, а также искажение их норм при адаптации под местное законодательство. Как правило, эти задержки и изменения имеют под собой обоснование. «Не все

различия вредны – некоторые необходимы, учитывая структуру и практики в разных экономиках, поскольку, действительно, одно и то же правило может иметь разные последствия в зависимости от контекста, в котором оно применяется» [57, с. 8]. Однако для финансовых организаций это оборачивается необходимостью ведения операционной деятельности в нескольких правовых режимах, решая проблемы согласования видов отчетности, лимитной политики, требований для работы с деривативами и др.

Более значимым каналом влияния геополитического дистанцирования на финансовый сектор является расхождение национальных законодательств в вопросах локализации данных и соблюдения информационной безопасности. Почти во всех странах существуют правила, которые предписывают компаниям локально хранить и обрабатывать полученные внутри страны данные, разрешая пересылать за границу лишь отредактированные и деперсонализированные выборки, не несущие угроз для конфиденциальности граждан. «Киберфрагментация возникает, когда финансовые учреждения должны соблюдать различные правила в одной и той же или в разных юрисдикциях, которые схожи (но не идентичны), противоречивы и в некоторых случаях имеют благие намерения, но на самом деле не повышают киберустойчивость» [57, с. 13]. Для организации работы над исправлением этих проблем Совет по финансовой стабильности с 2017 г. проводит обзор практик регулирования и надзора в сфере кибербезопасности. За это время были разработаны общий словарь терминов для законодательств стран-участниц, перечень эффективных методов реагирования на киберинциденты и восстановления после них, а также единый формат обмена отчетами об инцидентах, которые финансовые учреждения предоставляют властям в целях отчетности.

Серьезные угрозы для глобальной стабильности несет фрагментация, возникающая в процессе стремления национальных правительств оградить свои рынки от международного сегмента в моменты повышенной неопределенности, волатильности или в кризисные эпизоды. Несмотря на

стремление оградить национальную финансовую систему от внешних шоков, такие действия могут привести к критическому сокращению объема и ликвидности доступных финансовым организациям ресурсов. Ранее наблюдавшимся прецедентом этого стала дискоординация между странами в вопросах регулирования финансового сектора после ГФК, что вызвало необратимый рост издержек при проведении трансграничных финансовых операций. Одним из знаковых проявлений новых подходов к регулированию тогда стала распространившаяся практика «ринг-фэнсинга» – разграничения капитала банков на две категории: для оказания розничных услуг физическим и юридическим лицам на территории конкретной страны; и для ведения международной и инвестиционной деятельности. Несмотря на то, что подобные меры были обоснованы требованиями безопасности, они привели к трехкратному сокращению трансграничных потоков капитала между странами G20: с почти 30% от их ВВП в 2008 г. до чуть менее 10% в 2018 г. При этом сильнее всех после кризиса сократились рынки международного банковского кредитования и портфельных инвестиций [57, с. 4]. В целом же с 2011 г. по 2018 г. объем международных потоков капитала не превышал даже тех уровней, что были достигнуты еще в 2001-2003 гг. Стремление каждого государства к обеспечению национальной экономической безопасности, таким образом, неизбежно вело к снижению доступности финансовых ресурсов на мировом рынке.

Другой вид фрагментации МВФС возникает в процессе развития цифровых финансов. При использовании блокчейна в процессе транзакции расчет происходит не посредством клиринга балансов, как в традиционной учетной финансовой системе, а путем изменения данных о держателе конкретного токена, который переходит из одного кошелька в другой. Из-за этого при обмене одной цифровой валюты на другую курс конвертации будет зависеть от того, какие объемы (пулы ликвидности) токенов в заданный тик времени меняются друг на друга. Поэтому на рынке DeFi не существует кросс-курсов, так как при попытке реализации стратегии арбитража

криптовалют А – В через более выгодный курс криптовалюты С пулы ликвидности токенов С могут иссякнуть, и стратегия арбитража провалится.

Эта проблема ведет к фрагментации ликвидности, осложняющей надежность расчетов в крупных суммах. Именно поэтому проекты цифровых финансовых систем БРИКС, БМР и крупнейших банков предусматривают создание центральных контрагентов – операторов единого пула ликвидности, где проводить платежи можно по учетной системе – через изменение остатков на счете, а не перемещение токенов с одного кошелька на другой [129, с. 42]. Такая конфигурация получила название «CeDeFi» (от словосочетания Centralized Decentralized Finance). Она значительно снижает риски фрагментации ликвидности, но в таком случае и преимущества блокчейна сжимаются лишь до относительно эффективной системы защиты данных.

Помимо этого, на рынок цифровых финансов распространяются проблемы фрагментации, обусловленной ростом геополитической напряженности и использованием контроля над финансовой инфраструктурой в качестве инструмента принуждения. Механизмы реализации финансовых санкций против Российской Федерации после начала СВО, а также стратегии их обхода подробно рассматривались в параграфах 1.3 и 2.1. Однако подавляющая часть более поздних прецедентов, случившихся в 2025 г., прошла мимо внимания общественности из-за того, что происходила она в контуре цифровых финансов.

В качестве примеров можно привести заморозку американской компанией Tether – эмитентом стейблкоина USDT – 2,5 млрд руб. в форме токенов на кошельках клиентов российской криптобиржи Garantex в марте 2025 г., вслед за внесением Garantex в 16 пакет санкций ЕС [50].

Так же в июле-августе 2025 г. США и Великобритания ввели санкции в отношении кыргызских криптовалютных компаний, связанных с оборотом российских стейблкоинов [37]. Под ограничения попал ряд кыргызских банков, криптобиржа Grinex, криптоплатформа A7 и компания Old Vector, являющаяся эмитентом рублевого стейблкоина A7A5.

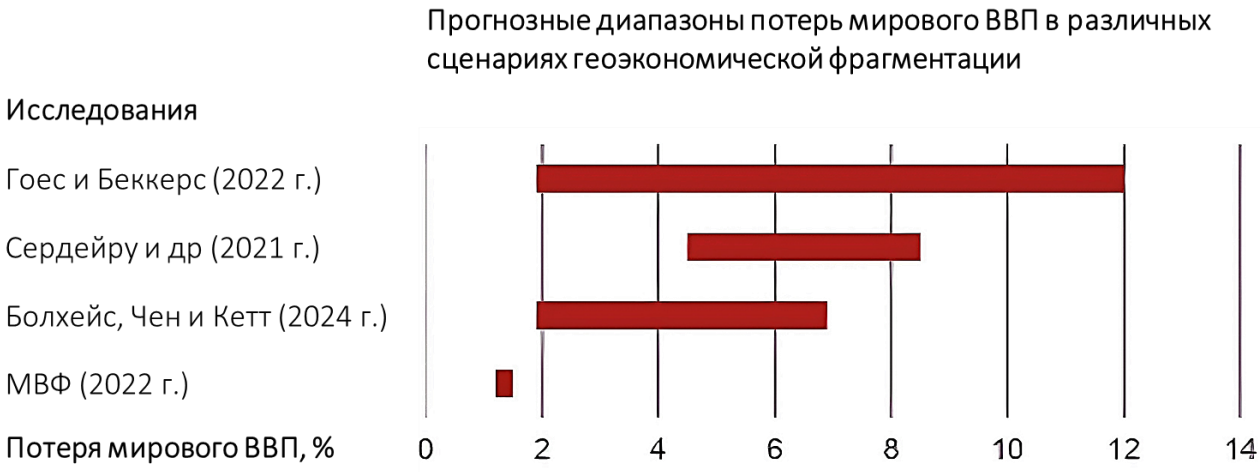
Old Vector выпустили стейблкоин A7A5 в Кыргызстане в феврале 2025 г. на платформе трансграничных расчетов по экспорту и импорту «A7» от Промсвязьбанка – токен обеспечивался его рублевыми депозитами. За первое полугодие 2025 г., по данным Промсвязьбанка, через криптоплатформу A7 прошло свыше 7,5 трлн рублей транзакций, что сравнимо с 11,8% внешнеторговых операций российских компаний [74]. Непосредственно перед санкциями Financial Times заявляли, что через A7A5 осуществляли теневые переводы объемом в 9 млрд долл. США, однако эксперты криптоотрасли считают показатели Financial Times чересчур завышенными в сравнении с общим объемом операций на бирже Grinex [54].

С практической точки зрения также примечателен кейс TradeOgre – анонимной и не соблюдающей требования KYC криптовалютной биржи, под контролем которой находилось свыше 40 млн долл. США цифровых активов. Эти активы были конфискованы канадской полицией при поддержке Европола летом 2025 года в связи с тем, что биржа позволяла пользователям легко открывать счета, вносить и перечислять средства, а затем конвертировать их в другие криптовалюты без раскрытия своей личности. В деятельности платформы прослеживался российский след, однако он указывал не только на лиц, обходящих санкции, но и на мошеннические и хакерские группировки [97].

Инструменты анализа блокчейна, использовавшиеся канадской полицией и Европолом, позволяли отслеживать кластеры кошельков, выявлять связи между известными нелегальными адресами или серыми сервисами, а также отслеживать потоки, проходящие через несколько протоколов и монет. Основные риски здесь связаны с упомянутой тенденцией централизации инфраструктуры цифровых финансов. Санкционному давлению подвержены в первую очередь институциональные субъекты рынка, которых легко отследить и в отношении которых на сегодняшний день во многих странах разработаны регуляторные и надзорные практики. Этим обуславливался отказ многих криптобирж обслуживать лиц, проживающих в

России, а впоследствии и их уход с рынка, что наблюдалось в случаях Coinbase, Kraken и Binance.

Наконец, наиболее актуальной для настоящего исследования является фрагментация МВФС вследствие роста протекционистских тенденций и геоэкономической фрагментации. В разных сценариях формирования блоков и степени их изоляции прогнозы потерь мирового ВВП варьируются от 1,2% до 12%, как это показано на рисунке 3.1.

Источник: составлено автором на основе данных [18, с. 15].

Рисунок 3.1 – Прогнозные диапазоны потерь мирового ВВП в различных сценариях геоэкономической фрагментации

В докладе международного коллектива исследователей для ВЭФ 2025 года приводятся оценки, согласно которым мировой ВВП может потерять 5,7 трлн долл. США в результате фрагментации мировой финансовой системы [92, с. 5]. При этом развивающиеся страны, не включая Китай и Россию, могут столкнуться с потерей почти 11% ВВП вследствие сокращения доступности капитала в пределах традиционной международной финансовой архитектуры. Это, в частности, может осложнить усилия по облегчению бремени суверенного долга для этих стран и свести на нет достигнутый прогресс в этой области.

По результатам исследования МВФ 2023 г. [13, с. 89] увеличение геополитической дистанции, измеряемой по паттернам голосования в ООН, данным о финансовых санкциях и торговле оружием [13, с. 85], между

страной-инвестором и страной-реципиентом иностранных инвестиций может привести к:

– сокращению совокупного объема трансграничных портфельных инвестиций и объема двусторонних банковских требований на 15%;

– сокращению объема портфельных инвестиций инвестфондов на 20%.

Помимо этого, в последние годы наблюдается сильное увеличение чувствительности к геополитическому дистанцированию у потоков прямых иностранных инвестиций и межбанковских платежей. В 2023 году Организация экономического сотрудничества и развития сообщила о значительном ужесточении регулирования иностранных инвестиций, при этом 80% из 61 отчитавшейся страны внедряют механизмы их скрининга, что приводит к увеличению сроков проведения транзакций и росту неопределенности для бизнеса [92, с. 22].

Если описать все эти явления в рамках одной системы, то получится следующий алгоритм воздействия геополитического дистанцирования стран на их финансовый сектор:

1) Увеличение неопределенности инвесторов в отношении безопасности капиталовложений.

2) Реаллокация портфелей международных кредитов и инвестиций, снижение их диверсифицированности.

3) Перебои в трансграничных платежах.

4) Рост волатильности на финансовых рынках (прежде всего у стран-реципиентов иностранных инвестиций): снижение доходности рынка акций, рост кредитных спредов по суверенному и корпоративному долгу.

5) В случае перебоев в цепочках поставок, увеличения торговых барьеров и роста цен на ресурсы – падение прибыли компаний из реального сектора, рост инфляции и ставок рефинансирования в стране-реципиенте иностранных инвестиций.

Все эти факторы оказывают большое влияние на политику управления рисками в финансовых организациях, описание которых приведено в таблице

3.1. При этом адаптация риск-политики и операционной стратегии финансовых учреждений к вызовам фрагментации может иметь эффект самосбывающегося пророчества, усиливая влияние учитываемых в моделях факторов геополитического дистанцирования на финансовую систему даже без реального ухудшения взаимоотношений между правительствами этих стран.

Таблица 3.1 – Влияние фрагментации мировой валютно-финансовой системы на политику управления рисками в финансовых организациях

Тип риска	Влияние фрагментации на риск-политику
Регуляторный	Ограничения на трансграничное движение капитала, листинг ценных бумаг и владение иностранными активами, а также угрозы конфискации активов иностранным государством или принуждения к их продаже могут повлиять на способность финансовых организаций работать на рынке того или иного государства и снизить их способность содействовать финансовому посредничеству
Репутационный	Финансовые организации и корпорации, имеющие отношение к нейтральным странам или сотрудничающие с фирмами из ограничительных списков правительств стран, в которых они ведут бизнес, могут столкнуться с рисками утраты репутации перед своими клиентами, партнерами и регуляторно-надзорными органами
Контрагентский	Опасения нарушить внешнеэкономические ограничения могут привести к разрывам в цепочках корреспондентских отношений между банками, перебоям в трансграничных платежах и в доступе к международной финансовой инфраструктуре
Рыночный	Рост волатильности на валютном, долговом и фондовом рынках, усугубляющийся меньшей страновой диверсифицированностью инвестиционных портфелей профессиональных участников
Ликвидности	Для защиты от потрясений финансовым организациям может потребоваться иметь на балансе более крупные резервы для управления рисками ликвидности и платежеспособности
Кредитный	Учет геополитических факторов при выставлении кредитных рейтингов может снизить количество и объем доступных фирмам рынков капитала, привести к росту стоимости заимствований и падению ликвидности их долговых ценных бумаг

Источник: составлено автором на основе анализа материалов [92, с. 22-23].

Подводя итог разделу о воздействии геополитического дистанцирования стран на их финансовый сектор, необходимо отметить, что отличительной чертой рассматриваемого в начале параграфа доклада

Всемирного экономического форума является позитивная цель его исследования, впервые с 2022 г. прямо обозначающая действия, которые были предприняты западными странами в отношении России, как зловредные и несущие угрозу глобальной финансовой стабильности. Для недопущения дальнейшего распространения этих практик авторы доклада по итогам проведенного анализа приводят следующий список принципов, которые должны лежать в основе национального регулирования международных финансовых отношений и уберечь многополярный мир от рисков и последствий фрагментации МВФС [92, с. 2527]:

1) Верховенство права в финансовой системе: четкое определение и обеспечение верховенства закона, гарантирующее беспристрастное и предсказуемое правоприменение на всех уровнях финансовой системы.

2) Защита имущественных прав и поощрение капиталовложений: соблюдение прав на финансовую и материальную собственность для укрепления доверия и стимулирования инвестиционной активности.

3) Недопустимость экспроприации суверенных активов: воздержание от односторонней экспроприации суверенных активов, даже в периоды конфликтов и повышенной напряженности.

4) Укрепление многосторонности международных организаций: повышение независимости и расширение компетенций международных институтов для обеспечения эффективного многостороннего управления глобальными финансами.

5) Деполитизация финансовой системы: недопущение политизации регулирования критической финансовой инфраструктуры и предотвращение разрывов международных финансовых связей для сохранения целостности, функциональности и эффективности глобальной финансовой системы.

6) Гармонизация инфраструктуры финансового рынка: обеспечение совместимости альтернативных инфраструктурных решений с

целью оптимизации трансакционных издержек и повышения эффективности рыночных механизмов.

7) Приоритет финансовой стабильности: ориентация национальной и многосторонней политики, включая финансовое регулирование, на поддержание стабильности финансовой системы и защиту трансграничного движения капитала, данных, товаров, трудовых ресурсов и интеллектуальной собственности.

8) Суверенитет денежно-кредитной политики: сохранение независимости фискальной и монетарной политики для обеспечения финансовой стабильности, минимизация рисков конкурентного вмешательства и поощрение прозрачности в принятии решений.

3.2 Развитие зарубежных подходов к обеспечению экономической безопасности в условиях многополярности

В условиях многополярности экономическая безопасность занимает особое место в политике государств, так как ей обеспечивается устойчивость национальных хозяйств к шокам и потрясениям, которые были рассмотрены ранее в исследовании. Но отвечая на схожие глобальные вызовы, подходы к обеспечению экономической безопасности в разных странах существенно различаются в зависимости от особенностей устройства национальных хозяйств и присутствующих в них фундаментальных проблем. Сравнительный анализ того, какие стратегические цели преследуют акторы и какие инструменты используют для их достижения, являет собой предмет нижеследующего рассмотрения.

Впервые выделение экономической безопасности как отдельной сферы государственной политики произошло в 1933 г., когда администрация Ф.Д. Рузвельта сформировала «Комитет по экономической безопасности» для вывода США из Великой депрессии. В обзорном исследовании Н.В. Цейковеца подчеркивается, что значение этого термина, изначально обозначавшего защиту благополучия граждан, стало претерпевать изменение

по время роста напряженности между США и СССР, из-за которой экономическая безопасность начала «все в большей степени становиться одной из составных частей общенациональной или государственной безопасности» [144, с. 131]. Академические исследования в этом направлении начались вслед за нефтяным кризисом 1970-х годов, а в 1985 г. экономическая безопасность была впервые упомянута как отдельное направление международного взаимодействия в резолюции Генассамблеи ООН.

К сегодняшнему дню государственная политика экономической безопасности может иметь две цели, которые иногда противоречат друг другу. С одной стороны, она может быть направлена на достижение целостного и устойчивого развития страны, удовлетворение потребностей граждан и бизнеса, а также их защиту от потенциальных кризисов. В таких стратегиях внимание государства сосредоточено на контроле внутренних факторов.

С другой стороны, политика может быть нацелена на обеспечение самодостаточности экономики государства в международном сравнении, путем повышения устойчивости национального хозяйства к внешним шокам. В отличие от предыдущего типа, при контроле внешних факторов государство не удовлетворяет интересы экономических субъектов, а приводит их в соответствие интересам национальной безопасности в широком понимании.

Подходы к обеспечению экономической безопасности в целом и к восприятию того, что этот термин в себя включает, разнятся между странами. Западные стратегии, в особенности американская и британская, сосредотачиваются преимущественно на контроле внешних факторов, что является наследием Холодной войны и обусловлено необходимостью защиты столпов однополярного мироустройства. В частности, характерной особенностью англосаксонских стран является «экономическое доминирование на внешних рынках» за счет более мощного экономического и финансового потенциала [144, с. 142].

Современное видение экономической безопасности США, которые в соответствии с разработанной в параграфе 2.2 типологией являются

гиперактивными регуляторно-концентрическими интратрейдерами, было сформировано в период первого срока президентства Д. Трампа, который совместил национальную безопасность с задачей достижения экономического процветания (economic prosperity). Администрация Дж. Байдена продолжила двигаться по этому курсу, выделив для себя четыре основных вызова:

– сокращение промышленной базы США;

– растущее неравенство в обществе;

– геополитическая конкуренция;

– климатический и энергетический кризис [82].

Как видно, внутренние и внешние факторы здесь занимают равные доли, однако Стратегия национальной безопасности 2022 г. особенно подчеркивала необходимость «превзойти в конкурентной борьбе некоторых торговых партнеров, утверждая, что наибольшим стратегическим вызовом, способным привести к изменению существующего международного порядка, является усиление конкурентных позиций Китайской Народной Республики» [65, с. 8-10].

Предлагаемая методика ответа на эти вызовы также носила смешанный характер. В экономической части к ней в первую очередь относится защита приоритетных секторов экономики с помощью мер торгового регулирования и масштабных государственных инвестиций. Примерами могут служить принятые в период президенства Дж. Байдена «Закон о создании полезных стимулов для производства полупроводников» (52,7 млрд долл. США) и «Закон о снижении инфляции» (1,8 трлн долл. США). Их суть и международная реакция на них подробнее рассматривались в параграфе 2.2.

Среди инструментов купирования внешних рисков подчеркивается значимая роль США в деятельности таких объединений, как «QUAD», Торгово-технологический совет США-ЕС, а также Индо-Тихоокеанская экономическая программа процветания (далее – IPEF), представляющая собой американскую альтернативу нынешнему ВПТТП, которое США покинули при Д. Трампе в 2017 году. К методам воздействия на внешнюю среду относится

также программа «Select USA», направленная на облегчение инвестиций в реальный сектор экономики Соединенных Штатов для отечественных и иностранных фирм.

Резюмируя, стратегия экономической безопасности США при Дж. Байдене была сосредоточена главным образом на «сопротивлении многополярности» посредством «укрепления американских рычагов влияния, создания антикитайской коалиции, и более тесном военно-техническом сотрудничестве между союзниками в Европе и Азии» [59]. Фактически США в период 2021-2024 гг. стремились найти ответ на вызовы путем формирования международного демократического альянса, возвращая внешнеэкономическую политику к сценарию биполярного соперничества прошлого века, где главными противниками выступали Китай, Россия и Иран.

Пересмотр этой политики произошел вместе с приходом второй администрации Д. Трампа. Его видение, изложенное в Стратегии национальной безопасности 2025 года, привнесло значительные изменения в геоэкономическое позиционирование США.

Документ открывается критикой однополярности как бремени, которое было возложено на страну в убеждении, что «постоянное доминирование США над всем миром отвечает национальным интересам» [29, с. 1]. В результате Вашингтон одновременно пытался финансировать социально-экономические нужды граждан, огромный военно-дипломатический аппарат и играть при этом роль центра мирового капитала. Однако «глубоко ошибочные и разрушительные ставки на глобализм и так называемую свободную торговлю» привели к деиндустриализации национального хозяйства, сильно ударив по среднему классу» [29, с. 1].

Постулируя переход от стратегии глобального доминирования к поддержанию «глобального и регионального баланса сил», стратегия подчеркивает необходимость противодействия США любым акторам,

стремящимся к глобальной или региональной гегемонии [29, с. 10]. Помимо этой угрозы, к рискам для американской экономики причислены:

– «хищнические» торговые практики и промышленные стратегии других стран$

– уничтожение рабочих мест и деиндустриализация;

– масштабная кража интеллектуальной собственности;

– угрозы цепочкам поставок критических ресурсов (включая редкоземельные элементы);

– а также наркотрафик, пропаганда и культурные махинации [29, с. 21].

В ответ на эти вызовы формулируется политика «коммерческой дипломатии» и «гибкого реализма»: США будут приоритетно укреплять собственную экономику, используя как карательные тарифы [29, с. 16], так и взаимные торговые соглашения с любыми странами, не насаждая им либеральную идеологию [29, с. 9]. При этом в документе констатируется, что «условия наших соглашений, особенно с теми странами, которые больше всего зависят от нас и в отношении которых у нас есть наибольшее влияние, должны предусматривать эксклюзивные контракты для наших компаний» [29, с. 19]. Одновременно с этим ставится задача вытеснять из Западного полушария иностранные компании, строящие там свою инфраструктуру, а также противодействовать дискриминационному налогообложению и экспроприации американского бизнеса другими странами.

В части внутренней экономической безопасности главными инструменты провозглашаются:

– снижение торговых дисбалансов;

– обеспечение безопасности цепочек поставок;

– реиндустриализация и развитие военно-промышленного комплекса;

– развитие энергетического сектора;

– сохранение и приумножение доминирования на мировом финансовом рынке, в том числе посредством развития цифровых финансов [29, с. 13-15].

Отдельного внимания заслуживает позиция США по отношению к Европе. Лидеры европейских стран и в особенности Европейский союз, как наднациональное объединение, подвергаются критике за экономический упадок региона (сокращение доли в мировом ВВП на 10 п.п. с 1990-х годов по н.в.) и культурно-демографическую деградацию, которая ведет к утрате европейской идентичности, создавая «реальную перспективу цивилизационного исчезновения» в перспективе ближайших 20 лет [29, с. 25]. В этом отношении документ акцентирует внимание на необходимости нормализации отношений стран Европы с Россией для восстановления экономической стабильности и снижения военных рисков. Подчеркивается, что США должны быть активно вовлечены в этот процесс [29, с. 26].

Также заявляется, что необходимо «положить конец восприятию НАТО как постоянно расширяющегося альянса» [29, с. 27]. Именно этот фактор был одной из причин начала СВО и впоследствии реализовался при Дж. Байдене во время присоединения к НАТО Финляндии и Швеции. В этом отношении также подчеркивается необходимость большей ответственности союзников США по НАТО в финансировании своей обороны (до уровня 5% ВВП), чтобы устранить дисбаланс, в рамках которого американские налогоплательщики оплачивали военные расходы чужих стран [с. 12].

Прагматичная политика Д. Трампа в отношении финансирования НАТО, а также проведение СВО и занятая европейскими странами позиция в отношении материально-технической поддержки Украины сделали развитие ВПК одним из специфических приоритетов, характеризующих экономическую безопасность Евросоюза.

Одной из наиболее важных задач для ЕС является переход к координации развития ВПК на наднациональном уровне для формирования европейского «рынка обороны» [120, с. 24]. Этот курс продиктован необходимостью снизить зависимость региона в сфере обороны от других стран, так как в период с 2022 г. по июнь 2023 г. около 78% военных закупок

государств-членов были сделаны за пределами ЕС, причем на долю США пришлось 63% [120, с. 20].

Путь к достижению этой цели изложен в «Белой книге европейской обороны» от 2025 г. [32]. В рамках его плана по перевооружению «ReARM Europe» предполагается перенаправить 650 млрд евро из национальных бюджетов стран-членов ЕС на развитие общего рынка ВПК до 2030 года. В дополнение к нему был разработан механизм суверенных займов, с помощью которого планируется привлечь 150 млрд евро на рынках капитала под совместные закупки в сфере обороны. Еще ранее, в 2017 г., был создан Европейский оборонный фонд, в рамках которого на финансирование НИОКР в сфере ВПК выделено 7,3 млрд евро [72].

Однако торгово-производственные зависимости в обороне не исчерпывают вопросы экономической безопасности ЕС. После фрагментации ГЦСС в период пандемии и почти полного разрыва энергетических связей с Россией, Европейский союз предпринимает усилия по диверсификации поставок полезных ископаемых, однако концентрация их источников, «зеленая повестка» и политическое давление других стран, в частности США, замедляют данный процесс [142, с. 93-94]. Помимо этого, ЕС стремится сохранить конкурентные позиции в технологическом секторе, что достигается благодаря действиям, направленным на обеспечение стратегической автономии в полупроводниковом секторе. Евросоюз также оказывает значительное влияние на стандарты в области кибербезопасности, защиты данных и экологической нейтральности, защищая свой рынок от иностранных производителей, которые не соблюдают эти требования.

Примечание – Все проанализированные в параграфе 2.2 страны ЕС, за исключением Дании, относятся к подтипам *экспансивного регуляторного профиля*, но при этом имеют разнородные торговые профили.

Восточные стратегии экономической безопасности больше фокусируются на «защите народного хозяйства от неблагоприятных воздействий извне» [144, с. 136-137]. Ярким примером этого является Япония, где законодательство в области экономической безопасности содержит меры

по защите цепочек поставок, поддержке технологических компаний, а также обеспечению бесперебойного функционирования инфраструктуры и информационной безопасности [56; 101]. Японская стратегия уделяет особое внимание промышленной политике и защите отечественных производителей, а также поддержанию имиджа страны как незаменимого поставщика товаров и услуг как в сегменте передовых технологий, так и в более традиционных индустриях, например, морской логистике [80]. В то же время Япония стремится развивать отношения с единомышленниками в Индо-Тихоокеанском регионе и укреплять свое положение в ГЦСС, примером чего служит ее участие в таких объединениях, как ВПТТП, ВРЭП, IPEF и «QUAD». Эта черта подтверждает корректность выявленного в параграфе 2.2 регуляторно-торгового профиля Японии: *регуляторно-равновесный импортер, склонный к дискриминации.*

Показательным примером в этом отношении стало китайское эмбарго на экспорт редкоземельных металлов в Японию в 2010 году. Для нейтрализации схожих рисков в стране начала проводиться активная политика френдшоринга. В рамках нее Япония направляла инвестиции в компании сырьевого сектора из других благонадежных стран для диверсификации своих каналов импорта. Эта стратегия оказалась в значительной степени успешной – за десятилетие Япония сократила долю поставок редкоземельных металлов из Китая с 90% до 58% от их совокупного импорта [81].

В схожем видении, китайская экономическая мысль подчеркивает необходимость сохранения одновременно и экономического суверенитета, и конкурентоспособности на глобальном рынке. Проявление этого можно проследить в политике ограниченного доступа ТНК к внутреннему рынку Китая, изоляции китайского интернета, а также ограничении международного распространения созданных в Китае инноваций, даже если они относятся к потребительскому сегменту. Это сильно контрастирует с западным подходом, который, напротив, предполагает «наращивание внешнеэкономических

связей, хотя полностью и не исключает протекционизм для стратегически важных отраслей» [144, с. 136-137].

Стратегические цели в области экономической безопасности находят отражение в пятилетних планах Китайской коммунистической партии и проектах экономического развития, а в концепции «Всеобъемлющей национальной безопасности», разработанной вскоре после начала правления Си Цзиньпина, роль экономической безопасности подчеркивается как «основополагающая» [65, с. 10]. В процессе периодического обновления этих стратегических документов «приоритет роста экономики постепенно снижался в пользу обеспечения ее устойчивости и неуязвимости. Нарратив об экономической безопасности с акцентом на снижении экономических зависимостей широко распространился в документах высокого уровня после 2018 г., а с 2020 г. в них начал делаться упор на самодостаточности» [65, с. 10]. При этом «нелиберальная природа китайской политической системы» позволяет правительству проводить широкий спектр интервенций в области регулирования корпоративных отношений, контроля над движением капитала, допуска продукции иностранных компаний на местный рынок и др. Все это начало представлять геополитический вызов для развитых стран с момента формирования инициативы «Пояс и путь» в 2013 г., показавшей заинтересованность Пекина в расширении географии деятельности своих фирм и наличии ресурсов для осуществления прямых инвестиций в инфраструктуру ближайших регионов.

Примечание – Китай, как и США, по результатам исследования, проведенного в параграфе 2.2., относится к группе *гиперактивных регуляторно-концентрических интратрейдеров.*

Фактически, «Пояс и путь» представляет собой новый виток глобализации, где роль центра играла КНР, а роль периферии – страны Глобального Юга [124]. Не менее важными элементами этой стратегии являются программа «Сделано в Китае 2025», запущенная в 2015 г., а также Государственная стратегия инновационного развития до 2050 г. Вместе они задают вектор достижения не просто экономического суверенитета, а

превосходства над другими странами в производстве высокотехнологичной продукции с большой добавленной стоимостью к середине XXI века [108, с. 124]. Под руководством Си Цзиньпина Китай также часто прибегает к использованию нетарифных внешнеэкономических ограничений для защиты отечественных производителей и недопущения концентрации импортных потоков на одном торговом партнере. В отношении России самым частым примером этой ситуации является злоупотребление фитосанитарными требованиями, которые периодически ужесточаются против российских экспортеров продовольственных товаров. Однако в наибольшей степени от подобных мер страдают экспортеры из Австралии и Канады.

Последние изменения в китайскую стратегию привнесла политика повышения устойчивости цепочек поставок, особенно тех, что задействованы в производстве и импорте высокотехнологической продукции. В публичном доступе находится крайне мало информации о принципах взаимодействия государства и бизнеса в области контроля над деятельностью китайских транснациональных компаний, но самым ярким примером этого стало вмешательство партии в принятие управленческих решений внутри Alibaba Group [65, с. 11-12].

Также, несмотря на порицание внешнеэкономической политики США, КНР зачастую заимствует их нормативно-правовые подходы в области экспортного контроля. Принятый в 2020 году закон «Об экспортном контроле» (China’s Export Control Law – CECL), наложил на экспортеров из широкого спектра отраслей обязанность получения лицензии путем заполнения формы, содержащей данные о конечных потребителях и конечном назначении использования товаров и услуг [28]. Кроме того, законом утверждаются полномочия Государственного совета и Центральной военной комиссии формировать «контрольные списки, графики и каталоги» продукции и конечных потребителей, в отношении которых могут вводиться ограничения. Таким образом, действие закона распространяется не только на организации и частных лиц в КНР, но и на предпринимателей за его пределами, еще раз

подчеркивая внешнюю направленность стратегии экономической безопасности Китая.

Таким образом, зарубежный опыт свидетельствует, что сохранить и укрепить позиции национальной экономики в мирохозяйственной системе можно лишь с помощью ее непрерывной и динамичной адаптации к меняющемуся геоэкономическому ландшафту. Обеспечение экономической безопасности в условиях многополярности требует от акторов пересмотра собственной роли в мировой экономике и целенаправленного изменения мирохозяйственных связей для усиления своего положения в них.

3.3 Механизмы развития и повышения устойчивости российской экономики на современном этапе

Анализ рассмотренных подходов к обеспечению устойчивости национальных экономик в условиях многополярности демонстрирует формирование различных моделей реагирования на сопоставимые внешние шоки. Примечательно, что в случае России, ответ на внешнеэкономические вызовы последних лет предполагал повышение экономической устойчивости «изнутри». Если рассматривать период начала геоэкономической фрагментации, то на момент формирования Стратегии экономической безопасности в 2017 году перед Россией стояли следующие внешние и внутренние угрозы, указанные в таблице 3.2.

Таблица 3.2 – Внешние и внутренние угрозы экономической безопасности России

Внешняя угроза	Внутренняя угроза
1	2
Распространение на сферу экономики вызовов и угроз военно-политического характера, а также использования экономических методов для достижения политических целей	Низкие темпы экономического роста, недоинвестированность реального сектора
Рост конфликтного потенциала в зонах экономических интересов Российской Федерации, а также вблизи ее границ;	Неравномерность пространственного развития Российской Федерации;

Продолжение таблицы 3.2

1	2
Дискриминационные меры в отношении России, ограничение доступа к иностранным финансовым ресурсам и современным технологиям;	Отставание в разработке и внедрении перспективных технологий,
Создание межгосударственных экономических объединений, чья политика может нанести ущерб интересам Российской Федерации;	Слабая конкурентоспособность российских несырьевых компаний на глобальном рынке и их низкая вовлеченность в ГЦСС;
Подверженность национальной финансовой системы и ее инфраструктуры внешним ограничениям;	Несбалансированность национальной бюджетной системы;
Изменение мировой структуры потребления энергоресурсов и исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития;	Дефицит трудовых ресурсов;
Использование развитыми странами высоких технологий в качестве инструмента глобальной конкуренции	Рост затрат на обеспечение экологических стандартов производства и потребления

Источник: составлено автором на основе Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [21].

Как видно, список этих угроз остается актуальным и по сей день. В аналитической работе ученых из РАНХиГС, Института социально-экономических проблем народонаселения РАН и Института проблем рынка РАН подчеркивается, что ответ на эти вызовы предполагал достижение девяти главных целей [137, с. 22]:

1) Развитие системы государственного управления, прогнозирования и стратегического планирования в сфере экономики.

2) Обеспечение устойчивого роста реального сектора экономики.

3) Создание экономических условий для разработки и внедрения современных технологий, а также для стимулирования инновационного развития.

4) Совершенствование нормативно-правовой базы в данной сфере.

5) Устойчивость национальной финансовой системы.

6) Сбалансированное пространственное и региональное развитие российской федерации, укрепление единства ее экономического пространства.

7) Повышение эффективности внешнеэкономического сотрудничества и реализация конкурентных преимуществ экспортно-ориентированных секторов экономики.

8) Обеспечение безопасности экономической деятельности.

9) Развитие человеческого потенциала.

Для решения этих задач в России развернута серия Национальных проектов – на начало 2026 года их насчитывается 20, – распределенных по ключевым направлениям развития: промышленного, демографического, инфраструктурного, кадрового, и др. Непосредственно к экономическому суверенитету можно отнести Национальные проекты «Эффективная и конкурентная экономика», «Международная кооперация и экспорт», «Экономика данных и цифровая трансформация государства», «Средства производства и автоматизации». Все они являются частью масштабного Плана структурных изменений в российской экономике до 2030 года [24], целью которого является не только укрепление слабых мест, выявленных санкциями, но и формирование основы экономического суверенитета страны на многие годы вперед.

Так, одним из наиболее болезненных последствий предшествующей модели интеграции российской экономики в ГЦСС стала глубокая асимметрия в распределении трудовых ресурсов по отраслям национального хозяйства. Хронический дефицит кадров в обрабатывающей промышленности, машиностроении и микроэлектронике усугублялся оттоком квалифицированных кадров зарубеж. Политика структурных изменений в этой связи направлена на формирование институциональных механизмов, перенаправляющих кадровые потоки в те сегменты хозяйства, где существует неудовлетворенный спрос на рабочую силу. Этим меры предполагают синхронизацию образовательных траекторий и программ профессиональной с нуждами предприятий, а также широкую просветительскую деятельность, направленную на улучшение имиджа работы в соответствующих отраслях.

Также нельзя говорить о подлинной перестройке хозяйственного уклада, не затрагивая вопросы технологического развития. Санкции в определенном смысле способствовали повышению эффективности программ импортозамещения и локального производства критических технологий, требующихся в том числе для оборонного сектора. Но появление новых технологических компаний и их интеграция в более крупные инвестиционные проекты требует как таргетированной поддержки со стороны бюджета, так и развитию рынка капитала как источника долгосрочных инвестиций.

Для повышения конкурентоспособности российских компаний на внутреннем и внешнем рынках разработана система финансовых стимулов и преференций в виде субсидий, налоговых льгот, а также других мер государственной поддержки [123]. К наиболее значимым механизмам в первую очередь можно отнести запущенные еще в 2010-х годах программы поддержки производства высокотехнологичной продукции, льготного кредитования через кластерную инвестиционную платформу и фабрику проектного финансирования, а также действующую с 2023 года программу поддержки производства приоритетной промышленной продукции.

После кризиса 2022 года была разработана таксономия проектов технологического суверенитета и структурной адаптации экономики (далее – ТС и САЭ), использующаяся при предоставлении налоговых вычетов, проектном финансировании, а также для повышения инвестиционной привлекательности таких проектов в призме стимулирующего регулирования. Общий подход такого стимулирующего регулирования, действующего в отношении банков, ПИФ, страховщиков, НПФ и профессиональных участников рынка ценных бумаг, заключается в снижении оценок риска, норм резервирования или показателей концентрации по кредитам и облигациям ТС и САЭ, уменьшающих их нагрузку на капитал финансовых организаций. По данным Банка России «на начало сентября 2025 года банки открыли кредитных линий на сумму 3 трлн рублей, из которых заемщики использовали

около 1 трлн рублей. Всего в реестре проектов, соответствующих указанной таксономии, на начало сентября 2025 года было около 60 проектов» [23, с. 26].

Дополнительно способствовать развитию ТС и САЭ могло бы развитие системы предоставления гарантий и поручительств институтов развития и государства перед кредитными организациями в отношении соответствующих таксономии предприятий. В настоящее время данный институт ограничен рамками временных и условных требований, ограничивающих спектр случаев, когда государство готово делить ответственность за нереализацию инновационного проекта вместе с компанией. Однако это противоречит международному опыту, где предоставление безотзывных и бессрочных государственных гарантий под кредитование инновационных предприятий является распространенной практикой, сыгравшей большую роль в становлении лидеров технологической глобализации: США и Китая, – а также в развитии технологического сектора в Индии и странах ЕС [123, с. 41-47].

Для исправления сложившейся в России системной проблемы было бы целесообразно пересмотреть систему распределения рисков – не снимать материальную и репутационную ответственность с компании или стартапа полностью, но «применять при оценке успеха реализации стартапа *пакетное решение*, когда позитивным итогом завершения всех принятых к реализации стартап-проектов считается конечный выход на 1% положительного результата». В частности, «именно благодаря пакетному правовому механизму оценки американская стартап-система (несмотря на значительные успехи европейского и азиатского рынков) является в настоящее время наиболее развитой в мире» [123, с. 42]. Развитие института гарантирования в таком ключе позволило бы «не только снизить кредитные риски для банков, но и уменьшить их риски концентрации, ставшие особенно актуальными для российской экономики в отсутствие доступа к внешним рынкам капитала» [23, с. 26].

Другим немаловажным фактором развития и укрепления экономики является усиление вклада рынка капитала в финансирование необходимых трансформаций. С одной стороны, для этого необходимо поддерживать трансформацию сбережений граждан в источники долгосрочных инвестиций в бизнес. Для этого в России были созданы такие инструменты как индивидуальный инвестиционный счет, программа долгосрочных сбережений и долевое страхование жизни. Как отмечает Банк России, задействие этих инструментов рынка капитала, «в отличие от нового банковского кредита, представляет собой использование уже сформированных сбережений граждан (напрямую или посредством институциональных инвесторов), то есть направляет на инвестиции ресурсы общества, которые не использованы на другие цели. Проинфляционные эффекты в этом случае несравнимо меньше» [23, с. 50].

С другой стороны, для содействия переходу на новые механизмы привлечения капитала необходимы и стимулы для выхода самих компаний на фондовый рынок. Получение публичного статуса в силу как обязательных регуляторных требований, так и практики корпоративных отношений увеличивает финансовую прозрачность и информационную открытость бизнеса, повышая устойчивость компаний на долгосрочном горизонте, а также способствуя росту их эффективности и производительности, выходу на новые рынки и увеличению прибыльности.

С этой целью в России с 2025 года введен механизм поддержки субъектов МСП и МТК при проведении публичного размещения акций. Он предусматривает компенсацию части расходов, которые компании понесли при выходе на IPO и при размещении акций на инвестиционных платформах. Также предусматривается компенсация части расходов по размещению облигаций для тех эмитентов, которые планируют выйти на IPO.

Одновременно с этим для развития лучших рыночных практик и повышения инвестиционной привлекательности действующих эмитентов ПАО «Московская биржа» совместно с Банком России была разработана и

запущена с 2025 года Программа создания акционерной стоимости. «Ее участниками на добровольной основе могут стать публичные акционерные общества, которые разработали собственные стратегии создания акционерной стоимости, придерживаются высоких стандартов корпоративного управления и принципов информационной прозрачности, а также стремятся обеспечить рост стоимости акций» [23, с. 116]. При выполнении этих условий их акции, являясь де-факто эталоном для долгосрочного инвестирования, включаются в Индекс создания стоимости Московской биржи (тикер – MVBI), чтобы служить ориентиром для других эмитентов и инвесторов.

Однако структурные изменения внутри российской экономики быстро исчерпают свой потенциал, если вслед за ними не будет перестраиваться сама модель включения России в мирохозяйственные связи. Первый этап такой перестройки заложила трансформация географического вектора внешней торговли с Запада на Восток и Юг после санкций 2022 года. Второй этап начнется после завершения СВО и откроет возможность снова открыто формировать долгосрочные деловые отношения с другими странами. Их приоритетом должна стать диверсификация экспортных и импортных потоков, внедрение устойчивых механизмов взаиморасчетов, а также открытие не только российского рынка для иностранных поставщиков, но и создание условий для равноценного доступа российских компаний на зарубежные рынки. Таким образом, синхронизация внутренней промышленной политики с целенаправленным переформатированием хозяйственных связей позволит превратить внешнюю торговлю в мощный драйвер роста экономики и усложнения ее отраслевой структуры.

России принадлежит особая роль в мирохозяйственной системе и процессах ее текущей трансформации. В политическом измерении за ней закреплен статус постоянного члена Совета Безопасности ООН с правом вето, что делает ее одним из главных архитекторов глобальной безопасности. Эти полномочия подкреплены обширным военным потенциалом, проверенным в условиях реальных современных боевых действий.

Для глобальной экономики Россия выступает одним из крупнейших источников энергетического и промышленного сырья, продовольствия и воды, а также обладает несравненной системой подготовки квалифицированных кадров, ценимых во всем мире. Одновременно с этим страна является мировым лидером в развитии финансовых технологиях и располагает признанными компетенциями во множестве высокотехнологичных отраслей: атомной индустрии, информационных технологиях, кибербезопасности, авиа и ракетостроении, фармацевтике, медицине и др.

В институциональном разрезе Россия также выступает одним из главных участников БРИКС, ЕАЭС и ШОС, подчеркивающих ее роль в формировании полицентричного миропорядка. Региональное влияние России обосновано контролем крупнейшей сухопутной территории и воздушного пространства, что делает ее незаменимым игроком в евразийской и арктической логистике.

Многообразие мирохозяйственных связей России определяет ее как одного из центральных акторов текущего этапа геоэкономического переустройства. В условиях многополярности способность страны проводить суверенную политику одновременно во всех обозначенных сферах позволяет не просто адаптироваться к происходящим изменениям, но и влиять на их траекторию.

Выводы по Главе 3

Современный этап развития мирохозяйственных связей характеризуется переоценкой моделей экономического развития периода глобализации, что предъявляет принципиально новые требования к механизмам обеспечения развития и устойчивости национальных экономик.

Наиболее масштабные последствия геоэкономической фрагментации проявляются в мировой финансовой системе. Здесь она ведет к росту транзакционных издержек, снижению доступности капитала для развивающихся экономик и усилению волатильности финансовых рынков.

Попытки возврата к ценностям верховенства права, защиты собственности и деполитизации инфраструктуры в современном дискурсе свидетельствуют о первых признаках осознания развитыми странами деструктивных последствий использования финансовой системы как орудия политического принуждения и является напоминанием о тех «правилах игры», отход от которых спровоцировал глобальную неопределенность после 2022 г.

В условиях геополитической конкуренции экономическая безопасность становится все более важной для обеспечения устойчивости национальных хозяйств. Государства вынуждены балансировать между открытостью к международному сотрудничеству и необходимостью защиты своих интересов, что требует ясного понимания долгосрочных целей национального развития, а также готовности граждан и бизнеса участвовать в их реализации при осознания всех возможных последствий.

Совокупность этих стратегий перестраивает структуру мирохозяйственных связей, отражая конкуренцию разнообразных центров промышленной, финансовой, технологической, а также политической и военной мощи. Например, США акцентируют внимание на технологическом лидерстве и предотвращении усиления конкурентоспособности других стран. Китай делает ставку на расширение сферы своего влияния в лице стран Глобального Юга, а Россия нацелена на структурную трансформацию экономики для повышения ее самодостаточности и снижения подверженности внешним шокам. Эти различия подчеркивают, что экономическая безопасность является не только инструментом защиты, но и стратегией развития, направленной на укрепление позиций страны в мировой экономике.

Заключение

Современный этап развития мирохозяйственной системы характеризуется утратой возможности координировать глобальные процессы в рамках централизованных международных организаций, построенных во второй половине XX века. В результате вместо многостороннего подхода в регулировании международных экономических отношений основную роль начинают играть односторонние меры государственного вмешательства. Использование экономических инструментов в геополитике приводит к росту числа торговых барьеров и финансовых ограничений, которые становятся двигателями геоэкономической фрагментации.

Ее развитие сопровождается отказом от принципов эффективного разделения труда и открытой торговли, взамен которым ведущие мировые державы отдают приоритет повышению устойчивости экономик к внешним шокам, расширению сфер своего влияния и ослаблению конкурентоспособности других акторов. Реализация их стратегий ведет к структурной трансформации сети мирохозяйственных связей в институциональной, торговой, финансовой и технологической сферах. Настоящая работа посвящена изучению направлений этих трансформаций, результаты исследования которых привели к следующим выводам.

Наблюдаемой тенденцией в развитии институциональной среды международных экономических отношений является отход от централизованных структур глобального масштаба в пользу минилатеральных координационных форматов взаимодействия. Развивающиеся страны используют их для защиты своих интересов и совместного развития (БРИКС, АСЕАН, ЕАЭС, Африканский союз), могущественные державы – для сохранения рынков и контроля локальных процессов, разворачивающихся в сфере влияния их союзников (ШОС, «QUAD», IPEF, ВПТТП). Происходящая таким образом институциональная децентрализация мирохозяйственной системы задает вектор перехода от однополярного мироустройства к полицентричному, в котором архитектура управления процессами

экономического развития основывается на принципах глокализации и трансрегионализма, а не глобализации, характерной для многосторонних организаций XX века.

Основным направлением структурной трансформации международной торговли является формирование глобальной сети из неупорядоченных мер ее регулирования, инициированных в одностороннем порядке различными странами. Однако динамика международных торговых потоков определяется в первую очередь операциями компаний, которые следуют логике рынка и нередко идут вразрез с геоэкономическими устремлениями правительств их юрисдикции. Вследствие этого положение стран в торгово-регуляторной сфере различается в зависимости от того, рассматривается ли она с точки зрения государственного регулирования или действий предпринимателей, что затрудняет интерпретацию результатов исследований в этой предметной области.

В ходе сопоставления направленности внешнеторговых интервенций с данными о взаимных экспортных потоках с помощью инструментов работы с большими данными были выявлены кластеры из стран с общими паттернами как в регулировании, так и в торговле. На базе статистических различий между этими кластерами была сформирована типология торгово-регуляторного профиля, позволяющая более полно оценивать взаимоположение и роль стран в процессах структурной трансформации торгово-производственных связей.

Прецедент изоляции российской юрисдикции от международной банковской системы и финансового рынка стал стимулом к поиску новых способов осуществления международных платежей и расчетов. Главными направлениями структурной трансформации финансовой сферы в этой связи стали: отход от доллара как резервного актива в пользу золота, повышение доли расчетов в национальных валютах, развитие сетей теневых финансовых посредников (хавала), а также рост использования децентрализованной инфраструктуры цифровых финансов. Последние обрели особую значимость, так как и ранее служили наиболее очевидным путем обхода ограничений в традиционной финансовой системе, но с ростом числа санкций и

фрагментацией цепочек банков-корреспондентов получили новый импульс к развитию.

Однако это запустило обратную реакцию: рост использования цифровых каналов для обхода санкций акцентировал внимание регуляторов на совершенствовании систем финансового мониторинга. Улучшение инструментария позволило к 2025 году провести новую серию блокировок активов пользователей на счетах криптобирж, содержащих «российский след». В связи с этим цифровые финансы в среднесрочной перспективе могут лишиться преимуществ, сделавших их одним из распространенных методов обхода ограничений.

При исследовании тенденции усиления геостратегической конкуренции в технологиях как основного направления трансформации ИТ-сферы мирохозяйственных связей в работе выявлена асимметрия во взаимозависимостях главных инновационных центров многополярного мира: Китая и США. Намного большая автономность программы информационно-технологической глобализации США позволяет им проводить более агрессивный декаплинг в отношении Китая. В результате партнеры последнего могут подвергнуться риску вторичной изоляции, что необходимо учитывать при реализации политики международного сотрудничества России в ИТ-сфере, а также при разработке мер по минимизации рисков для технологического суверенитета в процессе возвращения компаний-нерезидентов на российский рынок.

Обозначенные трансформации являются следствием адаптации стратегий акторов международных экономических отношений к условиям многополярности. Однако стремление государств к повышению своего суверенитета и влиятельности ведет к фрагментации различных сфер мирохозяйственной системы – институциональной, торговой, финансовой, технологической. Это, в свою очередь, генерирует новые, системные риски для всех участников, выраженные в росте неопределенности, ограничении свободы предпринимательской деятельности, удорожании капитала и замедлении создания инноваций.

Роль государственной политики в этой ситуации смещается от задачи содействия интеграции национальных хозяйств в глобальные цепочки создания стоимости к искусству сложного балансирования: между форсированием экономического развития и ограничением конкурентного потенциала других стран; между поиском возможностей для укрепления внешних связей и минимизацией рисков новых зависимостей. Способность к навигации в этом пространстве определяет устойчивость и конкурентоспособность национальных экономик в условиях многополярности. Настоящая работа призвана облегчить этот путь, внося свой вклад в развитие направления геоэкономического анализа за счет применения акторно-сетевого подхода к исследованию структурных трансформаций мирохозяйственных связей.

Список литературы

1. Баженова, Е.Ю. Геоэкономика : учебник / Е.Ю. Баженова ; Южный федеральный университет. – Ростов-на-Дону ; Таганрог : Издательство Южного федерального университета, 2024. – 344 с. – ISBN 978-5-9275-4652-7.

2. Белитченко, П.Д. Анализ тенденций и направлений трансформации мировой финансовой архитектуры в современных условиях (параграф 1.2 монографии «Сотрудничество России с глобальными и региональными институтами в условиях трансформации мировой финансовой архитектуры») / П.Д. Белитченко ; П.В. Алексеев, Ф.И. Аржаев [и др.] ; под редакцией В.Я. Пищика, Г.А. Бунич. – Москва : Прометей, 2023. – С. 42-56. – 248 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-00172-534-3.

3. Звонова, Е.А. Актуальные проблемы организации и реформирования современного мирового финансового рынка : монография / Е.А. Звонова, В.Я. Пищик, А.В. Кузнецов ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – Москва : РУСНАЙС, 2020. – 270 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-4365-5392-4.

4. Латур, Б. Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию : монография / Б. Латур ; перевод с английского И. Полонской ; под редакцией С. Гавриленко ; НИИ «Высшая школа экономики». – 2-е издание. – Москва : Издательский дом Высшей школы экономики, 2020. – 384 с. – 1000 экз. – ISBN 978-5-7598-2141-0.

5. Линдерт, П. Х. Экономика мирохозяйственных связей : перевод с английского / П.Х. Линдерт ; общая редакция и предисловие О.В. Ивановой. – Москва : Прогресс, 1992. – 514 с. – 2500 экз. – ISBN 6544344555.

6. Перская, В.В. Акторы и субъекты международных экономических отношений на современном этапе развития мирового сообщества. Часть 2. Трансформационные процессы в системе международных экономических отношений: современность и будущее : монография / под редакцией

В.В. Перской, Н.С. Ревенко, А.А. Ткаченко. – Москва : ИНФРА-М, 2024. – 239 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-16-111862-7.

7. Соколова, Е.С. Мировые финансы в условиях системных, технологических и экологических трансформаций : монография / И.А. Балюк, Г.А. Бунич, А.Г. Глебова [и др.] ; под редакцией Е.С. Соколовой, А.В. Кузнецова ; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – Москва : КноРус, 2024. – 231 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-406-12009-5.

8. Соколова, Е.С. Перспективы трансформации современной мировой валютно-финансовой системы : монография / И.А. Балюк, П.В. Алексеев, В.Ю. Барабанов [и др.] ; под общей редакцией Е.С. Соколовой, И.А. Балюка. – Москва : КноРус, 2024. – 186 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-406-11862-7.

9. Толстой, Л.Н. Собрание сочинений : в 8 томах / Л.Н. Толстой ; составитель Л.Д. Громова-Опульская. – Москва : Лексика, 1996. – Том 4 : Война и мир. Томы 3-4. – 763 с. – ISBN 5-7235-0076-7.

10. Хныкина, Т.С. Использование инструментов исламских финансов для российских внешнеторговых платежей в текущих реалиях / Т.С. Хныкина, Ю.И. Мавлютова // Фундаментальные и прикладные исследования в области управления, экономики и торговли : сборник трудов Всероссийской научно-практической и учебно-методической конференции, Санкт-Петербург, 15-19 мая 2023 года : в 8 частях. Часть 4. – Санкт-Петербург : ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2023. – С. 365-373. – 788 с. – 100 экз. – ISBN 978-5-7422-8266-2.

11. Эскиндаров, М.А. Институты обеспечения устойчивого развития Российской экономики : монография / под общей редакцией М.А. Эскиндарова, С.Н. Сильвестрова. – Москва : Дашков и К, 2022. – 466 с. – 500 экз. – ISBN 978-5-394-05222-4.

12. Boz, E. Patterns in Invoicing Currency in Global Trade / E. Boz, C. Casas, G. Georgiadis [et al.]. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2020. – 38 p. – (IMF Working Paper ; № 126). – ISBN 9781513550435.

13. Catalán, M. Safeguarding Financial Stability amid High Inflation and Geopolitical Risks (Chapter 3 «Geopolitics and Financial Fragmentation: Implications for Macro-Financial Stability») / M. Catalán, M.S. Dovi, S. Fendoglu [et al.]. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2023. – P. 81-101. – 125 p. – (IMF Global Financial Stability Report ; № 1). – ISBN 9798400233241.

14. Cerdeiro, D.A. Sizing Up the Effects of Technological Decoupling / D.A. Cerdeiro, R. Mano, J. Eugster [et al.]. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2021. – 39 p. – (IMF Working Paper ; № 69). – ISBN 9781513572673.

15. Gopinath, G. Changing Global Linkages: A New Cold War? / G. Gopinath, P.O. Gourinchas, A.F. Presbitero [et al.]. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2024. – 25 p. – (IMF Working Paper ; № 76). – ISBN 9798400272745.

16. Iancu, A. Reserve Currencies in an Evolving International Monetary System / A. Iancu, G. Anderson, S.Ando [et al.]. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2020. – 67 p. – (IMF Working Paper ; № 2). – ISBN 9781513560298.

17. Peiris, S.J. Asia and Pacific Sailing into Headwinds / S.J. Peiris, D. Furceri, K. Srinivasan [et al.]. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2022. – 67 p. – (IMF Regional Economic Outlook for Asia and Pacific, October 2022). – ISBN 9798400220517.

18. Shekhar, A. Geo-Economic Fragmentation and the Future of Multilateralism / A. Shekhar, A. Ilyina, C. Jiaqian [et al.]. – Washington, DC : International Monetary Fund, 2023. – 42 p. – (IMF Staff Discussion Note ; № SDN/2023/001). – ISBN 9798400229046.

19. Bulatov, A.S. World Economy and International Business. Theories, Trends and Challenges : Textbook / A.S. Bulatov, A.V. Drynochkin, B. Kheifets [et al.]. – Cham : Springer, 2023. – 830 p. – ISBN 978-3-031-20327-5.

Нормативные и правовые акты

20. Декларация БРИКС «Укрепление сотрудничества Глобального Юга для более инклюзивного и устойчивого управления» [принята 06.07.2025 на XVII саммите БРИКС в г. Рио-де-Жанейро, Бразилия] / Президент России : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://static.kremlin.ru/media/events/files/ru/gvTArkWauqwuryk9xzLt3HuuI7EBmqrC.pdf (дата обращения: 18.03.2026).

21. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года [Указ Президента Российской Федерации от 13.05.2017 № 208] / Президент России : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения: 23.02.2024).

22. Одиннадцатая чрезвычайная специальная сессия Генеральной Ассамблеи ООН / Организация Объединенных Наций : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.un.org/ru/ga/sessions/emergency11th.shtml (дата обращения: 08.05.2026).

23. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2026 год и период 2027 и 2028 годов / Банк России : официальный сайт. – 2025. – Текст : электронный. – URL: https://www.cbr.ru/about_br/publ/onfinmarket/ (дата обращения: 12.04.2026)

24. План структурных изменений в российской экономике до 2030 года [утвержден Протоколом заседания Правительства Российской Федерации от 27.11.2025 № 41] / Минэкономразвития России : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL:

https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/plan_strukturnyh_izmeneniy_v_rossiyskoy_ekonomike_do_2030_goda.html (дата обращения: 12.05.2026).

25. Поддержание международного мира и безопасности [Официальный отчет заседания Совета Безопасности ООН от 09.11.2018 № 8395] / Организация объединенных наций : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N18/368/65/PDF/N1836865.pdf?OpenElement (дата обращения: 14.12.2023).

26. Совместное заявление лидеров стран БРИК [принято 16.06.2009 на I саммите БРИК в г. Екатеринбург, Россия] / Президент России : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://kremlin.ru/supplement/209/ (дата обращения: 07.02.2024).

27. Сотрудничество между Организацией Объединенных Наций и региональными и субрегиональными организациями в поддержании международного мира и безопасности [Официальный отчет заседания Совета Безопасности ООН от 09.05.2017 № 7935] / Организация объединенных наций : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/PRO/N17/130/40/PDF/N1713040.pdf?OpenElement (дата обращения: 13.12.2023).

28. Export Control Law of the People's Republic of China [Order of the President of the People's Republic of China № 58 of 17.10.2020] / The National People's Congress of the People's Republic of China : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: http://www.npc.gov.cn/englishnpc/c2759/c23934/202112/t20211209_384804.html (дата обращения: 26.01.2025).

29. National Security Strategy of the United States of America [published 05.12.2025] / The White House : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2025/12/2025-National-Security-Strategy.pdf (дата обращения: 01.05.2026).

30. Ragonnaud, G. The EU chips act: Securing Europe’s supply of semiconductors [Briefing] / G. Ragonnaud // European Parliament : официальный сайт. – 2023. – № PE 733.596. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/BRIE/2022/733596/EPRS_BRI(2022)733596_EN.pdf (дата обращения: 08.11.2026).

31. Scheinert, C. EU’s response to the US Inflation Reduction Act (IRA) [Briefing requested by the ECON Committee] / C. Scheinert // European Parliament : официальный сайт. – 2023. – № PE 740.087 – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.europarl.europa.eu/RegData/etudes/IDAN/2023/740087/IPOL_IDA(2023)740087_EN.pdf (дата обращения: 19.01.2025).

32. White Paper for European Defence – Readiness 2030 / European Commission : официальный сайт. – 2025. – Текст : электронный. – URL: https://commission.europa.eu/document/download/e6d5db69-e0ab-4bec-9dc0-3867b4373019_en?filename=White%20paper%20for%20European%20defence%20%E2%80%93%20Readiness%202030.pdf (дата обращения: 12.05.2026).

Электронные ресурсы

33. Акции «Сбера» упали до 1 цента на Лондонской бирже / РБК : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://quote.rbc.ru/news/article/621f3ada9a79476aabaa2ddd (дата обращения: 17.03.2024).

34. БРИКС изучает расчеты в стейблкойнах и создание платформы для цифровых валют / Коммерсантъ : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6662564 (дата обращения: 21.04.2024).

35. Гущин, Е.С. Инициатива Пояса и Пути: текущий статус реализации и ключевые вызовы / Е.С. Гущин // Всероссийская академия внешней торговли. Институт международной экономики и финансов : сайт. – 2020. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL:

https://www.vavt-imef.ru/news/belt-and-road-initiative-current-implementation-status-and-key-challenges/ (дата обращения: 07.12.2024).

36. Европа весомо нарастила экспорт товаров в Центральную Азию / графики: Р. Брукс, Институт международных финансов // LiveJournal : сайт. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://augean-stables.livejournal.com/618888.html (дата обращения: 06.08.2024).

37. ЕС введет санкции против связанных с Россией криптоплатформ. Что известно / РБК : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/68cd4c929a79473d8ed3b864 (дата обращения: 05.05.2026).

38. Ипатова, И. Тренды развития крупнейших экономик мира: США, зоны евро и Китая / И. Ипатова // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования : обзор. – 2025. – № 1 (81). – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/WORLD_LEADS/2025/World_trends_february_2025.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

39. Ипатова, И. Тренды развития крупнейших экономик мира: США, зоны евро и Китая. Специальный сюжет номера – Тарифная политика президента США Д. Трампа / И. Ипатова, Р. Ахметов, Р. Волков // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования : обзор. – 2025. – № 2 (82). – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/WORLD_LEADS/2025/World_trends_april_2025.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

40. Ипатова, И. Тренды развития крупнейших экономик мира: США, зоны евро и Китая. Специальный сюжет номера – Экономическая политика президента США Д. Трампа / И. Ипатова, Р. Ахметов, Р. Волков // Центр макроэкономического анализа и краткосрочного прогнозирования : обзор. – 2025. – № 3 (83). – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL:

http://www.forecast.ru/_ARCHIVE/Analitics/WORLD_LEADS/2025/World_trends_june_2025.pdf (дата обращения: 15.03.2026).

41. Как прошел саммит БРИКС в Рио-де-Жанейро / Московские новости : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.mn.ru/smart/kak-proshel-sammit-briks-v-rio-de-zhanejro (дата обращения: 15.02.2026).

42. Комлева, В. Рейтинг дружественности коммуникационных режимов соседних стран / В. Комлева // Национальный исследовательский институт развития коммуникаций : сайт. – 2023. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://nicrus.ru/analytics/pub_reitingdrugestvennosti/ (дата обращения: 06.02.2024).

43. Кондолиза Райс назвала врагов человечества / Коммерсантъ : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/392129 (дата обращения: 24.11.2024).

44. Крах биржи FTX. Что случилось? / VC.ru : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://vc.ru/id1294794/539690-krah-birzhi-ftx-chto-sluchilos (дата обращения: 19.11.2025).

45. Кривая доходности ОФЗ. Что было, что стало / БКС Экспресс : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://bcs-express.ru/novosti-i-analitika/krivaia-dokhodnosti-ofz-chto-bylo-chto-stalo (дата обращения: 17.03.2024).

46. Крипторынок обвалился после заявлений Трампа о пошлинах / РБК.Крипто : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.rbc.ru/crypto/news/68e984c79a79472137629091 (дата обращения: 19.11.2025).

47. МВФ спрогнозировал падение российского ВВП на 8,5% / РИА Новости : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://ria.ru/20220419/vvp-1784328600.html (дата обращения: 17.03.2024).

48. Минэнерго ОАЭ объяснило, почему страна вышла из ОПЕК / РБК : сайт. – Текст : электронный. – URL:

https://www.rbc.ru/politics/28/04/2026/69f0cb709a7947c92f00b588 (дата обращения: 30.04.2026).

49. Патрушев: Запад не остановит прокси-войну против России после «горячей фазы» СВО / Коммерсантъ : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.kommersant.ru/doc/6478830 (дата обращения: 15.03.2024).

50. Россиянам заблокировали 2,5 миллиарда в американской криптовалюте / CNews : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.cnews.ru/news/top/2025-03-06_rossiyanam_zablokirovali (дата обращения: 05.05.2026).

51. Си Цзиньпин выдвинул новую концепцию глобализации экономики / Синьхуа новости : сайт. – Текст : электронный. – URL: http://russian.news.cn/2017-01/19/c_135997637.htm (дата обращения: 20.03.2026).

52. ЦБ дал первый официальный прогноз по глубине рецессии / РБК : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.rbc.ru/economics/29/04/2022/626bc2939a7947ebdf90a9f1 (дата обращения: 17.03.2024).

53. Что известно о подрыве газопроводов «Северный поток» и «Северный поток - 2» / ТАСС : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://tass.ru/info/17258101 (дата обращения: 15.03.2024).

54. Что скрывает рублевый стейблкоин A7A5 – анализ экспертов / Е. Лиходей / BeInCrypto : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://ru.beincrypto.com/chto-skryvaet-a7a5/ (дата обращения: 05.05.2026).

55. A timeline of the US-China tariff and trade spat since President Trump took office this year / US News : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.usnews.com/news/us/articles/2025-06-11/a-timeline-of-the-us-china-tariff-and-trade-spat-since-president-trump-took-office-this-year (дата обращения: 15.03.2026).

56. Act on Promotion of Ensuring Security by Taking Economic Measures in an Integrated Manner (In English) / American Chamber

of Commerce in Japan : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://static1.squarespace.com/static/5eb491d611335c743fef24ce/t/627dec876ba75369ad752dc6/1652419721341/economic+security+law+translation+-+full+text.pdf (дата обращения: 26.01.2025).

57. Addressing market fragmentation: the need for enhanced global regulatory cooperation / Institute of International Finance : Report. – 2019. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.iif.com/portals/0/Files/IIF%20FSB%20Fragmentation%20Report.pdf (дата обращения: 06.04.2024).

58. Al-Haschimi, A. The evolution of China's growth model: challenges and long-term growth prospects / A. Al-Haschimi, T. Spital // European Central Bank : Economic Bulletin. – 2024. – № 5. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.ecb.europa.eu/press/economic-bulletin/articles/2024/html/ecb.ebart202405_01~a6318ef569.en.html (дата обращения: 09.10.2025).

59. Ashford, E. Assumption Testing: Multipolarity is more dangerous than bipolarity for the United States / E. Ashford, E. Cooper // Stimson Center. Security & Strategy : Policy Paper. – 2023. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.stimson.org/2023/assumption-testing-multipolarity-is-more-dangerous-than-bipolarity-for-the-united-states/ (дата обращения: 21.02.2024).

60. Average Russian oil exports by country and region, 2021-2023 / International Energy Agency : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/average-russian-oil-exports-by-country-and-region-2021-2023 (дата обращения: 06.03.2024).

61. Brunnermeier, M.K. The Digitalization of Money / M.K. Brunnermeier [et al.] // National Bureau of Economic Research : Working Paper. – 2019. – № 26300. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный.

– DOI 10.3386/w26300. – URL: http://www.nber.org/papers/w26300 (дата обращения: 16.02.2024).

62. Carpenter, C. A new era of oil diplomacy / C. Carpenter, S. Frantzanas, M. Hoisch [et. al] // S&P Global Commodity Insights Magazine. – № 05/25. – ISSN 2153-1536. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://commodityinsights.mydigitalpublication.com/publication/?i=847026&p=2 (дата обращения: 29.04.2026).

63. Cavallo, A. What Can Stockouts Tell Us About Inflation? Evidence from Online Micro Data / A. Cavallo, O. Kryvtsov // National Bureau of Economic Research : Working Paper. – 2021. – № 29209. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI 10.3386/w29209. – URL: https://www.nber.org/papers/w29209 (дата обращения: 05.10.2025).

64. Central bank digital currencies foundational principles and core features // Bank for International Settlements : Report. – 2020. – № 1. – ISBN 978-92-9259-427-5. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.bis.org/publ/othp33 (дата обращения: 16.02.2024).

65. Chimits, F. European Economic Security: Current practices and further development. // F. Chimits, A. Lauer [et al.] // European Parliament : официальный сайт. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.europarl.europa.eu/thinktank/en/document/EXPO_IDA(2024)754449 (дата обращения: 05.06.2024).

66. Crawford, N. Europe’s Measured Response to the US Inflation Reduction Act / N. Crawford // The International Institute for Strategic Studies : официальный сайт. – 2023. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.iiss.org/online-analysis/survival-online/2023/04/europes-measured-response-to-the-us-inflation-reduction-act/#:~:text=After%20a%20sharp%20initial%20response%20to%20the%20passage,the%20fairness%20of%20its%20internal%20and%20external%20trade (дата обращения: 19.01.2025).

67. Currency Composition of Official Foreign Exchange Reserves / International Monetary Fund : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://data.imf.org/en/datasets/IMF.STA:COFER (дата обращения: 24.03.2024).

68. Did Donald Trump use ChatGPT to create Liberation Day tariffs plan? Here's what reports state as many say AI is running the country // The Economic Times : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://economictimes.indiatimes.com/news/international/us/did-donald-trump-use-chatgpt-to-create-liberation-day-tariffs-plan-heres-what-reports-state-as-many-say-ai-is-running-the-country/articleshow/119986834.cms (дата обращения: 27.04.2026).

69. Ebehi, I. Exports in Disguise? Trade rerouting during the US-China trade war / I. Ebehi, E. Malesky, J. Wen, Sung-Ju Wu // Harvard Business School : Working Paper. – 2024 [Revised 2025]. – № 24-072. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.hbs.edu/faculty/Pages/item.aspx?num=65663 (дата обращения: 16.11.2025).

70. Economic Policy Uncertainty (EPU) index : сайт. – URL: https://www.policyuncertainty.com/all_country_data.html (дата обращения: 15.03.2026). – Текст : электронный.

71. Energy market dislocation reshapes global trade flows // European Maritime Finance : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://maritimefinance.eu/energy-market-dislocation-reshapes-global-trade-flows/ (дата обращения: 29.04.2026).

72. European Defence Fund (EDF) / European Commission : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://defence-industry-space.ec.europa.eu/eu-defence-industry/european-defence-fund-edf-official-webpage-european-commission_en (дата обращения: 12.05.2026).

73. Fajgelbaum, P.D. The Return to Protectionism / P.D Fajgelbaum, P.K. Goldberg, P.J. Kennedy, A.K. Khandelwal // National Bureau of Economic

Research : Working Paper. – 2019. – № 25638. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI 10.3386/w25638. – URL: https://www.nber.org/papers/w25638 (дата обращения: 05.12.2023).

74. FT описала схему перевода денег из России на $100 млрд / РБК : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.rbc.ru/finances/05/02/2026/698449bd9a794734f8958dae (дата обращения: 05.05.2026).

75. Geopolitical Risk (GPR) index : сайт. – URL: https://www.matteoiacoviello.com/gpr.htm (дата обращения: 15.03.2026). – Текст : электронный.

76. Global Trade Alert : сайт. – URL: https://www.globaltradealert.org/ (дата обращения: 12.11.2024). – Текст : электронный.

77. Góes, C. The Impact of Geopolitical Conflicts on Trade, Growth and Innovation / C. Góes, E. Bekkers // World Trade Organization : Working Paper. – 2022. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.wto.org/english/res_e/reser_e/ersd202209_e.htm (дата обращения: 08.05.2026).

78. Goldberg, P.K. Is the Global Economy Deglobalizing? And if so, why? And what is next? / P.K. Goldberg, T. Reed // National Bureau of Economic Research : Working Paper. – 2023. – № 31115. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI 10.3386/w31115. – URL: http://www.nber.org/papers/w31115 (дата обращения: 20.12.2023).

79. Google Trends : сайт. – URL: https://trends.google.com/trends/explore (дата обращения: 02.05.2026). – Текст : электронный.

80. How Will the Economic Security Law Change Japan’s Sci-Tech Policy? // Tokyo Foundation for Policy Research : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.tokyofoundation.org/research/detail.php?id=943 (дата обращения: 06.05.2026).

81. Japan’s global rare earths quest holds lessons for the US and Europe / Quartz : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://qz.com/1998773/japans-rare-earths-strategy-has-lessons-for-us-europe (дата обращения: 06.05.2026).

82. Javorcik, B.S. Economic Costs of Friend-Shoring / B.S. Javorcik, L. Kitzmueller, H. Schweiger [et al.] // European Bank for Reconstruction and Development : Working Paper. – 2022. – № 274. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.ebrd.com/home/news-and-events/publications/economics/working-papers/economic-costs-of-friend-shoring.html (дата обращения: 27.07.2024).

83. KOF Globalisation Index / ETH Zurich : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://kof.ethz.ch/en/forecasts-and-indicators/indicators/kof-globalisation-index.html (дата обращения: 28.04.2026).

84. Mair, S. In Defense of Multipolarity / S. Mair // Internationale Politik Quarterly : сайт. – 2023. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://ip-quarterly.com/en/defense-multipolarity (дата обращения: 09.11.2023).

85. Miran, S.A. User’s Guide to Restructuring the Global Trading System / S.A. Miran / Hudson Bay Capital : Essay. – 2024. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.hudsonbaycapital.com/documents/FG/hudsonbay/research/638199_A_Users_Guide_to_Restructuring_the_Global_Trading_System.pdf (дата обращения: 13.08.2025).

86. Operation Tidings of Victory: Did Iran attack US military bases in Qatar, Iraq and Syria? / The Week : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.theweek.in/news/middle-east/2025/06/23/us-bombs-iran-tehran-s-retribution-in-a-day-us-military-base-in-syria-attacked-report.html (дата обращения: 28.04.2026).

87. Project Guardian / JP Morgan : сайт. – Текст : электронный. – URL : https://www.jpmorgan.com/insights/payments/wallets/institutional-defi (дата обращения: 06.07.2025).

88. Research and development expenditure (% of GDP) / World Bank Group : официальный сайт. – Текст : электронный. – URL: https://data.worldbank.org/indicator/GB.XPD.RSDV.GD.ZS (дата обращения: 23.11.2025).

89. Rodrik, D.A. Primer on trade and inequality / D.A. Rodrik // National Bureau of Economic Research : Working Paper. – 2021. – № 29507. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI 10.3386/w29507. – URL: https://www.nber.org/papers/w29507 (дата обращения: 20.12.2023).

90. Rolfe, J. Asian Views of the United States and Multilateralism 2004-2005: Mixed Messages Sent, Mixed Messages Received / J. Rolfe // Asia-Pacific Center for Security Studies : Report. – 2005. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.jstor.org/stable/resrep33796 (дата обращения: 08.12.2023).

91. Russia Relies on Europe to Ship Its Oil Despite Price Cap Breach / Bloomberg : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.bloomberg.com/news/articles/2023-09-25/russia-relies-on-europe-to-ship-its-oil-despite-price-cap-breach?srnd=premium-europe (дата обращения: 06.03.2024).

92. Strahan, M. Navigating Global Financial System Fragmentation / M. Strahan, O. Moehr, D. Tannebaum [et al.] // World Economic Forum : Report. – 2025. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://reports.weforum.org/docs/WEF_Navigating_Global_Financial_System_Fragmentation_2025.pdf (дата обращения: 30.01.2025).

93. Strohecker, K. Russia in historic default as Ukraine sanctions cut off payments / K. Strohecker, E. Chan, A. Shalal // Reuters : сайт. – 2022. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.reuters.com/markets/europe/russia-slides-towards-default-payment-deadline-expires-2022-06-26/ (дата обращения: 15.03.2024).

94. Tarek, A.H. Firm-Level Exposure to Epidemic Diseases: COVID-19, SARS, and H1N / A.H. Tarek, S. Hollander, L. van Lent [et al.] // TRR 266

Accounting for Transparency : Working Paper. – 2022. – № 24. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI 10.2139/ssrn.3566530. – URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3566530 (дата обращения: 19.03.2024).

95. The Middle East conflict begins to cast a shadow on the global economy / Deloitte : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.deloitte.com/us/en/insights/topics/economy/iran-middle-east-conflict-impacts-global-economy.html?hl=en-US (дата обращения: 26.04.2026).

96. Trade Policy Uncertainty (TPU) index : сайт. – URL: https://www.matteoiacoviello.com/tpu.htm (дата обращения: 15.03.2026). – Текст : электронный.

97. TradeOgre // AML Network : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://amlnetwork.org/watchdog-database/cryptocurrency-laundering/tradeogre/ (дата обращения: 04.05.2026).

98. TradingView : сайт. – URL: https://www.tradingview.com (дата обращения: 17.03.2024). – Текст : электронный.

99. Twenty questions (and expert answers) about the Iran war // Atlantic Council : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.atlanticcouncil.org/dispatches/twenty-questions-and-expert-answers-about-the-iran-war/ (дата обращения: 29.04.2026).

100. United Nations Conference on Trade and Development : сайт. – URL: https://unctad.org/ (дата обращения: 12.11.2024). – Текст : электронный.

101. Updates of the Economic Security Promotion Act / Anderson Mori & Tomotsune : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://www.amt-law.com/en/insights/others/publication_0028359_en_001/ (дата обращения: 04.05.2026).

102. US-China trade tensions: A major lesson for 2026 // WTO-FTA : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://wtocenter.vn/german-market/29348-us-china-trade-tensions-a-major-lesson-for-2026 (дата обращения: 27.02.2026).

103. View from Qatar: The new geopolitics of the Middle East – A review of 2025 and a look ahead to 2026 // International Affairs : сайт. – Текст : электронный. – URL: https://en.interaffairs.ru/article/view-from-qatar-the-new-geopolitics-of-the-middle-east-a-review-of-2025-and-a-look-ahead-to-2026/ (дата обращения: 29.04.2026).

104. Widdershoven, C. The Strait of Hormuz may reopen, but the system has already broken / C. Widdershoven // OilPrice.com : сайт. – 2026. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://oilprice.com/Energy/Energy-General/The-Strait-of-Hormuz-May-Reopen-But-the-System-Has-Already-Broken.html (дата обращения: 29.04.2026).

105. Wooldridge, P. Renminbi propels the growth of EME currency trading / P. Wooldridge // Bank of International Settlements : официальный сайт. – 2025. – ISSN отсутствует. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.bis.org/publ/qtrpdf/r_qt2512w.htm (дата обращения: 07.11.2025).

Статьи

106. Абрамов, В.Л. Устойчивые конкурентные преимущества стран в контексте эволюции теоретических подходов по развитию мировой торговли / В.Л. Абрамов, В.А. Прокофьев // Вопросы политологии. – 2021. – № 11 (75). – С. 3213-3224. – ISSN 2225-8922. – Текст : электронный. – DOI 10.35775/PSI.2021.75.11.027. – URL: https://doi.org/10.35775/PSI.2021.75.11.027. (дата обращения: 15.11.2025).

107. Абрамов, В.Л. Анализ теоретических концептов международной конкурентоспособности национальных экономик / В.Л. Абрамов // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. – 2022. – № 9. – С. 6-9. – ISSN 2223-2974. – Текст : электронный. – DOI 10.37882/2223-2974.2022.09.01 – URL: http://www.nauteh-journal.ru/index.php/1/2022/%E2%84%9609/aa6c38c6-89b2-405c-b280-ecfa1c7b9e01 (дата обращения: 15.11.2025).

108. Авдокушин, Е.Ф. 70 лет КНР: от «большого скачка» к технологическому «прорыву» / Е.Ф. Авдокушин // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2019. – № 4. – С. 116-132. – ISSN 2073-6304.

109. Анохин, А.А. Эволюция идей и содержания геоэкономических исследований / А.А. Анохин, С.С. Лачининский // Известия Русского географического общества. – 2014. – № 2. Том 146. – С. 66-76. – ISSN 0869-6071.

110. Аржаев, Ф.И. Роль России в международной торговле после 2022 года: проблемы и перспективы / Ф.И. Аржаев // Страховое дело. – 2023. – № 369 (12). – С. 10-16. – ISSN 0869-7574.

111. Балюк, И.А. Новая парадигма международных финансовых отношений России. / И.А. Балюк, М.А. Балюк // Мир новой экономики. – 2024. – № 3. Том 18. – С. 84-95. – ISSN 2220-7872. – Текст : электронный. – DOI 10.26794/2220-6469-2024-18-3-84-95. – URL: https://doi.org/10.26794/2220-6469-2024-18-3-84-95 (дата обращения: 25.10.2025)

112. Белитченко, П.Д. Особенности применения концепта многополярности при описании современного состояния мировой экономики / П.Д. Белитченко, С.Ю. Белоконев // Регионология. – 2025. – № 1. Том 33. – С. 48-62. – ISSN 2587-8549. – Текст : электронный. – DOI 10.15507/2413-1407.033.202501.048-062. – URL: https://journals.rcsi.science/2413-1407/article/view/267164 (дата обращения: 03.05.2026).

113. Белитченко, П.Д. Особенности становления товарных и цифровых денежных систем в условиях многополярности / П.Д. Белитченко // Мировая экономика и мировые финансы. – 2024. – № 4. Том 3. – С. 63-70. – ISSN 2949-6462. – Текст : электронный. – DOI 10.24412/2949-6454-2024-0360. – URL: https://doi.org/10.24412/2949-6454-2024-0360 (дата обращения: 03.05.2026).

114. Белитченко, П.Д. Особенности технологического решения актуальных проблем международных экономических отношений

/ П.Д. Белитченко, Е.Л. Патокина // Экономика и предпринимательство. – 2022. – № 148. Том 16. – С. 178-183. – ISSN 1999-2300. – Текст : электронный. – DOI 10.34925/EIP.2022.148.11.031. – URL: https://doi.org/10.34925/EIP.2022.148.11.031 (дата обращения: 03.05.2026).

115. Белитченко, П.Д. Оценка уязвимости моделей технологической глобализации США и КНР к рискам декаплинга / П.Д. Белитченко // Мировая экономика и мировые финансы. – 2025. – № 4. Том 4. – С. 22-31. – ISSN 2949-6462. – Текст : электронный. – DOI 10.65324/wewf003. – URL: https://doi.org/10.65324/wewf003 (дата обращения: 03.05.2026).

116. Белитченко, П.Д. Центры регулирования внешнеэкономических отношений в период деглобализации / П.Д. Белитченко // Теоретическая экономика. – 2025. – № 1. – С. 84-99. – ISSN 2221-3260. – Текст : электронный. – DOI 10.52957/2221-3260-2025-1-84-99. – URL: https://doi.org/10.52957/2221-3260-2025-1-84-99 (дата обращения: 03.05.2026).

117. Белоусов, В.М. Геоэкономическая парадигма научных исследований / В.М. Белоусов, А.В. Лубский // Terra Economicus. – 2013. – № 4-3. Том 11. – С. 10-17. – ISSN 2073-6606.

118. Бунич, Г.А. Зависимость функций и форм денег / Г.А. Бунич, Е.С. Соколова // Экономика и предпринимательство. – 2023. – № 2. Том 17. – С. 318-321. – ISSN 1999-2300. – DOI 10.34925/EIP.2023.151.2.064. – Текст : электронный. – URL: https://doi.org/10.34925/EIP.2023.151.2.064 (дата обращения: 03.05.2026).

119. Быков, Б.А. Национальная экономическая безопасность: научные подходы, определение понятия, структурный анализ / Б.А. Быков // Человек: преступление и наказание. – 2016. – № 95 (4). – С. 124-129. – ISSN 1999-9917.

120. Войников, В.В. Правовые аспекты реализации ЕС компетенции в сфере обороны и безопасности на современном этапе / В.В. Войников // Право и управление. XXI век. – 2025. – № 4 (77). Том 21 – С. 15-26. – ISSN 2073-8420.

121. Глебова, А.Г. Эволюция международных санкций и их последствия для Российской Федерации в контексте международных экономических отношений / А.Г. Глебова, Г.И. Табачинский // Мировая экономика и мировые финансы. – 2025. – № 1. Том 4. – С. 31-39. – ISSN 2949-6462.

122. Дробинин, А.Ю. Образ многополярного мира / А.Ю. Дробинин // Россия в глобальной политике. – 2023. – № 2. Том 21. – С. 54-62. – ISSN 1810-6439.

123. Закупень, Т.В. Проблемы кредитования и государственной поддержки инновационных высокотехнологичных производств в условиях импортозамещения / Т.В. Закупень // Журнал российского права. – 2026. – № 4. – С. 31-48. – ISSN 2500-4298.

124. Ижу, Л. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 – стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая / Л. Ижу, Е.Ф. Авдокушин // Мир новой экономики. – 2019. – № 1. Том 13. – С. 67-76. – ISSN 2220-7872. – Текст : электронный. – DOI 10.26794/2220-6469-2019-13-1-67-76. – URL: https://doi.org/10.26794/2220-6469-2019-13-1-67-76 (дата обращения: 10.10.2025)

125. Кашбразиев, Р.В. Количественный подход к оценке рисков международной кооперации / Р.В. Кашбразиев // Финансы и кредит. – 2014. – № 46 (622). – С. 45-58. – ISSN 2071-4688.

126. Кашбразиев, Р.В. Основное противоречие международной производственной кооперации / Р.В. Кашбразиев // Актуальные проблемы экономики и права. – 2015. – № 4. – С. 188-197. – ISSN 1993-047X.

127. Кашин, Е.А. «Европейский концерт» XIX века: истоки, [ф]ункционирование, кризис системы / Е.А. Кашин // Политика, экономика и инновации. – 2021. – № 4 (39). – ISSN 2414-0309. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.pei-journal.ru/index.php/PEII/article/view/988 (дата обращения: 13.08.2024).

128. Кравченко, Ю.Б. Новые вызовы современной системе международной торговли / Ю.Б. Кравченко // Российский внешнеэкономический вестник. – 2024. – № 6. – С. 25-37. – ISSN 2072-8042.

129. Крылова, Л.В. Платформы цифровых валют центральных банков как фактор фрагментации мировой валютной системы / Л.В. Крылова // Экономика. Налоги. Право. – 2024. – № 2. Том 17. – С. 40-50. – ISSN 1999-849X.

130. Кузнецов, А.В. Фрагментация мировой валютно-финансовой системы в условиях роста геополитической напряженности / А.В. Кузнецов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Международные отношения. – 2025. – № 1. Том 25. – С. 56-66. – ISSN 2313-0660.

131. Кузнецов, Ю.В. Возможности расчетов в национальных валютах со странами-партнерами России по интеграционным объединениям / Ю.В. Кузнецов, В.С. Уткин // Экономическая политика. – 2020. – № 6. Том 15. – С. 66-89. – ISSN 2411-2658. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.ecpolicy.ru/jour/article/view/753 (дата обращения: 30.11.2023)

132. Мальцев, А.А. Глобальные мета-риски в постковидную эру / А.А. Мальцев // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2024. – № 1. – С. 124-137. – ISSN 2073-6487.

133. Перская, В.В. Глобальные цепочки стоимости как трансформационный индикатор изменений в мировой экономике / В.В. Перская, Л.И. Хомякова // Вопросы региональной экономики. – 2021. – № 1. – С. 223-233. – ISSN 2078-4023.

134. Перская, В.В. Идеология многополярности как условие поступательности развития и безопасности / В.В. Перская // Экономические стратегии. – 2018. – № 6. – С. 32-27. – ISSN 1680-094X. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.inesnet.ru/article/ideologiya-

mnogopolyarnosti-kak-uslovie-postupatelnosti-razvitiya-i-bezopasnosti/ (дата обращения: 20.08.2025)

135. Перская, В.В. Переход к многополярности: поля сражений или позиционное противостояние? / В.В. Перская // Экономические стратегии. – 2019. – № 1. – С. 62-69. – ISSN 1680-094X. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.inesnet.ru/article/perexod-k-mnogopolyarnosti-polya-srazhenij-ili-pozicionnoe-protivostoyanie/ (дата обращения: 20.08.2025)

136. Перская, В.В. США: от экономики постиндустриальности к реальной промышленной политике / В.В. Перская // Проблемы национальной стратегии. – 2023. – № 1 (76). – С. 58-83. – ISSN 2079-3359.

137. Серебренников, С.С. О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года / С.С. Серебренников, Е.В. Моргунов, С.М. Мамаев [и др.] // Вестник Томского государственного университета. Экономика. – 2018. – № 41. – С. 20-28. – ISSN 2311-3227.

138. Сиденко, О.А. Полицентричность и сетевая модель публичного управления / О.А. Сиденко // Вестник ВГУ. История. Политология. Социология. – 2017. – № 2. – С. 104-110. – ISSN 1995-5480.

139. Соколова, Е.С. Опыт Ирана в преодолении западных санкций в целях нормализации внешней торговой деятельности / Е.С. Соколова, А.Д. Протоценя // Дискуссия. – 2025. – № 1(134). – С. 162-170. – ISSN 2077-7639.

140. Ткаченко, М.Ф. Новые тренды в мировой экономике и международном бизнесе и их влияние на внешнеэкономическую деятельность российских предприятий / М.Ф. Ткаченко, В.М. Кутовой, П.И. Толмачев // Экономика, предпринимательство и право. – 2023. – № 12. Том 13. – С. 6589-6600. – ISSN 2222-534X.

141. Торкановский, Е.П. Автаркия, деглобализация и личностная автономность: поиск самоопределения / Е.П. Торкановский // Экономические отношения. – 2022. – № 3. Том 12. – С. 323-344. – ISSN 2587-8921.

142. Фадеева, И.А. Новые горизонты политики ЕС в области экономической безопасности / И.А. Фадеева // Современная экономика: проблемы и решения. – 2025. – № 4 (184). – С. 93-103. – ISSN 2078-9017.

143. Хейфец, Б.А. Геополитический регионализм и новая регионализация мировой экономики / Б.А. Хейфец // Вестник международных организаций. – 2024. – № 4. Том 19. – С. 7-22. – ISSN 2542-2081. – Текст : электронный. – DOI 10.17323/1996-7845-2024-04-01. – URL: https://iorj.hse.ru/en/2024-19-4/993552589.html (дата обращения: 23.02.2026)

144. Цейковец, Н.В. Концептуальные подходы к пониманию и обеспечению национальной экономической безопасности: научные теории и государственные стратегии / Н.В. Цейковец // Журнал Новой экономической ассоциации. – 2016. – № 1 (29). – С. 129-159. – ISSN 2221-2264.

145. Щербаков, Г.А. Влияние и последствия пандемии COVID-19: социально-экономическое измерение / Г.А. Щербаков // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2021. – № 1. Том 12. – С. 8-22. – ISSN 2079-4665. – Текст : электронный. – DOI 10.18184/2079-4665.2021.12.1.8-22. – URL: https://doi.org/10.18184/2079-4665.2021.12.1.8-22 (дата обращения: 08.04.2026).

146. Щербаков, Г.А. Глобальный дефицит полупроводниковых компонентов как источник современного кризиса мировой автомобильной промышленности / Г.А. Щербаков // МИР (Модернизация. Инновации. Развитие). – 2022. – № 2. Том 13. – С. 270-287. – ISSN 2079-4665. – Текст : электронный. – DOI 10.18184/2079-4665.2022.13.2.270-287. – URL: https://www.mir-nayka.com/jour/article/view/1254 (дата обращения: 08.04.2026).

147. Aligica, P.D. Polycentricity: From Polanyi to Ostrom, and Beyond / P.D. Aligica, V. Tarko // Governance. – 2012. – № 2 (25). – P. 237-262. – ISSN 1468-0491.

148. Amiti, M. The Impact of the 2018 Tariffs on Prices and Welfare / M. Amiti, S.J. Redding, D.E. Weinstein // Journal of Economic Perspectives. – 2019. – № 4 (33). – P. 187-210. – ISSN 1944-7965. – Текст : электронный. – DOI 10.1257/jep.33.4.187. – URL:

https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jep.33.4.187 (дата обращения: 17.01.2025)

149. Campos, R.G. Geopolitical fragmentation and trade / R.G. Campos, J. Estefania-Flores, M. Pelli [et. al.] // Journal of International Economics. – 2023. – № 4. Vol. 51. – P. 1289-1315. – ISSN 0147-5967. – Текст : электронный. – DOI 10.1016/j.jce.2023.06.008. – URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0147596723000628 (дата обращения: 08.05.2026).

150. Chase-Dunn, C. Waves of Structural Deglobalization: A World-Systems Perspective / C. Chase-Dunn, A. Álvarez, Y. Liao // Social Sciences. – 2023. – № 5 (12). – 22 p. – ISSN 2076-0760. – Текст : электронный. – DOI 10.3390/socsci12050301. – URL: https://www.mdpi.com/2076-0760/12/5/301 (дата обращения: 19.02.2024).

151. Chenoy, A.M. The Multipolar Global Political Economy / A.M. Chenoy // Economic and Political Weekly. – 2023. – № 2 (58). – P. 30-34. – ISSN 2349-8846. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.epw.in/journal/2023/2/perspectives/multipolar-global-political-economy.html (дата обращения: 11.02.2024).

152. Ciravegna, L. Why the world economy needs, but will not get, more globalization in the post-COVID-19 decade / L. Ciravegna, S. Michailova. // Journal of International Business Studies. – 2022. – № 53. – P. 172-186. – ISSN 1478-6990. – Текст : электронный. – DOI 10.1057/s41267-021-00467-6. – URL: https://link.springer.com/article/10.1057/s41267-021-00467-6 (дата обращения: 08.02.2024).

153. Gaens, B. Connectivity and Order: An Analytical Framework / B. Gaens, V. Sinkkonen, H. Vogt // East Asia. – 2023. – № 40. – P. 209-228. – ISSN 1096-6838. – Текст : электронный. – DOI 10.1007/s12140-023-09401-z. – URL: https://link.springer.com/article/10.1007/s12140-023-09401-z (дата обращения: 06.02.2026)

154. Häge, F. Choice or Circumstance? Adjusting Measures

of Foreign Policy Similarity for Chance Agreement / F. Häge // Political Analysis. – 2011. – № 3. Vol. 19. – P. 287-305. – ISSN 1476-4989. – Текст : электронный. – DOI 10.1093/pan/mpr023. – URL: https://www.cambridge.org/core/journals/political-analysis/article/abs/choice-or-circumstance-adjusting-measures-of-foreign-policy-similarity-for-chance-agreement/A2AA44B24EE65FC7401B7C44847B074D (дата обращения: 08.05.2026).

155. Luo, Y. Illusions of techno-nationalism / Y. Luo // Journal of International Business Studies. – 2022. – № 53. – P. 550-567. – ISSN 0047-2506. – Текст : электронный. – DOI 10.1057/s41267-021-00468-5. – URL: https://link.springer.com/article/10.1057/s41267-021-00468-5 (дата обращения: 08.12.2025).

156. Tarzi, A. A Brief Overview of Iranian and Israeli Strategies following Operations Rising Lion and Midnight Hammer / A. Tarzi // MCU Insights. – 2025. – № 3 (16). – ISSN 2831-2899. – Текст : электронный. – DOI отсутствует. – URL: https://www.usmcu.edu/Outreach/Marine-Corps-University-Press/MES-Publications/MES-Insights/MCU-Insights-vol-16-no-3/ (дата обращения: 29.04.2026).

157. Tok, V. The impact of COVID-19 on maritime trade and transportation: An estimation of the maritime trade post-COVID-19 / V. Tok, N.J. Ece // Mersin University Journal of Maritime Faculty. – 2022. – № 2 (4). – P. 18-30. – ISSN 2687-6612. – Текст : электронный. – DOI 10.47512/meujmaf.1200009. – URL: https://dergipark.org.tr/en/pub/meujmaf/article/1200009 (дата обращения: 29.01.2026).

158. Ujwary-Gil, A. The actor-network model of economic networks in a geo-economic context: the conceptual considerations / A. Ujwary-Gil, M. Lo Re, F. Parente // Forum Scientiae Oeconomia. – 2022. – № 1 (10). – P. 9-28. – ISSN 2353-4435.

159. Yusupova, R.R. Analysis of the reasons and consequences of the trade war between China and the USA / R.R. Yusupova, N.S. Ibatullina // Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University. – 2025. – № 4 (28). – P. 246-252. – ISSN 2619-0915. – Текст : электронный. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2025.28.22. – URL: https://vestnik-ip.ru/index.php/journal/article/view/524 (дата обращения: 13.06.2025).

160. Zapata, S. La política exterior latinoamericana ante la potencia hegemónica de Estados Unidos y la potencia emergente de China / S. Zapata, A.A. Martínez-Hernández // Colombia Internacional. – 2020. – № 104 (1). – P. 63-93. – ISSN 1900-6004. – Текст : электронный. – DOI 10.7440/colombiaint104.2020.03. – URL: https://revistas.uniandes.edu.co/index.php/colombia-int/article/view/2938 (дата обращения: 02.08.2024).

Приложение А

(информационное)

Предварительная выборка инициаторов и целей дискриминирующих и либерализующих внешнеторговых интервенций на уровне стран

Таблица А.1 – Топ-25% стран-инициаторов дискриминирующих интервенций в 2017-2024 гг.

№	Страна - инициатор	Число дискриминирующих интервенций	№	Страна - инициатор	Число дискриминирующих интервенций
1	США	6163	23	Румыния	689
2	Китай	5103	24	Чехия	673
3	Бразилия	2732	25	Турция	667
4	Германия	2146	26	Венгрия	659
5	Канада	2093	27	Словакия	638
6	Италия	1763	28	Литва	619
7	Франция	1428	29	Ирландия	613
8	Индия	1382	30	Хорватия	612
9	Испания	1284	31	Болгария	610
10	Великобритания	1257	32	Латвия	605
11	Россия	931	33	Эстония	596
12	Польша	891	34	Словения	585
13	Япония	860	35	Аргентина	571
14	Нидерланды	822	36	Люксембург	569
15	Австралия	799	37	Кипр	558
16	Португалия	735	38	Мальта	554
17	Швеция	727	39	Республика Корея	474
18	Бельгия	719	40	Индонезия	463
19	Дания	712	41	Норвегия	378
20	Финляндия	709	42	Мексика	334
21	Австрия	698	43	Южная Африка	331
22	Греция	692	44	Пакистан	275

Источник: составлено автором.

Таблица А.2 – Топ-25% стран-инициаторов либерализующих интервенций в 2017-2024 гг.

№	Страна - инициатор	Число либерализующих интервенций	№	Страна - инициатор	Число либерализующих интервенций
1	Австралия	735	23	Хорватия	145
2	Бразилия	642	24	Чехия	145
3	Индия	616	25	Нидерланды	145
4	Россия	462	26	Бельгия	144
5	Аргентина	408	27	Латвия	144
6	Китай	306	28	Швеция	144
7	США	304	29	Люксембург	144
8	Индонезия	232	30	Румыния	143
9	Мексика	221	31	Словакия	143
10	Новая Зеландия	217	32	Болгария	143
11	Пакистан	204	33	Ирландия	143
12	Турция	184	34	Дания	143
13	Испания	172	35	Эстония	143
14	Италия	160	36	Мальта	143
15	Германия	160	37	Финляндия	143
16	Франция	159	38	Казахстан	142
17	Венгрия	152	39	Литва	142
18	Австрия	148	40	Греция	141
19	Словения	147	41	Кипр	141
20	Польша	147	42	Беларусь	133
21	Кыргызстан	146	43	Армения	129
22	Португалия	145			

Источник: составлено автором.

Таблица А.3 – Топ-25% стран-целей дискриминирующих интервенций в 2017-2024 гг.

№	Страна-цель	Число дискриминирующих интервенций	№	Страна-цель	Число дискриминирующих интервенций
1	2	3	1	2	3
1	Германия	10951	28	Бразилия	7423
2	Италия	10657	29	Чехия	7316
3	Франция	10577	30	Австралия	7172
4	Великобритания	10086	31	Гонконг	7017
5	Республика Корея	9881	32	Финляндия	6913
6	Япония	9858	33	Венгрия	6894
7	США	9722	34	Израиль	6638
8	Испания	9717	35	Норвегия	6472
9	Нидерланды	9565	36	Ирландия	6415
10	Китай	9199	37	Филиппины	6121
11	Бельгия	9071	38	Южная Африка	6105
12	Индия	8984	39	Португалия	5833
13	Канада	8981	40	Румыния	5824
14	Таиланд	8862	41	Словакия	5524
15	Швеция	8598	42	ОАЭ	5355
16	Мексика	8432	43	Словения	5209
17	Польша	8425	44	Украина	4820
18	Швейцария	8309	45	Болгария	4767
19	Малайзия	8221	46	Новая Зеландия	4766
20	Австрия	8160	47	Аргентина	4673
21	Вьетнам	8107	48	Греция	4542
22	Тайвань	8028	49	Эстония	4018
23	Дания	7810	50	Литва	3992
24	Турция	7562	51	Чили	3786
25	Индонезия	7558	52	Люксембург	3719
26	Сингапур	7513	53	Марокко	3654
27	Россия	7436	54	Сербия	3599

Продолжение таблицы А.3

1	2	3	1	2	3
55	Пакистан	3480	58	Саудовская Аравия	3222
56	Египет	3343	59	Камбоджа	3195
57	Колумбия	3259			

Источник: составлено автором.

Таблица А.4 – Топ-25% стран-целей либерализующих интервенций в 2017-2024 гг.

№	Страна-цель	Число либерализующих интервенций	№	Страна-цель	Число либерализующих интервенций
1	2	3	1	2	3
1	Китай	3605	22	Швеция	1829
2	США	3344	23	Тайвань	1798
3	Германия	3058	24	Польша	1777
4	Италия	2861	25	Дания	1671
5	Великобритания	2680	26	Бразилия	1567
6	Франция	2618	27	Южная Африка	1563
7	Нидерланды	2499	28	Австрия	1526
8	Республика Корея	2495	29	Израиль	1470
9	Япония	2442	30	Австралия	1437
10	Индия	2415	31	ОАЭ	1364
11	Испания	2392	32	Чехия	1339
12	Канада	2289	33	Гонконг	1312
13	Таиланд	2276	34	Филиппины	1266
14	Малайзия	2230	35	Норвегия	1244
15	Бельгия	2105	36	Венгрия	1216
16	Сингапур	1964	37	Ирландия	1208
17	Индонезия	1908	38	Новая Зеландия	1183
18	Мексика	1896	39	Россия	1159
19	Турция	1870	40	Португалия	1100
20	Вьетнам	1867	41	Румыния	1033
21	Швейцария	1849	42	Аргентина	1009

Продолжение таблицы А.4

1	2	3	1	2	3
43	Чили	1005	50	Украина	784
44	Колумбия	929	51	Марокко	781
45	Словакия	901	52	Пакистан	735
46	Греция	884	53	Литва	702
47	Саудовская Аравия	873	54	Болгария	694
48	Египет	870	55	Словения	656
49	Перу	807	56	Бангладеш	642

Источник: составлено автором.